

**ТРУДЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО
ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

ВЫПУСК I

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1954**

ТРУДЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЫПУСК .

I

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

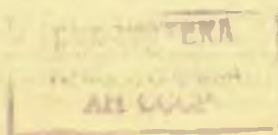
1973 г.

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ПРЕЗИДИУМА КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакторы:

Доктор филологических наук В. И. Цинциус
Кандидат филологических наук Н. И. Богданов

1122.

*М. М. Гухман, В. А. Звегинцев,
П. С. Кузнецов и Б. А. Серебренников*

ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА¹

(ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ)

В течение значительного времени лингвистическая теория акад. Н. Я. Марра и его „учеников“ тормозила развитие марксистского языкознания. Отрицание языка как структурного целого, пренебрежение к изучению конкретных форм и путей развития языков, стремление вскрыть за структурным многообразием языков универсальные общие начала вездесущей семантики, практика сопоставительно-типологического изучения языков на основе метафизических понятийных категорий, нивелирующих качественное своеобразие языков, — все это привело к тому, что в языкознание была внесена теоретическая неразбериха, изучение языков проводилось на базе неправильных формул, противоречащих всему ходу истории народов и языков.

В работах И. В. Сталина по языкознанию разоблачена вульгаризаторская и антимарксистская сущность концепций Н. Я. Марра. Вместе с тем в них разработана система марксистского языкознания, которая создает все необходимые условия для того, чтобы советская наука о языке смогла занять первое место в мировом языкознании. Ведущее место в исследовательской проблематике марксистского языкознания отводится изучению внутренних законов развития языка. Эту проблему И. В. Сталин называет главной задачей языкознания.

Понятие внутренних законов развития языка в сталинском его истолковании является совершенно новым для лингвистики, и поэтому первоначально оказалось необходимым творчески осмыслить его в системе марксистского языкознания. В соответствии с этим первые

¹ Доклад, прочитанный 26 июня 1952 г. на Объединенной научной сессии Карело-Финского филиала АН СССР, Карело-Финского государственного университета и Министерства просвещения Карело-Финской ССР, посвященной второй годовщине выхода в свет труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“.

Настоящий текст представляет собой несколько видоизмененный и дополненный Б. А. Серебренниковым вариант коллективного доклада М. М. Гухман, В. А. Звегинцева, П. С. Кузнецова и Б. А. Серебренникова, прочитанного 18-го июня 1952 года на открытом расширенном заседании Ученого Совета Института языкознания АН СССР, посвященном 2-летней годовщине со дня выхода в свет работы И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“.

Изменения выразились главным образом в конкретизации некоторых формулировок и введении примеров из финно-угорских языков за счет изъятия части примеров из индоевропейских языков с целью приближения содержания доклада к интересам финноугроведов. Основные установки доклада сохранены полностью.

работы советских языковедов в этой области были направлены на раскрытие самого понятия внутренних законов, на определение границы проблемы и отмежевание ее от сопредельных областей исследования. Выполнение этой важной и необходимой предварительной работы осуществлялось на протяжении 1951 года, когда состоялись специально посвященные этой проблеме доклады, а также дискуссии в МГУ, привлечшие большое количество московских лингвистов. Первые попытки определения нового понятия не всегда можно признать удовлетворительными, так как в них в одних случаях проводилось отождествление внутренних законов развития языка с универсальными языковыми явлениями типа аналогии, а в других случаях решение этой проблемы переносилось на почву социальных категорий.

Ряд печатных выступлений этого предварительного периода, и в особенности работы акад. В. В. Виноградова, фиксировали некоторые моменты, бесспорность которых может быть принята. Но, с другой стороны, определился круг вопросов, которые, хотя и представлялись чрезвычайно важными для проблемы внутренних законов развития языка, не получили тогда еще сколько-нибудь исчерпывающего разрешения и нередко истолковывались противоречивым образом. К числу важнейших выявившихся положений, разрабатывающихся в этот период, относятся следующие:

1. Внутренние законы развития языка соотносятся с качеством языка. „Внутренние законы развития языка, — пишет в этой связи акад. В. В. Виноградов, — сказываются в сохранении языком своего качества, в сохранении и развитии им своего грамматического строя и своего основного словарного фонда“.¹ Сохранение языком своего качества следует понимать в том смысле, что все факты развития языка обуславливаются в своих направлениях и в формах развития качественными особенностями данного языка. Отсюда следует, что внутренние законы развития языка — это законы развертывания и совершенствования основных элементов языка, в процессе чего в нем происходят постепенные качественные изменения.

2. В силу своей прямой ответственности с качеством языка, внутренние законы развития языка характеризуют и сохраняют национальную самобытность языка в его историческом движении. „Наличие внутренних законов развития языка является важнейшим условием сохранения самобытности языка, его специфики как национального языка“ (В. В. Виноградов).²

3. В развитии языков вскрываются законы двоякого порядка. Во-первых, законы, свойственные языку вообще как общественному явлению особого порядка, и, во-вторых, законы, являющиеся принадлежностью конкретных языков (или группы родственных языков) и в первую очередь соотносимые с качеством языка. Однако в толковании взаимоотношений законов развития языка указанных двух порядков не было четкости, они нередко отрывались друг от друга, понимались неоднозначным образом, почему этот вопрос в дальнейшем оказался в центре оживленного обсуждения.

4. Поскольку система языка включает компоненты, обладающие особой спецификой в своей природе и формах развития (граммати-

¹ Новый этап в развитии советского языкознания. „Литературная газета“ от 19 июля 1951 года.

² Там же.

ческий строй, словарный состав), постольку высказывались предположения о наличии особых внутренних законов для каждой из этих сторон языка, и даже возможность существования вполне регулярных процессов развития, не связанных с внутренними законами языка.

Подобного рода процессы, в частности, указывались в области фонетики. Фонетические процессы не всегда наглядно обнаруживают свою связь с другими компонентами языка, что и приводило к неправомерному и чисто механическому исключению многих фонетических процессов из внутренних законов развития данного языка или же к установлению абсолютно автономных внутренних законов, замыкающихся только в сфере фонетики.

5. Первый опыт работы над проблемой внутренних законов развития языка показал огромную значимость этого введенного И. В. Сталиным понятия для сравнительного изучения родственных языков. Указывалось на то, что изучение родственных языков с учетом внутренних законов их развития есть реальный и прямой путь к совершенствованию метода сравнительно-исторического языкознания, — обладающего, как это отметил И. В. Сталин, значительными недостатками. Однако дальше простой констатации в этом направлении дело не пошло, и вопрос о решении этой частной проблемы также остался открытым.

Таков тот основной круг вопросов, в котором замкнулось исследование этой проблемы на первом этапе ее разработки. Во многом здесь вопросы только ставились, но не получали своего разрешения, так как обсуждение их проводилось в общем плане, без опоры на конкретный языковой материал. Совершенно естественно, что отсутствие достаточно прочной конкретной базы, отвлеченный характер обсуждения данной проблемы не могли дать более или менее четкого определения самой сущности внутреннего закона, что следует признать основным недостатком всех первых работ, касавшихся этой проблемы. Было не совсем ясно, что же нужно считать внутренним законом развития языка, какие явления в языке можно отнести к внутренним законам его развития и какие из них совершенно не подходят под это определение. Отсутствие единого понимания сущности внутреннего закона естественно вызывало необычайный разноречивый разномыслий, чем и объяснялась чрезвычайно малая эффективность дискуссий и докладов, посвященных этому вопросу.

Переломный момент в разработке проблемы внутренних законов развития языка наступил в феврале 1952 года, когда Институтом языкознания в Ленинграде и Москве была проведена свободная дискуссия с активным участием широких кругов языковедов, вызвавшая большой интерес среди научных работников, преподавателей и студентов.

Большая подготовительная работа, проведенная Институтом языкознания и выразившаяся в многократных предварительных обсуждениях выносимых на дискуссию докладов, дала возможность установить прочные точки опоры для решения на основе обширного и разнообразного языкового материала основных проблем внутренних законов развития языка, определить конкретные пути разрешения другой группы вопросов и наметить перспективы дальнейшей разработки этой проблемы. Тем самым был сделан новый шаг в деле построения системы марксистского языкознания.

В ходе дискуссии по вопросу о внутренних законах развития языка удалось прийти к некоторым, вполне определенным выводам,

не встретившим принципиальных возражений со стороны лингвистов. Эти выводы в настоящее время могут служить основой для развертывания исследовательской работы в области дальнейшего изучения проблемы.

При всей зависимости языка, закономерностей его исторического движения от развития общества, что естественно для всяких общественных явлений, языку как специфическому общественному явлению присущи свои собственные внутренние законы развития.

Совершенно естественно, что язык, обслуживая общество, не может не отражать в той или иной мере характер самого общества, тех исторических условий, в которых оно развивается, поскольку общество, пользуясь языком, не может относиться к нему с полным безразличием.

Носители языка постоянно обогащают язык новыми словами в зависимости от возникновения новых потребностей общения и жизненной практики.

„Этим прежде всего и объясняется, — говорит И. В. Сталин, — что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй“.¹

Но у различных общественных явлений, помимо общего, имеются свои специфические особенности.

В письме к К. Шмидту (от 27 октября 1890 г.) Ф. Энгельс говорит о необходимости при исследовании тех или иных частных проявлений общественной жизни, „отдельных процессов труда“, отдельных идеологических надстроек, считаться со своеобразиями их „самодвижения“, их собственного движения, с самостоятельными законами, вытекающими из природы, из специфики этих явлений“.²

„Специфические особенности базиса, — говорит И. В. Сталин, — состоят в том, что он обслуживает общество экономически. Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создает для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения. В чем же состоят специфические особенности языка, отличающие его от других общественных явлений? Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки — языкознания“.³

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в двух томах. Госполитиздат, 1949, т. I, стр. 471.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 35—36.

Характер внутренних законов развития каждого общественного явления в отдельности связан прежде всего с его ролью в обслуживании общества.

Так, например, если функция надстройки сводится к обслуживанию общества политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями, то совершенно естественно, что развитие путем скачков и взрывов является одной из характерных особенностей развития надстроек в условиях антагонистических формаций.

Если основная функция языка сводится к обслуживанию им общества в качестве средства общения между людьми, то вышеуказанная закономерность развития уже неприменима к языку, так как наличие ее сделало бы невозможным осуществление самой этой функции. Развитие языка путем постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества является поэтому одним из внутренних законов развития языка, как специфического общественного явления.

Каждый язык на земном шаре, где бы он ни находился и каковы бы ни были его носители, выполняет функцию общения между людьми. Поэтому внутренние законы языка как общественного явления распространяются на все языки. Такого рода законы можно назвать общими внутренними законами развития языка.

К общим внутренним законам развития языка можно отнести также закон неравномерности развития отдельных компонентов системы языка, закон постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, закон устойчивости „основы языка“.

К общим внутренним законам развития языка, хотя и иного порядка, могут быть также отнесены те взаимоисключающие противоречивые тенденции к типизации, с одной стороны, и дифференциации, преодолению омонимии, с другой стороны, которые тоже выступают в развитии всех языков.

Эти законы проявляются на всех этапах развития языка, во все периоды его истории. Отличительная особенность общих законов развития языка состоит в том, что они наблюдаются в развитии всех языков: например, закон постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества или закон неравномерности развития различных компонентов языка присущи всем языкам.

От общих внутренних законов развития языка как специфического общественного явления следует отграничить внутренние законы каждого конкретного языка, являющиеся характерными для данного языка и отличающие его от других языков.

Важнейшим достижением дискуссии необходимо признать установление неразрывного единства внутренних законов развития, свойственных всем языкам, и внутренних законов развития конкретных языков. Хотя внутренние законы развития каждого отдельного языка отграничиваются от общих внутренних законов развития, присущих всякому языку как общественному явлению, но в то же время внутренние законы развития каждого языка неотделимы от общих внутренних законов развития языка и представляют собой специфические и частные проявления последних в структуре различных языков. Общее неотделимо от особенного, отдельного, и в отдельном обнаруживается общее. „Некоторые определения,— писал К. Маркс,—

общие как для новейшей, так и для древнейшей эпохи. Без них немыслимо никакое производство. Однако хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно это отличие от всеобщего и составляет закон их развития".

Некоторые языковеды в настоящее время еще нечетко представляют сущность самого понятия закона. Так, например, один лингвист утверждал, что к внутренним законам развития языка следует отнести такие, по его мнению, законы, как закон максимального удовлетворения языком потребностей общения, закон перехода одного качества в другое качество и т. п. Совершенно естественно, что вышеуказанные явления ничего общего не имеют с внутренними законами развития языка как особого общественного явления.

Внутренний закон развития не касается самого состояния или свойства явления. Постоянный переход из одного качественного состояния в другое есть условие существования материи вообще. Закон должен прежде всего характеризовать динамику развития и отвечать на вопрос, как, каким образом совершается переход из одного качественного состояния в другое. Язык тем и отличается от других общественных явлений, что пути и способы перехода из одного состояния в другое в языке и в других общественных явлениях далеко не одинаковы. Точно так же они неодинаковы и в разных конкретных языках при всей сохранности в них общих внутренних законов развития, присущих языку как особому общественному явлению.

Этим и оправдывается правомерность различения общих внутренних законов развития языка как особого общественного явления и внутренних законов развития каждого конкретного языка в отдельности. Поясним это положение на некоторых примерах. В развитии фонетической системы греческого языка резко обозначилась тенденция к сужению гласных. Унификация древних основ, связанная с значительными изменениями морфологического строя и фонетической системы, несомненно является внутренним законом развития русского языка, отличающим его, например, от татарского, в котором этого явления вообще никогда не наблюдалось.

Обогащение словарного состава языка путем создания новых лексических единиц на базе словосложения характеризует развитие немецкого языка. Этот способ развития словарного состава немецкого языка может рассматриваться как один из его внутренних законов развития, в отличие, например, от французского языка.

Однако во всех этих явлениях, каким бы разнообразием они ни отличались, нетрудно усмотреть частные проявления закономерностей, присущих всем языкам.

Так, например, унификация древних основ несомненно связана с действием законов типизации, присущих языку как особому общественному явлению. Медленность и постепенность этого процесса, ведущего к перестройке всей системы склонения, постепенное проявление результатов этой тенденции к унификации древних основ отражает закон постепенного накопления нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества, упорное сохранение этой тенденции на протяжении многих десятков лет свидетельствует о проявлении общего закона устойчивости качества языка.

Внутренние законы развития конкретного языка — это законы его динамики, его количественных и качественных изменений, его перехода от одного качества к другому (акад. В. В. Виноградов). Внут-

ренные законы развития языка проявляются в частных изменениях и составляют сущность этих изменений. Они выражаются в формулах, обобщающих закономерности и тенденции исторического развития языка.

Поэтому внутренние законы развития конкретного языка в определенную историческую эпоху можно представить как закономерные линии в развитии различных составных частей его структуры, имеющие регулярный и устойчивый характер в своем проявлении.

Выражение внутреннего закона развития языка в системе материальных средств языка может отличаться большим разнообразием. Так, например, закон падения редуцированных в русском языке распространялся на разные типы гласных. Редукция конечных гласных в истории немецкого языка, являвшаяся внутренним законом его развития, подчиняла себе различные типы гласных. Внутренний закон развития мордовского языка, заключающийся в закономерном стремлении к выражению многократного и однократного вида посредством специальных глагольных суффиксов при отсутствии выражения совершенности или несовершенности действия, находит свое выражение в различного рода суффиксальных образованиях; ср. суффиксы многократного вида *ле, не, се, кше*: например, *кантлемс* „носить“ (многократно), *лиснемс* „выходить“ (многократно), *совсемс* „входить“ (многократно), *ловнокшиномс* „почитывать“ и т. д.

Поэтому внутренний закон развития языка всегда шире отдельного частного явления. Несмотря на большое разнообразие частных изменений, внутренняя сущность этих изменений остается одной и той же, поскольку все они являются выражением одного внутреннего закона развития данного языка.

Внутренние законы развития конкретного языка определяют национально-индивидуальное своеобразие истории данного конкретного языка, поскольку развитие и совершенствование каждого языка осуществляется по его внутренним законам развития. Так, например, в области лексики совершенствование языка выражается в развитии, обогащении его словарного состава. „Словарный состав, — замечает И. В. Сталин, — отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык“.¹ Обогащение же словарного состава каждого языка осуществляется по внутренним законам его развития: новые слова, возникающие в языке в связи с развитием общества, развитием культуры, техники, производства и т. д., образуются на базе основного словарного фонда языка по существующим и действующим в языке образцам. Именно поэтому столь различны в современных языках словообразовательные средства и приемы: в одних языках, как например в армянском, преобладает словосложение, в других, как например в русском, огромную роль играют фразеологические единицы, типа *Советская Армия, красный уголок, дом отдыха* и т. д. Существующие и действующие в языке словообразовательные и словоизменительные образцы являются не только правилами функционирования языка, но вместе с тем и отражениями различных внутренних законов его развития.

С другой стороны, и развитие словообразовательных типов определяется внутренними законами развития языка, причем здесь с особенной интенсивностью выступает тесная связь словообразовательных

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

процессов с закономерностями развития грамматического строя. Так, в истории немецкого языка процесс развития новых словообразовательных суффиксов имен на базе второго компонента сложного слова был тесно связан с непродуктивностью старых словообразовательных формативов, обусловленной распадом древней структуры слова и перестройкой именного склонения.

Поэтому язык на протяжении всей своей истории сохраняет свой самобытный характер. Подвергаясь процессам скрещивания, язык, если он оказывается победителем, отнюдь не утрачивает своей самобытности. „Так было, — замечает И. В. Сталин, — например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык.

Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития¹. Внутренние законы развития языка охватывают все элементы языка — фонетику, грамматику и лексику.

Каждая сфера в языке может иметь свои внутренние законы. Поэтому можно говорить о внутренних законах фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Так, например, закон падения редуцированных в истории русского языка несомненно следует отнести к внутренним законам развития фонетики этого языка. Становление рамочной конструкции в немецком языке может быть определено как внутренний закон развития синтаксиса немецкого языка. Унификация основ в истории русского языка может быть названа внутренним законом его морфологии, тогда как ярко выраженная тенденция к синонимичным повторам и парным сочетаниям в бурят-монгольском языке может быть названа внутренним законом развития словарного состава этого языка.

Сильная тенденция к образованию всякого рода дифтонгов, появившихся в результате преобразования различных групп согласных, дифтонгизации древних долгих гласных и за счет выпадения согласных в положении между гласными, несомненно некогда представляла внутренний закон развития фонетической системы финского языка.

Развитие элементов синтетического строя несомненно некогда наблюдалось в развитии морфологии осетинского языка, где, несмотря на разрушение падежной системы еще в иранском языке-основе, оформляется новая синтетическая система склонения по типу агглютинативных языков. Тенденция к синтетизму в развитии осетинского склонения в определенный период его истории может быть названа внутренним законом развития морфологии осетинского языка. Однако не каждое отдельное изменение и даже не каждая тенденция развития перерастает во внутренний закон развития языка. В развитии языков вскрываются явления, которые не получают в них развернутого и всестороннего выражения, остаются в его истории единичными фактами и замыкаются в тесном кругу явлений. Во многих древне-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

германских языках наличествовал префиксальный элемент *da, di, de*, использовавшийся при противопоставлении с беспрефиксальными глаголами для выражения видовых значений, но это явление не только не получило развития в дальнейшей истории германских языков, но и вообще исчезло.

В древнее прибалтийско-финское время гласные первого слога обнаруживали некоторые чередования, например, *palaa* „гореть“, *polttaa* „сжечь“.

Однако эти случаи были настолько редки, что не обнаруживали сколько-нибудь закономерной тенденции к использованию чередования гласных в роли различителей значения слов и форм, как это имело место в индоевропейских языках.

В некоторых финно-угорских языках, например, в коми, удмуртском и других, одно время намечалось выражение длительного несовершенного действия посредством аналитических прошедших времен, составленных из вспомогательного глагола „быть“ и форм настоящего времени главного глагола; ср. например, в коми языке образования типа *сийо муно вол* „он шел“, *ми уджалам вол* „мы работали“, удмуртское *мынэ вал* „он шел“, марийское *возеш ыле* „он было писал“ и т. д. Нечто подобное некогда существовало и в мордовском языке, что привело в свое время к образованию так называемого прошедшего длительного времени, например, *молилинь* „я шел“, *ловнылинь* „я читал“, где суффикс *или (или)* восходит к основе вспомогательного глагола *улемс* „быть“; *сокилинь* „я пахал“ имело некогда форму *соки ульнинь* „я был пахущим“. Однако употребление этих сложных прошедших времен настолько нерегулярно, случайно и неотработано, что здесь нельзя даже и говорить о существовании какой-либо устойчивой закономерности. Все подобного рода явления, не связанные с основными линиями развития языка, нельзя соотносить с внутренними законами его развития.

Благодаря целостному характеру языка между отдельными сферами языка и их внутренними законами развития устанавливается взаимодействие. Ярко выраженная тенденция к ограничению сферы употребления винительного падежа за счет партитива, наблюдаемая в современном финском языке, есть результат взаимодействия целого комплекса других закономерных тенденций, к которым относятся: 1) стремление к морфологическому выражению партитивного дополнения; 2) стремление к использованию партитива в роли усиления отрицания, например, *en lukenut tätä kirjaa* — „не прочитал эту книгу“, т. е. не прочитал даже части ее содержания; 3) своеобразная тенденция к выражению посредством партитива видовых различий, например, *luen sanomalehtiä* „читаю газету“, и целый ряд других тенденций, относящихся к сферам морфологии, синтаксиса и лексики.

Упорное стремление к сохранению разноместного ударения является одним из внутренних законов развития русского языка, отличающих его, скажем, от таких славянских языков, как польский и чешский, но этот закон, в свою очередь, поддерживается стремлением к использованию ударения в роли смысловоразличительного средства.

Различная степень продуктивности отдельных основообразующих суффиксов в индоевропейских языках, например, малочисленность группы слов с основами на -и при продуктивности основ на -о и -а,

оказала непосредственное влияние на процесс униформации основ, а в некоторых из индоевропейских языков (ср. германские языки) определила и победу того или иного класса в этом процессе.

Вместе с тем встречаются случаи, когда невозможно обнаружить прямую причинную связь между процессами в различных сферах языка. Так, например, не могут быть поставлены в какую-либо причинную связь с внутренними законами других сфер языка такие внутренние законы фонетики некоторых языков, как тенденция к спирализации, наблюдавшаяся в развитии греческого языка, выразившаяся в превращении древних *d* и *th* в межзубные спиранты *ð* и *v*, аффрикаты *dz* в *z*, *b* в *v*, *kh* в *x*, *ph* в *f*, тенденция к расширению некоторых древних гласных в истории чувашского языка, тенденция к сохранению глухого начала слова, наблюдаемая в финском языке, и др., что заставляет предполагать о наличии в языке некоторых автономных в своем развитии тенденций.

В термин „внутренний закон“, как справедливо замечает академик В. В. Виноградов, „нельзя вкладывать количественно- и качественно-измерительный смысл и различать более внутренние, менее внутренние и самые внутренние законы развития языка — в зависимости от того, в каких сферах языковой структуры эти законы действуют. В таком случае неизбежно окажется, что законы, охватывающие словарный состав, в котором, как известно, прямо и непосредственно отражаются самые разнообразные факты и явления общественной жизни, следует подвести под категорию „недостаточно внутренних“ или „относительно внутренних“; законы, управляющие развитием основного словарного фонда, придется считать „средневнутренними“, и только к законам развития грамматического строя дозволительно приложить ярлык — „абсолютно внутренних“.¹

Следует различать внутренние законы развития языка и правила функционирования языка, поскольку первые являются законами динамики языка, вторые же устанавливают действующие языковые нормы и могут быть в этом смысле статичными. отождествление внутренних законов развития языка с нормами и правилами языка было бы неверно также и потому, что само правило, обычно являясь выражением или результатом внутреннего закона, почти никогда не охватывает его целиком.

Поясним этот тезис некоторыми конкретными примерами. Образование имперфекта от немецкого глагола *kommen* „приходить“, как „пришел“ есть своего рода грамматическое правило. Это правило является, однако, результатом действия некогда существовавшего в немецком языке внутреннего закона его развития, выразившегося в тенденции к использованию чередования гласных в роли грамматического средства.

Окончание формы третьего лица единственного числа имперфекта греческих глаголов Σ тоже грамматическое правило, но оно есть результат некогда действовавшего в греческом языке фонетического закона, выразившегося в тенденции к вокалическому исходу конца слова, ср. греческое $\Sigma\epsilon\rho\Sigma$ „он нёс“ и древнеиндийское *abharat*.

¹ В. В. Виноградов. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания. Журнал „Вопросы языкознания“, 1952 г., № 2, стр. 29.

Образование форм родительного падежа ед. числа от таких финских слов, как *vesi* „вода“, род. п. *veden*, *lehti* „лист“, род. п. *lehten*, *koski* „порог“, род. п. *kosken* представляет весьма важное практическое правило. Однако это правило является отрицанием некогда действовавшего в финском языке внутреннего закона развития его фонетики, выражавшегося в тенденции к сужению конечных гласных, в результате чего древнее *vele* „вода“ превратилось в *vet'i*, затем в *vesi*.

Обязательная постановка глагола в конце предложения в литературном турецком языке есть правило. Но это правило представляет лишь частное проявление внутреннего закона развития синтаксиса турецкого языка, выражающегося в общей тенденции к препозиции всякого рода определительных и обстоятельственных характеристик существительного и глагола. Поэтому неправы те лингвисты, которые отождествляют внутренние законы развития языка с его грамматическими правилами, не говоря уже о том, что не все правила отражают действующие в настоящее время внутренние законы развития языка. Однако неправы в свою очередь и те, кто отрывает правила и нормы функционирования языка от его внутренних законов развития: приведенные выше примеры указывают на их тесное единство.

Внутренние законы развития каждого языка исторически изменчивы и преходящи. Внутренний закон возникает, действует в течение более или менее продолжительного срока и затем утрачивает свое действие.

Так, например, в истории персидского языка некогда действовал закон разрушения древних основ имен существительных. В современном персидском языке этот закон уже не действует, так как древние основы и даже само склонение имен существительных фактически исчезли. В языке, являющемся предком армянского языка, несомненно действовал закон разрушения конца слова: ср. армянское *poğ* „новый“ и греческое *νέος*, армянское *kin* „женщина“ и греческое *γυνή*, русское *жена* и т. д. В современном армянском языке этот закон уже не действует. Падение редуцированных несомненно некогда было внутренним законом развития русского языка. В настоящее время этот закон уже не действует, и т. д.

Поэтому в системе каждого конкретного языка можно обнаружить явления, представляющие результаты действия некогда существовавших внутренних законов, действующие внутренние законы и явления, представляющие зарождающиеся внутренние законы развития языка.

Исторические смены одного внутреннего закона другим подчинены общему закону развития языка, заключающемуся в постепенном накоплении элементов нового качества и постепенном отмирании элементов старого качества. Смена одного внутреннего закона другим не представляет акта решающего удара. Она подготавливается медленно и постепенно. Так, например, внутренний закон разрушения древних основ, полностью завершившийся во французском языке, подготавливался медленно и постепенно еще в латинском языке-основе.

Характер внутренних законов развития конкретных языков и их своеобразие связаны с качеством структуры данного языка. И. В. Сталин учит, что развитие языка происходит путем развертывания и совершенствования элементов существующего языка. Поэтому характер внутренних законов развития конкретного языка и их

своеобразие связаны с состоянием структуры данного языка. Характер и направление внутренних законов развития конкретного языка в значительной мере определяются характером системы его материальных средств. Так, например, использование грамматического аблаута не могло возникнуть в удмуртском языке, поскольку корень слова в удмуртском языке отличается исключительной прочностью и не допускает никаких внутренних перегласовок.

В современном венгерском языке наблюдается довольно ярко выраженная тенденция к использованию глагольных приставок для выражения совершенности действия. Возникновение этого закономерного процесса в значительной мере было подготовлено созданием особой категории наречных конкретизаторов глагола, превратившихся впоследствии в глагольные приставки. Подобное явление не могло возникнуть в коми языке, поскольку состояние структуры этого языка не создавало благоприятных условий для его возникновения.

В русском языке старая система склонения существительных оказывает сильное сопротивление развитию аналитического элемента, так как формы словоизменения у имен существительных впаяны в их словообразовательную лексическую структуру;¹ этим определяется своеобразие форм развития склонения имен в русском языке.

Внутренние законы развития языка, испытывая давление системы, в то же время укрепляют ее и способствуют более или менее длительному сохранению ее качества. Чрезвычайно важную роль здесь играет то, что сформировавшиеся внутренние законы развития языка и система его материальных средств обычно образуют гармоничное функционирующее целое. Внутренние законы развития языка определяют общую направленность изменений структуры языка, они обуславливают (в плане материалистической диалектики) форму и характер того нового, что создается в структуре языка, однако сами по себе они не являются причиной развития языка. Основой развития языка является его собственная структура, характерные и специфические для этой структуры противоречия. Именно эти противоречия образуют внутреннюю причину изменения языковой структуры. Вместе с тем язык как общественное явление неразрывно связан с историей народа, носителя и творца этого языка. И. В. Сталин неоднократно подчеркивает значение внеязыковых факторов для развития языка: "...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка".²

Марксистское учение о взаимосвязи, взаимодействии явлений приобретает специфическую форму в разрешении вопроса о связи развития языка с историей народа, создавшего этот язык. Никким образом нельзя преуменьшать роль развития общества, развития культуры, расширения самих сфер общения и осложняющихся потребностей общения, которые являются внешней определяющей причиной развития языка. Но то, что каждый язык, отражая эти нужды общества, по-разному пополняет свой словарь новыми словами и по-разному совершенствует свой грамматический строй, обусловлено

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, 1947, стр. 177.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

спецификой его внутренних законов развития, порожденных характером его структуры.

Из круга проблем, относящихся к изучению внутренних законов развития языка, был выделен вопрос о характере и особенностях внутренних законов развития группы языков, объединенных признаками родства.

Выделение этого вопроса и исследование влияния языкового родства на внутренние законы развития языков одной группы или семьи обусловлены двумя общими положениями:

1) признанием зависимости внутренних законов развития любого языка от его исторически сложившейся структуры и 2) пониманием языкового родства как генетической общности языков, принадлежащих к одной семье или группе.

В связи с этими двумя положениями, из которых лишь первое касается общей характеристики внутренних законов развития языка, тогда как второе уточняет понятие родства языков, была поставлена специальная задача: исследовать, в какой степени наличие у группы родственных языков исконных общих структурных элементов отражается на внутренних законах развития отдельных языков этой группы, на развертывании и совершенствовании элементов структуры каждого из родственных языков.

Решение этой задачи в применении к специфике конкретных языковых групп и семей должно войти в дальнейшем в круг обязательных вопросов сравнительно-исторического изучения родственных языков, что поможет не только более глубокому пониманию сущности языкового родства, но и всестороннему исследованию природы внутренних законов развития языка. Однако уже в настоящее время можно сформулировать некоторые общие положения, касающиеся специфики внутренних законов развития родственных языков.

Сравнительно-историческое изучение родственных языков позволяет установить известную близость внутренних законов развития этих языков. Эта близость проявляется в структурных типах, в средствах, характерных для развития словообразовательной системы каждого из родственных языков, в развитии их грамматического строя, в фонетических процессах. Примером такой близости внутренних законов развития фонетического строя может служить падение глухих в славянских языках, не только обусловившее ряд более частных изменений звуковой стороны этих языков, но повлиявшее и на древнюю морфологическую структуру слова: ср. в частности влияние падения глухих на перестройку старой системы склонения славянских языков. В области грамматического строя можно указать на общность внутреннего закона развития глагольной системы в славянских языках с характерным для развития всех этих языков переходом от древнего индоевропейского типа презенс-аорист-перфект в конечном итоге к видовым противопоставлениям совершенный — несовершенный вид. Закономерные линии развития, начало которых восходит еще к финно-угорскому языку-основе, наблюдается и в современных финно-угорских языках. Так, например, всем финно-угорским языкам свойственна тенденция к утрате конечного гласного основы в именительном падеже единственного числа (тенденция, не завершившаяся еще полностью в прибалтийско-финских языках), упорное сохранение схемы прошедшего времени на i, если не считать некоторых аналитических форм прошедших времен и нерегулярного выражения будущего вре-

мени аналитическим способом, и другие, типичные для финно-угорских языков особенности их развития.

Эта общность внутренних законов развития родственных языков может проявляться как в судьбе категорий, унаследованных еще от языка-основы, так и в оформлении новых структурных единиц.

Так, например, общие процессы характеризуют в славянских языках развитие старой системы склонения, унаследованной в своих древних чертах еще от эпохи индоевропейской общности, тогда как развитие новой системы аналитических глагольных форм, в свою очередь имеющее место во всех славянских языках, представляет для этих языков уже новые структурные явления.

Благодаря целостному характеру языка, изменения старых категорий и оформление новых структурных единиц тесно взаимодействуют, но в то же время каждый из этих процессов имеет свои особенности и сама природа общности в обоих случаях не тождественна.

Общность внутренних законов родственных языков проявляется не только в общности отдельных внутренних законов развития фонетики, морфологии, синтаксиса и т. д., но и в общности самой взаимосвязи внутренних законов развития различных сфер языка. Особенно наглядно это наблюдается в славянских языках, где такой внутренний закон развития фонетической системы этих языков, как падение редуцированных, был связан со сложными процессами изменений морфологической структуры этих языков. Точно так же в германских языках внутренний закон развития фонетической системы этих языков — редукция безударных слогов — оказал довольно сильное и непосредственное влияние на скорость протекания морфологических процессов, на изменение старой системы склонения и спряжения, хотя редукция безударных слогов не может рассматриваться как первопричина этих изменений.

Отдельные языки, обособившиеся после распада языка-основы, в течение долгого времени обнаруживают близость внутренних законов развития. Однако эта близость никогда не представляет абсолютного тождества и реализуется в каждом из родственных языков в довольно своеобразной и самобытной форме. Несмотря на наличие преимущественно сохраняемой структурной близости, каждый язык обладает довольно своеобразными путями, что в первую очередь зависит от основного факта изолированного существования родственных языков. Как бы далеко мы ни углублялись в историю славянских, германских или в более широком плане в историю индоевропейских или каких-либо других семей языков, мы не находим абсолютного тождества их основного словарного фонда и грамматического строя. Это объясняется тем, что, очевидно, уже имеющиеся расхождения между отдельными диалектами языка-основы, которые в дальнейшем увеличивались в ходе исторического развития этих языков в связи с конкретными историческими условиями, в известной мере определили специфику развития каждого языка в отдельности. Происходившие в условиях этого изолированного развития столкновения с различными языками, не нарушая основных линий развития, могли оказывать известное влияние на формирование структурных моделей того или иного языка, а иногда и на развитие его фонетической системы. Так, например, один из индоевропейских языков — латышский язык — в ходе своего исторического развития подвергался довольно сильному

влиянию западнофинских языков, в особенности языка ливов. Это влияние оставило некоторый след в латышском языке: разноместное ударение, типичное для древних индоевропейских языков, в латышском языке сменилось фиксированным ударением на первом слоге, ср. литовское *galvą* „голова“, латышское *gálva*, литовское *atvirti* (с ударением на последнем слоге) „отворить“, латышское *átvirt'*, литовское *širdis* (с ударением на последнем слоге) „сердце“, латышское *sirds*; появились некоторые общие черты мелодики речи и особое сонорное произношение некоторых гласных, сближающее латышский язык с современным эстонским языком, утвердилось фиксированное положение родительного падежа не после, а впереди относящегося к нему слова, как в финно-угорских языках, например: *Briiviiiba iela* „улица Свободы“ (буквально: „Свободы улица“), появились даже некоторые аналоги финно-угорских падежей, главным образом в окончаниях некоторых наречий, например, латышское *lejup* „вниз“, литовское *vakarop* „к вечеру“ и т. д.

Западнофинские языки в своей истории на протяжении, повидимому, значительного периода сталкивались с индоевропейскими языками балтийской группы. Такое взаимодействие не прошло абсолютно бесследно и для западнофинских языков. Особенно заметно это влияние сказалось в эстонском языке. Так, повидимому, под влиянием балтийских языков эстонский язык утратил притяжательные суффиксы. Финские формы типа *kirjani* „моя книга“, *kirjasi* „твоя книга“, *kirjansa* „его книга“ в эстонском языке фактически невозможны. Особенно показательным в этом отношении является наличие в эстонском языке косвенного склонения (*modus ulativus*), например, *tema kirjutavad* — „будто он пишет“ или „говорят, что он пишет“, совпадающего по значению с латышским пересказочным склонением, например, *gans ganot* „говорят, будто пастух пасет“. Один из финно-угорских языков — марийский, развивающийся по соседству с чувашским языком, подвергся значительному влиянию последнего, в результате чего возник целый ряд структурных особенностей, присущих обоим языкам. В области фонетики это влияние выразилось в появлении некоторых общих закономерностей ударения в чувашском и марийском языках. Если в чувашском и марийском языках последний слог слова оканчивается на редуцированный гласный, то ударение обычно падает при этом на передуприворенный гласный предпоследнего слога; если оба последних слога содержат редуцированные звуки, то ударение падает на третий от конца слог. Под влиянием марийского языка чувашский язык утратил звонкое начало слова, ср. татарское *бар* „есть“, в значении „имеется“ чувашское *пур* и т. д. Притяжательные суффиксы в чувашском и марийском языках располагаются перед окончанием множественного числа, например, чувашское *лаишсем* „их лошади“, марийское *имнеже-влак*, тогда как в соседнем татарском и угро-финских языках пермской группы они располагаются после окончания множественного числа, ср. татарское *атлары* „их лошади“, коми *колхозлэн мбсьяс* „коровы колхоза“, удмуртское *лудьёссы* „их поля“. В марийском и чувашском языках появились две формы числительного — полная и краткая, чего нет в соседних с ними языках; ср., например, марийское *ныл* „четыре“ (краткая форма) и *нылыт* — „четыре“ (полная форма). Поразительные черты сходства наблюдаются в структуре прошедших времен чувашского и марийского языков, а также в особенностях их употребления. Возникающая

в этой связи проблема влияния побежденного языка или языков смежных по территории распространения не получила, однако, достаточного освещения в ходе дискуссии.

По всей видимости, побежденный язык или язык, оказывающий влияние, лишь способствует ускоренному протеканию процессов, заложенных в языке, подвергающемся влиянию. Так, например, в западно-финских языках — эстонском и финском — оформились два сложных прошедших времени — перфект и плюсквамперфект, образуемые из причастия прошедшего времени спрягаемого глагола и вспомогательного глагола „быть“, ср., например, финское *minä olen kirjoittanut* „я написал“ (перфект) и *minä olin kirjoittanut* „я написал раньше“ (плюсквамперфект), эстонское *minä olen lugenud* „я прочитал“ и т. д. Весьма вероятно, что эти формы сложились под влиянием индоевропейских языков, вероятнее всего — шведского, а может быть, даже и балтийских, где имеются соответствующие структурные образцы, ср. шведское *han har kallat* „он позвал“, а также латышские сложные времена *es esum dzeeris* „я напился“ и *es biju dzeeris* „я напился раньше“.

Однако сравнение с другими финно-угорскими языками говорит о том, что в самих финно-угорских языках строительный материал уже был, ср. марийские формы *лудам ыле* „читаю бывало“, *лудынам ыле* „читал бывало“, или удмуртское *ыбылэ вал* „он стрелял“, *шедтысько вал* „я находил“, также в коми *мунб волі* „он ходил“ и т. д. Влияние других языков, очевидно, в данном случае только помогало оформлению сложных прошедших времен в западнофинских языках. При этом нужно отметить, что иноязычное влияние в целом не нарушает основных линий развития каждого языка. Несмотря на влияние различных языков многие финно-угорские, индоевропейские, тюркские и другие языки не утратили многих общих черт своего развития. Различие внутренних законов каждого языка в отдельности определяется их обособлением друг от друга. Общие черты развития этих языков выступают в индивидуально оформленной системе материальных средств каждого языка.

Этим и объясняется тот факт, что внутренние законы каждого из родственных языков, несмотря на наличие общих черт, обладают известной спецификой. Так, например, развитие морфологии в финно-угорских языках обнаруживает ряд общих тенденций. Однако в каждом из этих языков эти тенденции проявляются далеко не одинаковым образом в характере изменения структуры словообразовательных и словозменительных форм. Общая почти для всех финно-угорских языков тенденция к развитию местных и обстоятельственных падежей в системе склонения отразилась в ряде языков по-разному в том отношении, что некоторые из падежных аффиксов финно-угорского языка-основы, выражающих различные локальные отношения, были по-разному использованы. Так, например, древний *п*-овый локатив финно-угорского языка-основы в одних из финно-угорских языков, например, в пермских, получил довольно широкое распространение, ср. коми-зырянское *карын* „в городе“, удмуртское *лудын* „в поле“, тогда как в венгерском языке он был использован для выражения суперессива, например, *lovon* „на лошади“, а в таких языках, как мордовский и марийский, сохранился лишь спорадически в некоторых наречных формах. Древний суффикс *т*-ового аблатива наибольшую продуктивность получил в финском языке, где на его основе возник так называемый партитив, например, *vettä* — партитив от слова *vesi*

„вода“, *verta* — паритив от слова *veri* „кровь“. Так же широко распространен древний аблатив и в мордовском языке, например, *кудодо* „из дома“, тогда как в марийском языке окончание этого падежа в сильно деформированном виде встречается только в некоторых послелогах, например, *чодра гыч* „из лесу“, где *ч* из *д*. Для образования различных локальных падежей западнофинские и пермские языки широко использовали первоначально словообразовательный элемент *l* (*la*), встречающийся в названиях местностей, например, *Kalevala* — местожителство Калевы, а также в таких топонимических названиях, как Шурскола, Кижмола, Кегрола, Юрола и т. д. Этот элемент находится в составе финского адессива, например, *pydällä* „на столе“, аблатива, например, *talolta* „от дома“, аллатива, например, *seinälle* „на стену“, а также в составе многих падежей удмуртского и коми языков, например, в коми языке *мортлӧн* „человека“, *мортлы* „человеку“, *мортлань* „к человеку“, *мортлысь* — „от человека“ и т. д. Однако этого элемента *l* мы совершенно не находим, например, в таких языках, как мордовский и венгерский.

Венгерский язык, сохраняя ту же направленность к многопадежности, пошел по несколько иному пути и развил довольно богатую систему падежей за счет превращения в падежные формативы довольно большого количества некогда знаменательных слов из собственного словарного состава.

Даже такая типичная для финно-угорских языков тенденция, как стремление к выражению многократности и мгновенности действия при помощи специальных суффиксов при полном безразличии к выражению совершенности и несовершенности действия, осуществлялась в различных финно-угорских языках различными способами. В пермских языках особо продуктивным оказался суффикс *l*, выражающий повторность или многократность действия, например, в коми *мунлис* „он шел“ или „ходил“ (неоднократно), в удмуртском *лыдылиз* „он читал“ (много раз). Этот же элемент довольно хорошо представлен в финском языке, например, *pensaat raksahelivat* „кусты хрустели“ (неоднократно); в марийском языке продуктивность этого суффикса значительно ниже, а в венгерском языке он почти отсутствует.

Общая для всех финно-угорских языков тенденция к утрате в именительном падеже древнего конечного гласного двусложных основ также выражалась не всегда абсолютно одинаково. Так, например, финского языка эта тенденция коснулась лишь частично. В ряде случаев она проявилась специфическим образом, путем сужения конечного гласного, ср. например, *uus* „новый“, из *uute*, ср. мордовское *од*; а в эстонском языке и этот конечный гласный исчез, ср. эстонское *uus* „новый“, в вепсском *уз'* „новый“.

Развитие морфологии имен существительных в индоевропейских языках обнаруживает также ряд общих тенденций, которые, однако, проявлялись не одинаковым образом в характере изменения структуры словоизменительных и словообразовательных форм отдельных языков этой семьи.

В области словоизменения общим являлось стирание старого принципа деления классов склонения по основообразующим суффиксам, обусловленное рядом морфологических, фонетических и семасиологических факторов, что вело к различным формам обобщения и укрупнения старых классов. Однако в разных языковых группах индоевропейской семьи процесс этот протекал различно: так, в сла-

вянских языках происходило слияние различных классов в один общий тип (ср., например, слияние имен существительных мужск. и ср. рода основ на *-o*, *-u*, *-i* в один тип склонения), в германских языках изменение шло по преимуществу путем поглощения более продуктивными классами склонения менее продуктивных (ср. поглощение классом *-o* основ мужск. и ср. рода основ на *-I*, *-U* в древне-немецком и древнеанглийском).

Эти общие явления в развитии всех индоевропейских языков не ограничивались системой именного склонения, но характеризовали и развитие глагольного строя. В своей совокупности они были лишь проявлением общего внутреннего закона развития морфологии индоевропейских языков, знаменовавшего дальнейшую ступень грамматической абстракции и обобщения.

Даже такие более ограниченные внутренние законы развития языка, как падение глухих в славянских языках, осуществляются в отдельных языках этой группы по-разному. Ср., например, вызванное падением глухих и с ним связанное противопоставление твердых и мягких согласных, наличествующее только в восточных и западных славянских языках и особенно ярко проявившееся в русском, и т. п.

При общности самих тенденций развития конкретный отбор частных явлений в отдельных языках дает значительные расхождения. В качестве примера можно указать на развитие аналитических временных форм в германских языках, где общим является не только процесс становления аналитических форм на базе свободных синтаксических сочетаний, но и сами стандартные типы сочетаний. Однако при этом в разных германских языках в конечном итоге произошел различный отбор имеющихся возможных сочетаний; к тому же эти аналитические формы составляют в разных языках различные системы. Аналитические временные формы германских языков не дают полного совпадения ни в своей структуре, ни в своем значении: так, например, при образовании аналитических форм будущего времени в английском и немецком языках были выбраны различные вспомогательные глаголы, ср. английское *I shall write* „я буду писать“ и немецкое *Ich werde schreiben*. Не меньшее разнообразие наблюдается и в финно-угорских языках. Для выражения некоторых аналитических форм будущего времени финский язык употребляет глагол *tulla* „приходить“, например *hän tulee rakentamaan* „он будет строить“, коми-зырянский язык прибегает в этих случаях к глаголу *кутны* „приниматься“, например, *билетъясьö кутысны вузавны* „билеты будут продавать“, а мордовский язык для выражения аналитических форм будущего употребляет глагол *кармаис* со значением „начать“, например, *мон карман молеме* „я пойду“.

Далеко не ясным остается вопрос, чем определяется в каждом конкретном языке отбор известных структурных элементов из имеющихся в данном языке потенциальных возможностей. А между тем этот процесс имеет непосредственное отношение к самобытности внутренних законов развития родственных языков.

Общность внутренних законов развития родственных языков не представляет собой чего-то постоянного и неизменного. Напротив, она исторически изменчива. Как общее положение можно отметить, что чем ближе к языку-основе, тем более ясно выступает общность внутренних законов развития родственных языков, чем длительнее обособленное развитие отдельных языков, тем сильнее различия.

Однако это положение отнюдь не охватывает всего разнообразия реальных закономерностей. Так, например, в связи с наличием общих структурных возможностей не исключено в позднейшей истории родственных языков появление общих внутренних законов развития языка. Общность внутренних законов развития родственных языков не является каким-то случайным совпадением или простым параллельным развитием, обусловленным, например, спецификой языка вообще. Эта общность, ограниченная пределами одной группы или семьи, порождена структурой языка-основы. Так, общность форм развития древней системы индоевропейского склонения в латыни, славянских, германских языках была обусловлена характером этой системы еще в языке-основе. Следовательно, общность внутренних законов развития родственных языков является лишь результатом их генетической общности.

Влияние генетической общности на характер внутренних законов развития родственных языков может принимать различные формы. Так, например, некоторые тенденции развития могут быть уже оформлены в эпоху, предшествующую обособлению отдельных языков; в этом случае каждый из родственных языков наследует эти тенденции, приобретающие затем, в ходе обособленного развития, свои индивидуальные черты. В качестве примера можно указать на редукцию безударных слогов в германских языках. Не только изменение типа ударения, но и многие процессы, связанные с разрушением безударных слогов, определились еще до обособления отдельных германских языков (ср., например, отпадение гласных *a*, *e* в абсолютном конце слова, отпадение носовых и т. д.); затем они были унаследованы отдельными германскими языками, как внутренний закон их развития, хотя в дальнейшем, в процессе индивидуального развития германских языков, этот общий внутренний закон развития получал различное преломление; различествовала интенсивность редукции, различествовала редукция отдельных гласных и т. д. Однако нередко общность внутренних законов развития родственных языков возникает уже в эпоху их обособленного существования. В этом случае структура языка-основы лишь создает предпосылки для появления сходных закономерностей в обособленном развитии родственных языков.

Конечно, далеко не всегда можно четко определить — оформлялся ли тот или иной внутренний закон развития уже в языке-основе и был лишь унаследован отдельными родственными языками, или близкие внутренние законы развития возникли только в эпоху обособленного существования родственных языков, поскольку даже если имеет место второй случай, предпосылки этой общности внутренних законов развития родственных языков точно так же заложены в древней структуре языка-основы.

Разграничение различных форм влияния генетической общности на внутренние законы развития родственных языков нередко затруднительно и в связи с неясностью и спорностью многих вопросов, относящихся к характеристике структуры языка-основы этой семьи или отдельных более мелких языковых групп. Несмотря на эти трудности, подобная попытка разграничения оказывается необходимой для более полной характеристики различных форм влияния генетической общности языков на внутренние законы их развития.

Таковы те положения, которые можно считать общепринятыми.

В то же время ряд проблем, относящихся к области внутренних законов развития языка, не получил в ходе дискуссии надлежащего разрешения. При этом одни из таких проблем совсем или почти совсем не были затронуты, по другим же проблемам были высказаны разными учеными различные и противоречащие друг другу соображения. Дальнейшая разработка этих проблем является поэтому одной из важнейших задач советского языкознания. Основные из этих проблем следующие:

1. В труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ неоднократно подчеркивается неразрывная связь языка и мышления. Так, говоря о характерных признаках языка, И. В. Сталин указывает на то, что „будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе“.¹ Отсюда явствует, что плодотворная разработка проблемы внутренних законов развития языка возможна лишь при учете неразрывного единства языка и мышления. В этой области пока сделано очень мало.

2. И. В. Сталин учит, что „язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“.² Поэтому вопрос о соотношении внутренних законов развития данного языка является одним из важнейших вопросов науки о языке. Однако в появившихся до настоящего времени статьях, а также в выступлениях на дискуссии этот вопрос не получил надлежащего освещения. Здесь речь идет об истории отдельных конкретных языков, о связи исторического развития этих языков с историей соответствующих народов и о том, в какой мере видоизменения, происшедшие в сфере внутренних законов развития языка, могут быть связаны с особенностями исторического развития соответствующих народов. В связи с этим встает вопрос о том, в какой мере вообще внешние импульсы могут преобразовать внутренние законы развития языка.

3. Не получил должного освещения на дискуссии и ряд проблем, связанных с уточнением понятия самих внутренних законов развития языка, с определением границ их действия и т. п.

На дискуссии было высказано положение о том, что не всякое отдельное частное изменение, происшедшее в языке, должно быть отнесено к области действия внутренних законов развития языка. Основываясь на том, что специфику языка составляет грамматический строй и основной словарный фонд, некоторые лингвисты считают, что из фонетических изменений должны быть соотнесены с внутренними законами развития языка лишь те явления, которые играют определенную роль в развитии грамматического строя и словарного состава: так, например, в области германских языков таким изменением является изменение ударения, в области славянских языков — установление (еще в эпоху общеславянского языка-основы) так называемого закона открытых слогов. И, с другой стороны, якобы не могут быть отнесены к области действия внутренних законов развития

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

² Там же.

языка такие звуковые явления, которые остаются только в области фонетики и не играют никакой роли для развития грамматического строя или словарного состава. В такой трактовке этого вопроса иногда забывается то обстоятельство, что многие частные изменения, происходящие в языке, особенно если они носят регулярный характер, представляют собой проявление некоторых более общих закономерностей, а с другой стороны, сами эти более общие закономерности складываются на основе различных изменений. При этом одни и те же по природе фонетические изменения в одних случаях отражаются, а в других не отражаются на развитии грамматического строя.

В связи с этим должна быть решена проблема — все ли регулярные изменения в языке относятся к области действия внутренних законов развития языка и представляют собой проявление их.

4. Различные частные изменения в языке представляют собой, как уже было сказано, проявления более общих закономерностей и, с другой стороны, изменения более общего порядка осуществляются на основе ряда более частных изменений, являющихся порою следствием этих более частных изменений. Так, например, различные частные случаи процессов униформации склонения, приводящие к объединению различных их типов на протяжении истории русского языка, а также и других славянских языков, представляют собой проявление общей закономерной тенденции к выражению одними и теми же морфологическими средствами одних и тех же синтаксических отношений, в основе которой лежит обобщающий, абстрагирующий характер грамматики, которая „берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложении...“¹ С другой стороны, такая общая, например, фонетическая закономерность, сыгравшая большую роль и в развитии грамматического строя, как установившийся в общеславянском языке-основе и продолжающий действовать в истории отдельных славянских языков раннего периода закон открытых слогов сложился на основе ряда частных и разновременных фонетических изменений.

В связи с этим встает вопрос об „иерархии“ внутренних законов развития языка, о взаимоподчинении различных закономерных изменений языка.

5. На дискуссии был поставлен вопрос об отношении внутренних законов развития языка к правилам его функционирования на определенном историческом этапе. Для советского языкознания неприемлем тот разрыв между явлениями синхронии и диахронии, который характерен для большинства современных зарубежных лингвистов, теоретические воззрения которых восходят к де-Соссюру. Нисколько не отрицая важности изучения системы любого языка в данный момент его существования, следует помнить, что соответствующее состояние языка представляет определенный этап в его закономерном историческом развитии. Историческое же развитие языка осуществляется на основе его внутренних законов. Однако вопрос о том, как связано состояние языка с внутренними законами его развития, не получил надлежащего разрешения и требует дальнейшей разработки.

6. Как на дискуссии по конкретным законам развития языка, так и в различных статьях, опубликованных до и после дискуссии, речь шла главным образом о грамматическом строе (морфология и синтак-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

сис) и фонетике, но совершенно не ставился вопрос о внутренних законах развития языка в области лексики в применении к развитию основного словарного состава в целом. Исследование внутренних законов развития словарной стороны языка является поэтому одной из насущных задач советского языкознания.

7. Важной задачей является исследование отношений внутренних законов развития языка к скрещиванию различных и разнородных языков, так как „при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает“.¹ Но в то же время отдельные элементы (некоторые слова, некоторые словообразовательные средства, некоторые особенности синтаксических конструкций, некоторые фонетические особенности) из языка побежденного входят в язык-победитель. В связи с этим встает вопрос, также до настоящего времени не получивший разрешения, как воздействие побежденного языка, т. е. языка-субстрата, может, хотя бы в какой-то незначительной мере, отразиться на изменении внутренних законов развития победившего языка.

8. Сложной проблемой, подлежащей исследованию, но до сих пор почти не затронутой, является вопрос о наличии однородных законов развития в языках неродственных, иными словами, вопрос о возможном параллелизме закономерного развития в различных неродственных языках. Однородные закономерные изменения наблюдаются в языках различных семей. Так, например, преобразование результатов изменений фонетического характера в морфологическое средство широко представлено в индоевропейских языках, начиная с общиндоевропейского языка-основы и кончая сравнительно поздними периодами исторического развития отдельных языков (ср., например, общиндоевропейское чередование гласных *e/o*, получившее морфологическое использование в системе глаголов). Подобное же преобразование фонетических изменений в морфологическое средство наблюдается также в угро-финских языках (ср., например, связанное с удвоением коренного согласного образование множественного числа в коми-пермяцком языке и т. п.). Возникает вопрос о том, в какой мере подобные процессы соотносятся с внутренними законами развития названных языков.

9. Изучение языкового родства является особо важным для изучения законов развития языка. Следовательно, плодотворное сравнительно-историческое изучение родственных языков одной группы или семьи невозможно без сравнительно-исторического изучения внутренних законов развития соответствующих родственных языков. Поэтому сравнительно-историческое изучение внутренних законов развития родственных языков должно стать неотъемлемой частью сравнительно-исторического языкознания, какой бы группой или семей языков оно ни занималось; именно сравнительно-историческое изучение внутренних законов развития родственных языков конкретной группы или семьи должно раскрыть закономерности их развития и тем самым преодолеть эмпиризм, характерный для прежних работ по сравнительному языкознанию.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

10. Поскольку различные конкретные языки характеризуются своеобразием внутренних законов своего развития, особое значение приобретает изучение и определение внутренних законов развития отдельных языков, без которого невозможно построение истории конкретных языков. Так, очевидно, периодизация истории конкретных языков не должна исходить из внеязыковых факторов, она должна строиться на основе внутренних законов развития данного языка.

11. Должен быть подвергнут исследованию характер внутренних законов развития диалектов одного языка, имея в виду то, что диалекты подчинены общенародному языку, как низшие формы высшим. Здесь особенно важным является вопрос о том, в какой мере специфика взаимосвязей диалектов одного языка и возможность концентрации диалектов при образовании национального языка связаны с характером общности их внутренних законов развития. Внутренние законы развития, объединяющие различные диалекты одного языка, обычно имеют больше общего, чем внутренние законы развития даже близко родственных языков. Так, например, для такого языка, как русский, характеризующегося очень большой взаимной близостью входящих в его состав диалектов, трудно даже указать закономерности более или менее общего характера, которые не охватили бы в какой-то мере всех диалектов: решительно во всех русских диалектах и в одном и том же направлении изменился общий характер акцентной системы, во всех диалектах имело место разрушение старой системы времен, и даже такое крупное фонетическое изменение, как *аканье*, охватывающее лишь часть русских диалектов, представляет собой лишь частный случай изменения безударного вокализма, проходящего в какой-то мере по всем диалектам. Этот общий характер внутренних законов развития диалектов одного языка, несомненно, должен быть учтен, когда мы рассматриваем процессы конкретизации диалектов, ведущую роль в этом процессе какого-либо одного диалекта, лежащегося в основу национального языка (как это было, например, с курско-орловским диалектом, легшим в основу русского национального языка), когда мы рассматриваем отношения к этому диалекту других диалектов, теряющих свою самобытность, вливаясь в национальный язык и исчезая в нем.

Изложенным далеко не исчерпывается круг тех проблем, которые в первую очередь подлежат разрешению на основе сталинского учения о внутренних законах развития языка. Но даже и перечисленные вопросы с предельной ясностью свидетельствуют о важности и широте проблем, связанных с внутренними законами развития языка. Проблема внутренних законов развития языка является одним из основных компонентов марксистской науки о языке: она служит основой решения всех вопросов исторического языкознания.

Проф. П. А. Аристэ

О НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ
ФИНСКОГО ЯЗЫКА

В своих работах „Относительно марксизма в языкознании“, „К некоторым вопросам языкознания“ и „Ответ товарищам“ И. В. Сталин указал советским языковедам путь, по которому советское языкознание может развиваться в правильном направлении. Он указал также на то, что исследование языков может оказать большую пользу языкознанию при выяснении законов развития языка. И. В. Сталин следующим образом определил сущность грамматики: „Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления“.¹

Грамматическое строение языка меняется медленно, — история говорит о большой стойкости языка. Стойкость языка объясняется именно устойчивостью грамматического строя. Этим объясняется, например, тот факт, что в склонении слов и в их значении в предложении у родственных языков сохраняются общие черты в течение долгого времени после того, как языки отделились друг от друга.

И. В. Сталин указал и на то, что языки развиваются по внутренним законам своего развития. Задачей советского языкознания является исследование законов внутреннего развития отдельных языков.

В период марристского засилья языковеды почти не имели возможности изучать родство языков и сравнивать родственные языки. Изучение родства языков клеймилось как распространение теории „праязыка“, хотя Марр сам и его ученики, по существу, вели пропаганду за „праязык“ всех существующих языков мира, уверяя, что первыми словами всего человечества были *сал, бер, йон, рош*, из которых образовались все слова и все формы слов всех языков. Марр и его ученики стояли на неправильных позициях, полагая, что у всех языков был один путь и одно направление развития, и утверждая, что развитие языков зависело непосредственно от экономических причин.

Марровцы, конечно, не могли ответить на вопрос — почему финский и шведский языки не стали родственными, несмотря на то, что

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 24.

финны и шведы жили в непосредственном соседстве в течение столетий; латышский язык тоже не стал родственным эстонскому языку: эстонский язык продолжает оставаться финно-угорским языком, а латышский язык принадлежит к семье индоевропейских языков. О родстве языков И. В. Сталин в своей работе „Марксизм и вопросы языкознания“ сказал: „А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка“.¹ Сказанное о родстве языков на примере славянских языков может быть отнесено к прибалтийско-финским и другим родственным между собой языкам.

Отрицание генеалогического родства языков привело к тому, что изучению и сравнению прибалтийско-финских языков не уделяли должного внимания. Вместе с тем, покойный член-корреспондент АН СССР проф. Д. В. Бубрих своими работами показал, какие важные результаты может дать сравнение родственных финно-угорских языков. Так, сравнивая данные родственных языков этой группы, он мог поставить и разрешить ряд вопросов о прошлом карельского народа и языка.

Если сравнение данных родного языка с фактами родственных языков дает возможность для выявления путей развития языка в прошлом, то сопоставление языков более выпукло выявляет, в каком отношении другие языки отличаются от родного языка. Сопоставляя, например, русский язык с финским языком, мы будем лучше понимать, какими возможностями для выражения той или иной мысли обладает каждый из этих языков, каким образом неродственные, разносистемные языки выражают одинаковые грамматические категории.

Финно-угорские языки отличаются по своему строю от индоевропейских языков. В связи с этим можно отметить некоторые важнейшие характерные черты, присущие финно-угорской группе языков.

В финно-угорских языках у существительных и глаголов могут быть одни и те же признаки. Например *i* у существительных указывает множественное число: *maissa*, *kaloissa*, *matalissa* „в странах“, „в рыбах“, „в низких, в мелких“. То же *i* может указать и форму глагола, которым указывается действие прошедшего времени, т. е. имперфект: *sain*, *apnoin*, *kirjoitin* „получил“, „дал“, „писал“. С прилагательными *i* указывает на величину свойства: *suurin*, *matalin j. n. e.* „наибольший“, „самый низкий“ и т. д.² В финно-угорских языках граница между существительными и глаголами вообще не является такой резкой, как в индоевропейских языках. То, что с точки зрения индоевропейских языков является невозможным, в финно-угорской языковой группе может быть совершенно обычным явлением. В финно-угорских языках глагол может иметь склонение и существительное — спряжение, например, в эрзя-мордовском, где *n* и *m* такие же личные окончания, как и в финском языке. Эти личные окончания могут одновременно употребляться и в существительных, и в прилага-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33, 34.

² Повидимому, в этих трех случаях показатель является лишь грамматическим омонимом (ред.).

тельных, и даже в наречиях: *церап, церат* „я мальчик, ты мальчик“, *одан, одат* „я молод, ты молод“, *тесян, тесят* „я тут, ты тут“. В эрзя-мордовском языке — *кудос* „в дом“, *кудосо* „в доме“, *кудосто* „из дома“. Эти же падежные окончания могут присоединяться и к глагольной основе: *максомс* „дать“, *максан* „даю“, *максот* „даешь“. Упомянутые морфологические явления встречаются и в прибалтийско-финских языках, которые очень близки к мордовскому. И в финском языке можно употреблять падежные окончания в глагольных основах: *tulemaan* „(надо) придти“ (иллатив), *tulemassa* „идет“ (инессив), *tulemasta* букв. „вышел из состояния прихождения“ (элатив), *tulemalla* „своим приходом“ (адессив), *tulematta* „не придя“ (абессив). Падежное окончание транслатива может встречаться и в глагольной основе: *tullakseni* „чтобы придти“ и т. д. Поскольку в финно-угорских языках отсутствует четкая грань между именами и глаголами, трактовка грамматических форм этих языков в грамматиках может сильно отличаться от трактовки соответствующих явлений в индоевропейских языках.

В финно-угорских языках граница между отдельными группами имен также менее четкая, чем в индоевропейских языках. В финно-угорской группе языков имена делятся на имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, в сущности, только по значению слов и на основании их синтаксического употребления. В этих языках нет разницы в морфологических показателях для разных частей речи, например, в их склонении.

В финском языке одинаково склоняются все имена: *kalalle, uudelle, kahdelle, hanelle* „рыбе“, „новой, новому“, „двум, двоим“, „ему, ей“. Если для сравнения мы возьмем, например, русский язык, то увидим, что склонение существительных отличается от склонения прилагательных, числительных и местоимений: например, *мужу, жене, новому, новой, второму, второй* и *ему, ей*.

Из приведенного видно, что в грамматическом строе прибалтийско-финских языков имеют место такие особенности, которых нет в других, не родственных им языках. Сравнивая же прибалтийско-финские языки между собой, можно разобрать такие вопросы, выяснение которых невозможно на фактах языков других групп. Но при этом надо все время помнить, что каждый язык развивается по своим внутренним законам. Финский и эстонский языки очень близкие родственные языки, в их грамматическом строе много общего, но имеется и много такого, в чем эти языки резко отличаются друг от друга. Грамматика эстонского языка, например, утратила притяжательные суффиксы (*minu isa, sinu isa, meie isa* „мой отец, твой отец, наш отец“; по-фински: *minun isäni, sinun isäsi, meidän isämme*), личные окончания в отрицаниях (*mina ei tule, sina ei tule, tema ei tule* — „я не придю, ты не придешь, он не придет“; по-фински: *minä en tule, sinä et tule, hän ei tule*), возможностное наклонение и т. д., которые особенно характерны для грамматики финского языка. В грамматике эстонского языка между тем образовалось новое наклонение для выражения косвенного действия (*minä tulevat* „говорят, что я иду“), которого нет в других прибалтийско-финских языках.

Следует иметь в виду также, что при описаниях и исследованиях грамматики языков оказывают влияние грамматические традиции других языков. Грамматики финского языка создавались под влиянием грамматик шведского языка. На описание грамматики эстонского языка оказывали воздействие грамматики немецкого языка. Поэтому

иногда одно и то же грамматическое явление в учебниках грамматики родственных языков трактуется по-разному. Прибалтийско-финские языки грамматически в отдельных случаях ближе к славянским, чем к германским языкам. Причиной этому были существовавшие тысячелетиями постоянные связи между прибалтийско-финскими и балтийско-славянскими народами. Археология подтверждает, что предки современных прибалтийско-финских народов соприкасались с предками балтийских и западнославянских народов еще до того, когда началась тесная связь между прибалтийскими финнами и германцами. Поскольку же образцом для создания эстонской грамматики была главным образом грамматика германских языков, то понятно, что трактовка грамматических категорий по образцу русских грамматик часто оставалась в наших грамматиках неизвестной. После выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языка и языкознания началось серьезное обсуждение вопроса о том, не подойти ли к некоторым установившимся положениям грамматики эстонского языка с новой точки зрения. Во вновь составляемую грамматику эстонского языка вносятся поправки с учетом внутренних законов развития эстонского языка и всех достижений в области изучения грамматического строя эстонского языка. Надо полагать, что грамматика финского языка тоже нуждается в пересмотре теперь, когда советскому языкознанию указан новый путь, по которому можно прийти к правильным выводам.

Грамматика, т. е. нормы изменений слов и сочетаний слов в предложении, финского языка в разные времена и разными языковедами рассматривалась по-разному. Это является главной причиной того, почему автор хотел в этой небольшой статье обратить внимание на некоторые грамматические явления, которые в грамматике финского языка принято рассматривать определенным образом, но которые в грамматиках других прибалтийско-финских языков рассматриваются по-другому. В связи с этим предлагаются на рассмотрение следующие вопросы финской грамматики.

1. В финском языке русские шипящие *ш, ж, ч, щ* обозначаются латинскими буквосочетаниями *sh, zh, tsh, shtsh* — Sholohov, Zhukovski, Tshehov, Shtshedrin; *h* в этих буквосочетаниях использован как фонетический вспомогательный знак. В других языках Советского Союза, которые пользуются латинским алфавитом, приведенные выше шипящие обозначаются знаками *š, z, tš* или *č, šts* или *šč*, например в эстонском — Solohhov, Žukovski, Tšehhov, Štsedrin, в латышском — Šolochovs, Žukovskis, Čehovs, Štsedrin, в литовском — Solochovas, Žukovskis, Čehovas, Ščedrinas. Для финского языка можно было бы также принять приведенные выше знаки. Принятие таких знаков является тем более необходимым, что в названиях местностей и в других именах собственных, а также и в некоторых других словах, в русском языке встречаются сочетания букв *ш-х, ч-х, щ-х* и др., например, Ашхабад, бывш. Асхабад (город), Ашхамаф (адыгейский языковед), ашхарабар (современный армянский литературный язык), Мефис-Чхаро (гора) и т. д. Эти имена и слова транскрибируются в периодических изданиях и книгах Карело-Финской ССР следующим образом: Ashhabad (Ashabad), Ashhamaf, ashharabari, Mefis-Tshharo и т. д. Целесообразнее и проще было бы писать Ašhabad, Ašhamaf, ašharabari, Mefis-Tšharo.

Предложение о введении букв *š, ž, š* в финскую орфографию сделано профессором А. Пенттиля в его книге „*Suomen kielen äänne- ja oikeinkirjoitusoppi*“ (1948).

Карело-финская языковая традиция могла бы в данном случае совершить нужное обновление, поскольку она свободна от пут предрассудков.

2. Переходя к рассмотрению грамматических явлений, надо прежде всего выявить один вопрос о дополнении в финском языке. Дополнение является характерной чертой финского и других прибалтийско-финских языков. Оно имеет гораздо большие задачи, чем дополнение индоевропейских языков. В разных грамматиках оно рассматривается по-разному. В грамматиках финского языка падежами прямого дополнения названы винительный и частичный падежи (аккузатив и партитив). Об аккузативе в них говорится, что в единственном числе он сходен с родительным и именительным падежами (генитив и номинатив), а во множественном числе сходен с номинативом (кажущимися исключениями являются личные местоимения). В эстонских и других грамматиках прибалтийско-финских языков не имеется винительного падежа, но указывается, что прямое дополнение может быть выражено разными падежами, в зависимости от синтаксических особенностей. В грамматике эстонского языка говорится, что в предложении *too raamat* „принеси книгу“ дополнение выражается номинативом, в предложении *toon raamatu* „принесу книгу“ — генитивом и в предложении *ärä too raamatut* „не приноси книгу“ — партитивом. В грамматике финского языка известны в единственном числе две формы аккузатива: сходная с генитивом и с номинативом. О множественном числе говорится, что у аккузатива одна форма, напоминающая номинатив множественного числа. Говорится также об аккузативе с окончанием и без окончания в качестве падежа прямого дополнения. Партитив является падежом частичного прямого дополнения. В эстонских грамматиках тоже в свое время отмечался аккузатив. Он попал в грамматику эстонского языка, повидимому, только потому, что в немецкой грамматике, служившей образцом при составлении эстонской грамматики, был этот падеж. Несколькими десятилетиями тому назад был выброшен из эстонской грамматики этот падеж, как совершенно ненужный. Учащиеся понимают разные значения дополнения и без этого несуществующего падежа. Не проще ли было бы, с точки зрения финской грамматики, трактовать дополнения таким же образом, как они рассматриваются в эстонских грамматиках? Не надо забывать, что в финно-угорских языках дополнение может быть выражено разными падежами. Оно может быть выражено также местными падежами. В эрзя-мордовском языке, например, дополнение выражается аблативом и инессивом: *пелен кускадо* „боюсь собак“, *нолксемо картасо* „играть в карты“. В прибалтийско-финских языках, какими являются финский и эстонский, прямое дополнение иногда может быть даже в элативе, например по-фински: *mitä näistä silmistä peset* „почему ты умываешься“, буквально „моешь глаза“; *mitä hän minusta pelkää* „почему он меня боится“; по-эстонски: *mis sa neist silmist pesed*, *mis ta minust pelgad*. Если сравним с ними предложения *miksi hän minua pelkää* и *miksi hän pesee silmiä*, то можем констатировать, что в обоих случаях речь идет о прямом дополнении. Таким образом, не следует бояться, что без так называемого падежа прямого дополнения изучение дополнения может пострадать. Дополнение финского

языка следовало бы детально изучить, надо бы точнее определить, что же в конце концов представляет собой дополнение, надо бы определить, что же является прямым и косвенным дополнением в языке.

В финской грамматике имеется следующее определение обстоятельства: **обстоятельствами называются все такие предметные слова, которые не являются дополнениями и определениями.** Обстоятельство может быть обстоятельством места, времени, образа действия, причины и т. д. Обстоятельством может быть, например, *tule tänne* „иди сюда“, *työ on saatava valmiiksi ennen iltaa* „работа должна быть готовой до вечера“. К обстоятельствам причисляют, кроме того, и такие выражения, как *anna kirja minulle* „дай книгу мне“ (обстоятельство дательного падежа), *hän joutui opettajaksi* „он стал учителем“ (предикативное обстоятельство), *tukkityöläisenä hän oli hyvin perehtynyt metsätöihin* „будучи лесорубом, он был хорошо знаком с лесным делом“ (так называемое *appositioadverbiaali*) и т. п. Грамматическая категория, именуемая в финских грамматиках по сие время обстоятельством, является большей частью косвенным дополнением, как она и трактуется в грамматиках других финно-угорских языков. В настоящее время и в эстонской грамматике косвенным дополнением принято считать слова *sangariks*, *üliõpilasele*, *loetuks*, *sulega* и т. д. (героем, студенту, прочитанной, пером и т. д.) в предложениях *ta jutustale Suure Isamaasõja Sangarist* „он рассказывает о герое Великой Отечественной войны“, *annan raamatu üliõpilasele* „дам книгу студенту“, *sain raamatu loetuks* „прочитал книгу до конца“, *kirjutan sulega* „пишу пером“ и т. д. И в грамматике русского языка слова *о герое, студенту, пером* и т. д. являются дополнениями в предложениях: *он рассказывает о герое Великой Отечественной войны, дам книгу студенту, пишу пером.* Дополнением может быть и определение непереходного глагола, если оно встречается в падежах дополнения, например, *pojat olivat leikkimässä hauskaa leikkiä* „мальчики играли в интересную игру“; *päivän päätettyämme nukuimme sikeätä unta* „закончив день, мы спали крепким сном“. В прибалтийско-финских, так же как и в других финно-угорских языках, разница между переходными и непереходными глаголами не так резка, как в индоевропейских языках. Очень часто глагол может быть и переходным, и непереходным.

Из сравнения освещения вопросов о дополнении и обстоятельстве в грамматике финского языка и других прибалтийско-финских языков и русского языка ясно, что необходимо изучить этот раздел грамматики финского языка.

3. В грамматике финского языка имеется, по крайней мере, четыре инфинитива. Эстонские и другие прибалтийско-финские грамматики знают только два инфинитива, так называемые *t*-овый и *m*-овый. Об инфинитивах финского языка говорится, что они по характеру близки глагольным формам существительного, что они выступают такими же членами предложения, как и существительные. В прибалтийско-финских языках инфинитивные формы глагола действительно напоминают существительные и прилагательные, но отличаются от них тем, что не имеют всех падежей и имеют некоторые свойства глагола. Уже упоминалось, что финно-угорские языки сильно отличаются от индоевропейских языков в отношении словоизменения. В русском языке инфинитивы *писать, говорить, читать*, в латинском *scribere, narrare, legere*, в шведском *skriva, tala, läsa*, в латышском

rakstit, runat, lasit и т. д. являются неизменяемыми формами глагола и не имеют ничего общего с именами. В финно-угорских языках, главным образом в волжских и прибалтийско-финских, у глагола может выступать склонение в таких случаях, где оно в индоевропейских языках никогда не проявляется. В индоевропейских языках причастия являются отглагольными именами и очень близки к именам. Причастия и в прибалтийско-финских языках схожи с субстантивами и адъективами.

Но можно ли зачислять в одну группу и инфинитивы, и причастия?

Так называемый IV инфинитив в действительности является образованным от глагола субстантивом и изменяется по всем падежам как в единственном, так и во множественном числе: *tekeminen, tekemisen, tekemistä, tekemiseen, tekemiset, tekemisiin, tekemisiä, tekemisiin* (делание, делания, делания, деланию и т. д.). Нет никакой надобности причислять это отглагольное имя к группе инфинитивов. Если это отглагольное имя с признаком *-minen* причисляют к инфинитивам, то к ним можно было бы причислить и другие образованные от глагола слова. У некоторых авторов и проявляется так называемый V инфинитив: *kaatumaisillani, lähtemäisillani, menemäisillani, menemäisillään, tulemaisillamma j. n. e.* „чуть было не упал“, „собирался уходить“, „собирался идти“, т. е. „чуть было не пошел“, „он собирался пойти“, „мы собирались прийти“ и т. д.

В фольклоре можно встретить и такую форму, как *kuolemaisillani, kuultuani, kuulopiirissäni* — „(я) чуть было не умер“, „услышав (я)“, „в сфере моей слышимости“. Причиной названия инфинитивом отглагольных имен было и то, что номинативная и партитивная формы этого слова употребляются с глаголом *olla* и *käydä*, указывая необходимость, запрещение и неуместность действия: *jokaisennon työtä tekeminen* „каждый должен работать“; *on näkeminen luodut päivät* (поговорка) „надо жить, сколько положено“; *hänen ei ole luottamista* „на него нельзя полагаться“. В диалектах встречаются и иллативы единственного и множественного числа в таких предложениях, как *lehmä tuli nostamisiin ~ nostamiseen*, т. е. „корова дошла до такого состояния, что ее надо поднимать“. Ведь слово *tekemiseen* в предложении *minun on tekeminen* „мне надо делать“ ничем не отличается от эстонского *tegemist* в предложении *mul on palju tegemist* „у меня много работы“, а также от ливского слова *tiemōst* в предложении *minnōn on jennō tiemōst* „у меня много работы“, которые никогда не рассматривались как инфинитивы. Вопрос заключается в названии действия, которое употребляется в качестве особой глагольной конструкции предложения. Возможно, что под влиянием грамматики шведского языка такую конструкцию предложения стали называть инфинитивом, поскольку в шведском языке ей соответствует действительно инфинитивная конструкция. В финском языке *on tekeminen* напоминает герундий в латинском языке: *agendum est*. Что касается других прибалтийско-финских языков, то эта конструкция весьма обычна в ливском языке: *minnōn um luggomōst* „мне необходимо читать“. В грамматике ливского языка ее в последнее время стали называть понудительной формой. В финском языке встречаются такие предложения, как *syksy viilenee viilenemistään* „осень становится все прохладнее и прохладнее“; *vesi nousee nousemistaan* „вода все поднимается и поднимается“; *satoi satamistaan* „дождь все лил да лил“; *hain hakemistani* „я все искал и искал“. Эти предложения указывают

на продолжительность действия. В этих предложениях слова с окончаниями *-minen* не что иное, как обыкновенные названия действий. Сравним с ними предложения: *hän näki veden nousemista* „он видел прибывание воды“; *pelkään sään viilenemistä* „опасаюсь охлаждения погоды“ и т. д.

Осмелюсь в конце настоящего параграфа коротко сказать, что *minun on tekeminen* и *minun ei ole tekemistä* и в финском языке являются *debitiivinen*—конструкцией предложения, которое образуется от имени действия.

Грамматика финского языка допускает, что в так называемом III инфинитиве можно употреблять разные падежи: в инессиве *lukemassa*, в иллативе *lukemaan*, в элативе *lukemasta*, в адессиве *lukemalla*, в абессиве *lukematta*. Характерной чертой финно-угорских языков, правда, является то, что глагольные формы, о которых уже шла речь, возможно спрягать. В таких падежах иллатив соответствует инфинитиву индоевропейских языков. Такая *deverbaalisesta nominista*, образованная из инфинитива, выступает во всех прибалтийско-финских языках. В грамматике эстонского языка эту форму привыкли считать главным инфинитивом. Этот инфинитив встречается во всех прибалтийско-финских языках, в финском языке он называется первым инфинитивом. В грамматике финского языка можно встретить, кроме того, и так называемый II инфинитив: *lukieessa*, *lukien* „читая“. Этот инфинитив не встречается в эстонской, водской и ливской грамматиках, в которых упоминается, что II инфинитив спрягается, как III инфинитив.

О соответствующей глагольной форме финского языка *lukieessa*, в эстонском, водском и т. д. языках *lugedes*, *lukoeza* j. n. e. говорится, что они являются инессивами I инфинитива. Грамматика финского языка доказывает, что от II инфинитива употребляются инессив и инструктив. Но почему в таком случае нельзя сказать в грамматике финского языка, что упомянутые формы глагола инессив и инструктив I инфинитива, если падежные окончания III инфинитива разрешаются? Во всяком случае финская грамматика признает, что у I инфинитива могут быть падежные окончания, например, *tulin Karjalaan oppiakseni suomen kieltä* „приехал в Карелию, чтобы научиться финскому языку“. Грамматика финского языка доказывает также, что окончания I инфинитива те же, что и II инфинитива. И в этом частном случае надо бы уточнить грамматическую терминологию прибалтийско-финских языков.

4. Грамматика финского языка причисляет наречия, приставки и послелоги к несклоняемым словам, соглашаясь все же, что некоторые наречия являются как бы падежными формами. Грамматика эстонского языка признает часть наречий и послелогов частично склоняемыми словами, из которых образуются некоторые местные падежи (*kõikjale*, *kõikjal*, *kõikjalt*, *keskele*, *keskel*, *keskelt*, *juurde*, *juures*, *juurest*). Частично склоняемыми являются многие наречия финского языка, приставки и послелоги (*kaikkialle*, *kaikkialla*, *kaikkialta*; *keskelle*, *keskellä*, *keskeltä*, *eteen*, *edessä*, *edestä*). Д. В. Бубрих в свое время уже указал на то, что наречия финно-угорских языков нельзя рассматривать как несклоняемые слова. В грамматике финского языка надо бы проверить вопрос о наречиях, приставках и послелогах.

И. В. Сталин, говоря, что грамматический строй изменяется медленно, отметил: „Он, конечно, претерпевает с течением времени

изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами..."¹

Совместная работа языковедов и учителей прибалтийско-финских языков должна помочь правильному пониманию и уточнению грамматических законов.

„Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма“.²

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

² Там же, стр. 55.

М. М. Хямяляйнен

ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИКИ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

До сего времени у нас еще нет нормативной грамматики финского языка. Нужда же в такой грамматике в нашей республике большая.

В республике ведется большая работа на финском языке. В составе Университета уже несколько лет существует финно-угорское отделение, в Педагогическом институте организовано отделение, которое готовит преподавателей финского языка и литературы для национальных средних школ. Упомянутые высшие учебные заведения остро нуждаются в нормативной грамматике финского языка. Такая грамматика необходима и методистам по финскому языку, учителям, преподавателям финского языка средних школ, составителям грамматик финского языка для начальной и средней школы, работникам редакций и издательств, переводчикам и т. д. Таким образом, составление грамматики финского языка является актуальной задачей.

В то же время составление нормативно-описательной грамматики финского языка представляет собой исключительно сложную задачу.

К этому присоединяются трудности, связанные с малочисленностью работников в области финского языка. Недостаточность квалифицированных работников в этой области создает трудности не только в исследовательской работе, но и во всех звеньях, где ведется в той или иной степени работа по финскому языку.

Несмотря на это, мы все же решились приступить к составлению нормативно-описательной грамматики финского языка, ибо жизнь требует ее от нас.

* * *

Господствовавшее в течение ряда лет так называемое „новое учение о языке“ Н. Я. Марра и аракчеевский режим в области языкознания причинили немало вреда в изучении грамматического строя языка при составлении грамматик. Всем известно нигилистическое и высокомерное отношение Марра и его „учеников“ к грамматике. Марр не только пренебрегал грамматикой, но он ставил под сомнение самое существование грамматики. В 1930 г. он писал: „А нужна ли вообще грамматика... чтобы заниматься ее реформированием или нереформированием?“¹ В 1931 г. он говорил уже о ликвидации грам-

¹ Н. Я. Марр. К реформе письма и грамматики. Журн. „Русский язык в школе“, 1930, стр. 290.

матики, ее уничтожении: „Итак, долой грамматику! Зачем? Заменить изложением динамики языка, его стройки“.¹

И. В. Сталин подверг уничтожающей критике бредовые идеи Марра о грамматике: „Н. Я. Марр считал грамматику пустой „формальностью“, а людей, считающих грамматический строй основой языка — формалистами. Это и вовсе глупо“.²

После работ И. В. Сталина по вопросам языкознания и языковедческой дискуссии, проведенной на страницах „Правды“, значительно прояснились многие вопросы грамматики, которые оказались запутанными в результате „учения“ Марра. Однако нельзя сказать, что у нас нет уже никаких трудностей при составлении грамматик. Они имеются, и их довольно много. Но эти трудности носят уже иной характер, и они должны быть преодолены.

* * *

Составляемая коллективом авторов грамматика финского языка содержит две части.

В первую часть грамматики будут включены, помимо ее основной части — морфологии, также такие разделы, как фонетика, орфография и словообразование. Вторая часть будет посвящена синтаксису.

Уже на первой стадии составления грамматики возникли вопросы, которые требуют специального изучения. По нашему мнению, прежде всего в пересмотре нуждается трактовка некоторых грамматических категорий, принятая в финских грамматиках по традиции.

При составлении нормативной грамматики необходимо внести некоторые изменения в истолкование грамматических категорий и правил. Необходимо сделать оговорку, что нами не ставится вопрос о реформе финского литературного языка. Речь идет только о системе изложения и правильном научном освещении некоторых разделов грамматики финского языка.

Приведем некоторые примеры поправок, на которые следовало бы обратить внимание при составлении грамматики.

Так, необходимо внести небольшие уточнения и изменения в существующий алфавит финского языка. Это связано с приемами передачи звуков *ж*, *ш*, *ч* и *щ* в словах, вошедших в финский язык из русского языка. В финском письме чаще всего русское *ж* передается буквосочетанием *zh*, *ш* — *sh*, *ч* — *tsh* и *щ* — *shtsh*. Как мы видим, *щ* передается сочетанием пяти букв. В специальной научной литературе на финском языке звуки *ж* и *ш* передаются знаками *ž* и *š*. Это удобный и простой способ передачи русских *ж* и *ш*. Русское *ч* можно было бы передавать знаком *č* или буквосочетанием *tš*. Русское *щ*, таким образом, можно было бы передавать буквосочетанием *šč* или *štš*. Следовательно, дополнительные буквы отличаются лишь диакритическими знаками. Финский алфавит должен быть приведен в такое состояние, чтобы он полностью соответствовал нашим возросшим культурным запросам в условиях социалистического общества.

Уточнения требует также написание русских имен и собственных названий в финском письме. Это касается, прежде всего, передачи

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. IV, стр. 99.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 42.

русских мягких согласных. В этом отношении у нас в орфографии нет единства. Пишут по-фински различно: Dniepr, Dnjepr, Dnepr; Dniestr, Dnjestr, Dnestr и т. п. Обиходными написаниями являются Dnepr, Dnestr. В практике у нас установилось написание Nezhin, Nertshinsk, Lena, Leningrad, Belgorod, Belgrad, Berditshev, Belostok и т. д. или фамилии Belousov, Belihin, Belovanov, Beljajev, Beljakov и т. д., т. е. укоренилась традиция не обозначать мягкости согласного перед *е*. Графически это написание совпадает с русским написанием. Безусловно, необходимо учесть практический опыт. Мимоходом заметим, что нужно вернуть гражданские права в финском правописании Беломорску и Белоруссии и писать Belomorsk, Belorussija или Valko-Venäjä, а не Bielomorsk, Bielo-Venäjä. Можно бы привести и другие примеры неточного и непоследовательного написания слов, имен и названий русского происхождения. Ограничимся только замечанием, что этот вопрос должен быть разрешен при составлении нормативной грамматики. В грамматике должны быть даны точные правила о написании русских имен и собственных названий.

В какой-то мере неразрешенными все еще остаются и некоторые вопросы написания слов иностранного происхождения. В конце прошлого века в своей грамматике финского языка Сетяля писал: „Написание заимствованных слов в настоящее время является неустойчивым. Это происходит частично от того, что литературное произношение культурных финнов еще не установилось, и частично от того, что на финскую орфографию оказывает влияние орфография иностранных языков (например, *filologi, filoloogi, Eurooppa, Europpa, Europa*). Неустойчивость особенно касается двух вопросов: 1) когда *p, t, k, s* произносятся как двойные и это произношение должно быть обозначено в письме двумя согласными буквами, и когда употребляется один согласный; 2) когда гласные должны произноситься и писаться как долгие и когда нет“.¹

С тех пор прошло много времени, и орфография в этом отношении является уже более устойчивой, но нельзя сказать, чтобы этот вопрос был уже окончательно разрешен. Например, Л. Кеттунен и М. Ваула пишут следующее: „Труднее знать, когда обозначение гласного является долгим или кратким в тех многочисленных словах иностранного происхождения, которые не стали общенародными заимствованными словами (т. е. не попали в литературный язык через язык народа, как, например, *patruuna, poliisi, konstaapeli*), а являются международными общими словами или так называемыми особыми заимствованиями, вошедшими в язык через литературу“.²

В другой своей работе Л. Кеттунен пишет: „Уже в течение сорока лет добиваются устойчивости в написании слов иностранного происхождения даже „официальным“ порядком, но до сего времени в этом написании наблюдается неустойчивость. Причиной этой неустойчивости является принцип письма, который весьма непоследователен... Принцип написания кратких гласных в этих словах (в словах иностранного происхождения — М. Х.) в 1910 годы... начал почти преобладать, но потом у ученых началась путаница, которая напоминает метание жребия“.³

¹ E. N. Setälä. Suomen kielioppi. 1925, s. 32.

² L. Kettunen, M. Vaula. Suomen kielioppi, 1943.

³ L. Kettunen. Hyvää vapaata suomea, 1949, s. 10—11.

В изданной в Петрозаводске грамматике финского языка У. Туурала также определены правила написания слов иностранного происхождения. Но на практике эти правила не соблюдаются. Это происходит от того, что, во-первых, пишущие не всегда знают эти правила и, во-вторых, правила написания слов иностранного происхождения не являются достаточно последовательными и обоснованными. Слабой стороной этих правил является то, что заимствованные слова искусственно разделены на две части — на общие и специальные. Общими заимствованными словами (для них существует своя орфография) являются те, которые вошли в литературный язык через разговорный язык; специальными считаются те заимствованные слова, которые вошли в литературный язык через литературу, и для них существует особая орфография. В наших условиях многие заимствованные слова стали общим достоянием, независимо от того, пришли ли они в язык через литературу или через разговорный язык. Трудно, например, решить, вошли ли слова *prikaati* и *paraati* „бригада“ и „парад“ в финский язык через литературу или через разговорный язык, и обосновать, что в последнем случае эти слова нужно писать через долгие гласные и глухие согласные (*prikaati*, *paraati*), а слова *balladi* и *limonadi* надо писать через краткие гласные и звонкие согласные (*balladi*, *limonadi*), ибо они, как будто, вошли в язык через литературу.

На основе вышеизложенного не следует делать вывод, что надо отказаться от всех до сего времени существующих правил по написанию слов иностранного происхождения. Без точных правил не может быть орфографии, не существует норм литературного языка. Вопрос состоит только в том, чтобы еще раз проверить правила написания слов иностранного происхождения, ибо существующие правила не являются до конца удовлетворительными.

Поправки нужно внести также и в трактовку некоторых падежей. Слишком суженно трактуется в существующих грамматиках значение партитива. Нужно внести уточнения в истолкование этого падежа.

Более точно следовало бы определить значение и место различных падежей в системе склонения. Не все падежи в качестве падежных форм являются равноценными, одинаково жизнеспособными, продуктивными. Некоторые из них в системе склонения представляются пережиточными формами. Это прежде всего инструктив, а также абессив и комитатив. Эти три падежных формы во многих отношениях близки к наречным, особенно инструктив.

Существительное или субстантивированное слово в абессиве очень редко имеет при себе определение. Нельзя, например, сказать *pienetta rojatta* „без маленького мальчика“, *punaposkisetä tytötä* „без краснощекой девушки“ и т. д. Комитатив также содержит в себе признаки вымирания в качестве падежной формы. Этот падеж не имеет формы единственного числа, причем определяемое слово выступает только с притяжательным суффиксом.

Имена в инструктиве почти всегда выступают в соединении определения с определяемым. Определяемое слово без определения не может иметь формы инструктива. Обе части образуют единое целое. Кроме того, инструктив употребляется весьма редко. Все это указывает на то, что функции комитатива, абессива и инструктива, как падежных форм, сильно сужены.

Серьезного и вдумчивого подхода требует трактовка инфинитных форм глагола (инфинитивы и причастия, по номенклатуре существую-

щих грамматик). В грамматиках финского языка говорится о четырех инфинитивах (точнее о четырех типах инфинитивов). В грамматиках эстонского языка инфинитивы истолковываются иначе, чем в грамматиках финского языка. Следует отметить, что если инфинитивы эстонского языка очень близки к инфинитивам финского языка, то в них имеются и различия. Но различное истолкование инфинитивов эстонского и финского языков не зависит только от языковых различий, это происходит и от принципов истолкования этих инфинитивов. Мы далеки от мысли, что инфинитивы финского языка обязательно необходимо истолковывать таким же образом, как и инфинитивы эстонского языка в эстонских грамматиках. Этот пример приведен только для иллюстрации того, как одинаковые языковые явления истолковываются различно.

В советской финноугроведческой научной литературе инфинитивы финского языка рассматриваются иначе, чем в грамматиках финского языка. Покойный профессор Д. В. Бубрих делил инфинитивные формы финского языка на три основных раздела: на инфинитивы, герундии и причастия. В его классификации два инфинитива. Один из этих инфинитивов — основной инфинитив — соответствует I краткому инфинитиву действующих грамматик финского языка, например, *ottaa, kysyä* „взять, брать“ и „(с)просить“. Второй — целевой инфинитив, по Д. В. Бубриху, соответствует I долговому инфинитиву существующих грамматик, например *ottaakseni, kysyäkseen* „для того, чтобы взять, брать и (с)просить“ (мне, тебе и т. д.). Об этих инфинитивах Д. В. Бубрих пишет: „Важнейшую роль играют инфинитивные формы, соответствующие инфинитиву других языков, — инфинитивы. Их два, один — широкого употребления, другой — специально для обозначения цели. Это основной и целевой инфинитивы“.

Второй инфинитив существующих грамматик финского языка Д. В. Бубрих характеризует следующим образом: „К инфинитивам морфологически близки две другие инфинитивные формы, — *t*-овые герундии. Их две. Одна, выступающая в случаях вроде *saadessa* „получая“ (когда?), *ottaessa* „беря“ (когда?), употребляется для обозначения одновременного действия, а другая, выступая в случаях *saaden* „получая“ (как?), *ottaen* „беря“ (как?), употребляется для обозначения действия, характеризующего способы образа другого действия“.

Этот инфинитив Д. В. Бубрих рассматривает как герундий, а не как инфинитив. Особенность этих форм глагольных образований заключается в том, что они характеризуют другое действие — характер или одновременность этого действия. Инфинитив не обладает этими особенностями. О III инфинитиве грамматик Д. В. Бубрих пишет: „Особо стоят многочисленные *m*-овые инфинитивные формы — *m*-овые герундии“. Этому III инфинитиву грамматик финского языка свойственно то, что он выступает только при другом глаголе и характеризует состояние другого действия. И в этом случае налицо больше признаков герундия, чем инфинитива.

Д. В. Бубрих к герундиям причисляет такие образования, как: 1) *Minun on meneminen, ei ole menemistä* „Мое есть хождение“, „нет хождения“, т. е. „мне надо идти“, „не надо идти“, 2) *Minun on men-tävä* „мой есть ходимый“, т. е. „мне надо идти“.

Minun on meneminen в грамматиках финского языка причисляется к IV инфинитиву. В эстонских грамматиках образования типа *mene-*

minen причисляются к существительным,¹ и образование minun on mentävä в финских грамматиках причисляется к причастиям.²

К герундийным образованиям Д. В. Бубрих причисляет такие инфинитные формы, как elettyä(ni), tultua(si), syötyä(nsä), „(я) про- жив, (ты) придя, (он) поев“. Эти образования в грамматике финского языка причисляются к причастиям.

Вопрос об инфинитных формах является большой темой, которой можно посвятить ряд специальных статей. Изучение и обсуждение этой темы необходимо продолжить для ее правильного освещения в наших грамматиках. Нельзя делать скороспелых выводов в трактовке тех или иных грамматических категорий в школьных грамматиках. При этом приходится считаться с существующими традициями.

В грамматиках финского языка полностью отсутствует раздел, посвященный префиксам. Префиксы в финском языке не достигли большого развития. Это для финского языка новое явление. Например, группа слов с префиксом ерä: ерämuksena „неудобный“, ерäedullinen „невыгодный“, ерäoikeutettu „не имеющий на это права, неправомерный“, ерäntäjäinen „неопределенный“, ерähuomio „невнимание“, ерäluotto „недоверие“, ерähuomioida „не принимать во внимание“, ерäonnistua „не удаваться“, ерäkohtelias „невежливый“, ерäitsekkäästi „без эгоизма“ и т. д.; kanssakäyminen „взаимоотношения, взаимосвязь“; kanssa—послелог и префикс, соответствует русскому предлогу с, со; kauttakulku „транзит, сквозной проезд, проход“; kautta—послелог и префикс, соответствует русскому через, чрез; allekirjoittaa, allekirjoitus „подписать, подпись“, räätäkätoja „посторонний наблюдатель“, буквально „сверхусмотритель“. К этой группе очень близки такие словообразования, как läpikatsaus „обзор“, буквально „сквозь взгляд“, ylimenokausi „переходный период“, roikkileikkaus „пересечение“, буквально „поперек разрез“; esimies „председатель“. Правда, части eri, esi, yli, läpi, roikki имеют в какой-то мере и самостоятельное значение, но оно выступает только в словосочетаниях, а не отдельно. По своему значению в сложных словах они очень близки к префиксам.

Префиксальных образований сравнительно мало в финском языке, но поскольку они имеют место, этот языковой факт следовало бы признать также и в грамматиках финского языка.

¹ Д. В. Бубрих совершенно правильно различает в образованиях вроде тепенінен существительные и глагольные образования (герундии). Он пишет: „Формы тепенінен, тепеністä следует отличать от форм существительных вроде тепенінен, буквально „идение“ (при тепе „идти“), паритив — тепеністя. Первые подчиняют себе другие слова подобно глагольным формам, в частности, являясь переходными, имеют при себе прямое дополнение, вторые же подчиняют себе другие слова по нормам существительных“.

Проф. П. А. Аристэ не видит никаких различий в этом образовании. Он рассматривает его только как отглагольное существительное. Он не принимает во внимание того обстоятельства, что это образование в одних случаях может являться переходным, имеет при себе прямое дополнение (см. его статью в этом сборнике „О некоторых грамматических вопросах финского языка“ стр. 32).

² Совершенно правильно Д. В. Бубрих различает в некоторых внешне одинаково звучащих формах причастия и герундии. Он пишет: „Вместе с тем формы вроде тептävä и тептävää в указанных построениях следует отличать от сходно звучащих форм пассивных причастий незаконченного действия: первые подчиняют себе другие слова подобно активным формам, вторые же являются пассивными образованиями; соответственно первые могут быть образованиями от любого глагола, вторые же только от переходного или используемого как переходный“.

Уточнения и обсуждения требует, по нашему мнению, существующее в грамматиках традиционное определение основы, показателей числа, времени, наклонений и окончаний (лица и падежа). Определение основы, показателей и окончаний в грамматиках не является достаточно ясным и последовательным. Это положение вынужден был признать Э. Сетяля еще в конце прошлого столетия в своем предисловии к грамматике финского языка. Он пишет следующее по этому вопросу: „По этой причине надо было продолжать и развивать учение об основе. Историческую основу слова при этом нельзя брать в расчет. Но поскольку все же необходимо говорить об окончаниях, и поскольку выделение основы и окончания, с точки зрения современного языка, имеет только психологическое значение, то я просто назвал основой слова ту часть звукового материала, которая остается после выделения из нее окончания“.

В упомянутой выше грамматике Л. Кеттунена и Ваула дается такое определение основы и окончания:

„Окончанием является присоединившийся к концу слова звук или группа звуков, которые показывают службу (задачу) слова в предложении.

Основой является та часть слова, к которой присоединяется окончание. Показателем¹ (лица, числа, падежа) является присоединившийся к словарной основе звук или звуко сочетание, при помощи которых образуется особая основа склонения и спряжения“.

Туурала в своей грамматике дает такие определения основе, показателю и окончанию:

„Основой является та часть изменяемой формы, которая выражает основное значение слова...“

Показатель придает основе дополнительное значение, и при его помощи образуется подоснова...

Окончание показывает отношение слова к другим словам“.²

В наших грамматиках применяется еще и термин „лексическая основа“. При определении основы употребляются такие названия, как основа, лексическая основа, подоснова, основа склонения и спряжения.

Какое новое значение придают показатели (времени, наклонения, числа) основе, на это наши грамматики не дают никакого ответа. Если действительно показатель придает новое значение основе, то в таком случае следовало бы говорить о словообразовании, а не о словоизменении.

Приведем еще один пример определения основы, окончания и других показателей. В грамматике Туурала говорится следующее об употреблении единственного и множественного числа: „Существительные имеют два числа: единственное и множественное. Единственное число употребляется, когда речь идет об одном предмете. Например, *kirja*, *toveri*, *kaupunki*, *joki*, *lippi*. Множественное число употребляется, когда речь идет о нескольких предметах. Например, *kirjat*, *toverit*, *jokia*, *kaupungeita*, *lippija*.

¹ Окончанием в грамматиках финского языка называются падежное и личное окончания. Показателями называются приметы, показатели времени, наклонения, инфинитивов, множественного числа в косвенных падежах, стоящие перед окончанием падежа или числа. Притяжательные суффиксы, несмотря на то, что стоят после падежных окончаний, т. е. в самом конце слова, окончаниями не называются.

² U. Tuurala. Suomen kielen kielioppi, I osa. Petroskoi, 1950, s. 27.

Именительный падеж единственного числа не имеет окончания. Окончанием именительного падежа множественного числа является *t*, которое присоединяется к лексической основе“.

В приведенном примере косвенно признается тот факт, что значение слова, следовательно и основа слова, не изменяется от того, стоит ли слово в единственном или во множественном числе. Речь идет только о числе.

Показатель множественного числа в именительном падеже стоит в конце слова. Он (*t*) назван окончанием потому, что стоит в конце слова и не причисляется к подоснове слова. А в косвенных падежах множественность показывает *i*, и так как оно (*i*) стоит всегда перед падежными окончаниями, а не в конце слова, то оно названо показателем (признаком) числа: *i* (в грамматиках) входит уже в состав основы только потому, что оно не стоит в конце слова.

Показатель (признак), согласно нашим грамматикам, придает основе дополнительное значение. По нашим грамматикам, показатель множественного числа *t* является окончанием и не придает основе дополнительного значения, а показатель множественного числа *i* в косвенных падежах является показателем (а не окончанием) и придает основе дополнительное значение. Так говорится в учебниках.

На самом деле ни *t*, ни *i* не придают основе никакого нового, дополнительного значения; они являются равноценными в языке и входят в одну и ту же языковую категорию.

Разница лишь в том, что один из этих показателей стоит в конце слова, поскольку именительный падеж в финском языке не имеет никакого падежного окончания, а другой — перед падежным окончанием, поскольку косвенные падежи имеют падежные окончания. Можно ли на основании такой классификации в одних случаях относить показатель множественного числа к окончаниям, а в других — причислять его к основе?

Из вышеизложенного следует вывод, что теоретическое определение основы, показателей и окончаний не доведено до конца.

* * *

В этой краткой статье приведены только некоторые примеры того, какие вопросы возникают в нашей работе при составлении грамматики. Таких вопросов накопилось уже много, и в процессе работы их будет возникать еще больше.

В статье совершенно не затронуты вопросы, связанные с синтаксисом. В ней поставлены только некоторые вопросы фонетики, орфографии и морфологии, т. е. тех разделов, которые имеют непосредственное отношение к первой части грамматики.

Нормативная грамматика должна освещать факты современного финского литературного языка, но не следует избегать и некоторых исторических экскурсов, когда те или иные факты действительно потребуют исторического разъяснения.

При составлении грамматики должно быть учтено все то положительное, что достигнуто в изучении грамматического строя финского языка.

Из советских учебников для средней школы следует упомянуть грамматику (морфология и синтаксис) У. Туурала.

Большим подспорьем в нашей работе будут являться также исследования Д. В. Бубриха по истории финского языка.

По вопросам грамматики надо организовать научные дискуссии и общими усилиями разрешать проблемные вопросы, связанные с грамматикой. В этих целях и автор настоящей статьи поставил на обсуждение некоторые вопросы финской грамматики.

Составление грамматики должно стать нашим общим делом и только общими усилиями мы сумеем выполнить возложенную на нас задачу.

М. Э. Куусинен

К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНЫХ ПРИЧАСТИЯХ НЕЗАКОНЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая работа посвящена теме о действительных причастиях незаконченного действия, составляющих часть одного из важнейших разделов финской грамматики. Так как нам неизвестны специальные исследования о причастиях в финском языке, то при работе были использованы лишь отдельные статьи из лингвистических журналов и исследования по финскому и другим прибалтийско-финским языкам, особенно работы известного советского ученого-финноугроведа Д. В. Бубриха. Кроме того, весьма ценные устные указания и сведения по ливскому, эстонскому и другим языкам были получены от профессора П. Аристэ.

I

По определению акад. В. В. Виноградова, причастие представляет собой „категорию гибридных глагольно-прилагательных форм, в которых глагольность выражается как окачественное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного“.¹ В причастии, таким образом, сочетаются основные семантические признаки глагольности с признаками имени прилагательного. Различия между отдельными группами причастий обусловлены особенностями в их морфологическом строении и различием в их значении.

В современном финском литературном языке различают следующие группы причастий:

1) причастия на *-va*, *-vā* (активные причастия незаконченного действия): *lukeva* „читающий“, *antava* „дающий“;

2) причастия на *-nut*, *-nyt* (активные причастия законченного действия): *lukenut* „прочитавший“, *antanut* „дававший“, *mennyt* „ушедший“;

3) причастия на *-tava*, *-tävä*, *-ttava*, *-ttävä* (пассивные причастия незаконченного действия): *luettava* „долженствующий быть прочитанным“, *annettava* „долженствующий быть отданным“, *syötävä* „долженствующий быть съеденным“;

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.-Л., 1947, стр. 272.

4) причастия на *-tu, -ty, -ttu, -tty* (пассивные причастия законченного действия): *luettu* „прочитанный“, *annettu* „отданный“, *syöty* „съеденный“;

5) причастия на *-ma, -mä* (пассивные причастия законченного действия с указанием действующего лица): *rojan lukema kirja* „прочитанная мальчиком книга“.

Особо стоят образования на *-maton, -mätön* (отрицательные причастия, отнесение которых к причастиям во многом спорно): *lukematon* „непрочитанный“, *antamaton* „неотданный“.

Целью настоящей работы является анализ первой из указанных групп — активных причастий незаконченного действия, их происхождения и развития.

Отличительным формантом причастий незаконченного действия является суффикс *-va, -vä* со своим редко встречающимся в современном финском литературном языке сильноступенным соответствием *-ra, -rä*. Значение этого суффикса — „обладающий таким-то действием, совершающий такое-то действие, находящийся в таком-то состоянии“. Употребление сильной или слабой ступени определялось тем, в каком положении оказывался согласный *p*: в положении после гласного ударного, т. е. нечетного, слога сохранялась сильная ступень (*saara* „получающий“ при *sa-* „получать“, у М. Агрикола *ymmertepä* „понимающий“ при *ymmärtä-* „понимать“), в положении после гласного безударного, т. е. четного, открытого слога появлялась слабая ступень (*laulava* „поющий“ при *laula-* „петь“, *rakastettava* „любимый“ при *rakasta-* „любить“). Слабая ступень возникала также перед гласным четного закрытого слога, например, *saavan* „получающий“ из *saavaan* при *saara*, а позже вообще в закрытом слоге.¹

В современном финском языке и его диалектах произошло в большинстве случаев обобщение слабой ступени. Исключение составляют лишь отдельные двусложные причастия вроде *saara* и некоторые слова, являющиеся по происхождению причастиями, перешедшими в разряд имен существительных или прилагательных. К таким относятся, например: *käyrä* в словосочетании *käyrä raha* „ходячая монета“ при *käy-* „ходить“, *lүbrä* „бьющий“ в словосочетании *lүbrä kello* „часы с боем“ при *lүb-* „бить“, диал. *voira* „зажиточный“ при *voi-* „мочь, быть в состоянии“, сложные прилагательные на *-voira* вроде *keltaisenvoira* „желтоватый“, *valkoisenvoira* „беловатый“, *hyvinvoira* „здоровый“, *rahoinvoira* „больной, немощный“, *kaikkivoira*

¹ При передаче примеров из финского и других финно-угорских языков мы пользовались теми обозначениями, которые приняты в соответствующих литературных языках. Исключением являются обозначения долгих гласных венгерского литературного языка, которые мы обозначаем удвоением соответствующих букв (например, *vaagoo* „ожидающий“). Так как по техническим причинам мы не смогли воспользоваться общепринятой фонетической транскрипцией, то при написании примеров из языков, не имеющих своей письменности, а также при передаче реконструируемых форм, в настоящей статье приняты следующие условные обозначения:

Долгий гласный или согласный звук обозначается удвоением соответствующей буквы (например, водск. *saava* „получающий“, ливск. *lupnāb* „узнаваемый“).

Редуцированный звук *e* ливского языка обозначается знаком *э* (перевернутое *e*, например, *lүbэ* „приходящий“).

В реконструированных формах сплант, являвшийся слабоступенным соответствием смычного *p*, обозначается прописной буквой *B* (например, *saova* из *saopa*).

Мягкость согласного звука обозначается знаком *’*. Остальные обозначения не требуют особых пояснений.

„всемогущий“, диал. *astuttapa* „ступенька“ (букв. „то, на что ступают“), *juora* „пропасть“ или диал. „водосточная канава“ (первоначально, „то, что пьет, пьющий“) при *juo-* „пить“, диал. *jäärä* „остающийся, остаток“ при *jää* „оставаться“ и *syöä* „едящий, едок“ при *syö-* „есть“, диал. *saara* в значении „получающий пособие, пенсционер“, *syöä* „рак, язва“ (болезнь), диал. *vierä* „склон, спуск, наклонный“ (первоначально „несущий, спускающий“) при *vie-* „нести, унести“.

Отделение форм на *-ra* от системы причастий — сравнительно старое явление в языке. Оно связано с особенностями так называемого суффиксального чередования, которое довольно рано было подвержено разным отклонениям и влияниям аналогии и с течением времени утратило характер закономерности. Различное употребление одних и тех же причастий обусловило закрепление за ними различных значений и различных вариантов одного и того же суффикса: наряду с *juora* „пропасть“ стало возможным *juova* „край, кайма“ и *juova* „пьющий“, как причастие от глагола *juoda* „пить“.

Если в современном финском языке формы на *-ra* утратили значение причастий, то в языке старой финской литературы они еще бывали как причастия. Наряду с *juora* „пьющий“, *saara* „получающий“, *voira* „могущий“ в языке старой литературы примерно до конца XVII века были довольно обычны сильноступенные формы: *sumartapa* „кланяющийся“, *ymmertepä* (*ymmärtäpä*) „понимающий“, *culuttapa* „изнашивающий“, *taruitzepa* „нуждающийся“, *wirghottapa* „освежающий“, *waeldapa* „странствующий“, *kilisepä*, *helisepä* „звнящий“, *winisepä* „скрипящий“ (у М. Агрикола); *valaesepa* „освещающий“, *duomidzep* „осуждающий“ (у М. Хемминки), *tapahtura* „происходящий“ (у А. Колланиуса). После четного слога выступает, как правило, слабая ступень: *tuleva* „приходящий“, *tekevä* „делающий“, *laskeva* „считающий“ (у М. Агрикола); *andava* „дающий“, *uscova* „верящий“ (у М. Хемминки). Однако уже в первых памятниках финской литературы часты случаи употребления слабой ступени в причастиях там, где ожидалась бы сильная ступень: *valaiseva* наряду с *valaisepa*, *vallidzepa* наряду с *vallidzepa*, *aavistava* „догадывающийся“, *rahan suova* наряду с *rahan suora* „желающий зла, злонамеренный“ и т. д.

В диалектах финского языка наблюдается та же картина, что и в литературном языке: в причастиях незаконченного действия повсеместно обобщена слабая ступень, а сильная ступень сохранилась лишь в немногих причастных по происхождению формах.

Немногочисленные сильноступенные формы восходящих к причастиям имен существительных (прилагательных) отмечены в диалектах юго-западной Финляндии, где они были довольно часты еще в XVII—XVIII веках, как на это указывает язык старой финской литературы, а также в диалектах южной Эстерботнии. Примеры: *käurä*, *käuräläänen* „ходкий, нищий“, *syöä*, *syöpäläänen* „паразит“ (в ингерманландских говорах *käuräläine*, *syöpäläine*), *hyvinvoira*, *voira* „здоровый, хорошо себя чувствующий“, *kasuara*, *kasuudara*, *kasuaraipen* „нарост“ из *kasvarainen*, где сильная ступень появилась в результате того, что *v* в начале второго слога после *s* перешло в слоговое *u* и образовало отдельный слог (явление довольно частое в западно-финских диалектах, ср. *gasua*, *gasuva* < *gasva* „жир“). Замечено, что сильная ступень в причастиях незаконченного действия наиболее долго сохраняется в пассивных формах: *käskettäpä* „подчиненный,

тот, кем повелевают“, tukkittava „затыкаемый, долженствующий быть заткнутым“ и др.¹ В большинстве же случаев обобщена слабая ступень: ennustava „предвещающий“, sisältävä „содержащий“, katseltava „рассматриваемый“, lukittava „закрываемый, долженствующий быть замкнутым“.

Рассмотрим, как обстоит дело в других прибалтийско-финских языках.

Начнем с ливского.

Суффикс активных причастий незаконченного действия представлен в ливском языке как нечередующееся *bə* или *b*. Примеры: *kieb*, *kiebə*, в номин. мн. числа *kiebəd*, „горячий, кипящий“ (ср. эст. *keev*); *anntəb* в транслат. ед. числа *anntəbəks* „даваемый“ (ср. финск. *annettava*); *tunntəb*, в номин. множ. числа *tunntəbəd* „узнаваемый“ (ср. финск. *tunnettava*); *jelab*, в номинат. множ. числа *jelabəd* „живые, живущие“ (ср. финск. *elävät*); *palab* „горячий, горящий“ (ср. финск. *palava*); *imbə* „сосущий“, *imbə lārš* „грудной ребенок“ (ср. финск. *imevä*, *imeväinen*); *lipsab* „доющий“, *niem um lipsab* „корова (есть) дойная“ (ср. финск. *lypsävä*); *ajabəz*, в номин. множ. числа *ajabəd* „нарыв“ (ср. финск. *ajava*); *miidəb*, в транслат. ед. числа *miidəbəks* „продающийся“ (ср. финск. *myytävä*); *siedəb* „съедобный“ (ср. финск. *syötävä*); *tulbə* „приходящий“ и *tulbi*, *tulbə aigast* „в будущем году“. Помимо приведенных форм с сильной ступенью чередования, в ливском диалекте Салатси отмечены и слабоступенные формы: *müüda* „продающийся, продаваемый“, ливск. *Дундаш müüdəb*, *miidəb* (финск. *myytävä*), *lūpstau* „доющий, доимый“ (финск. *lypsettävä*), *nuoldau* „лижущий“ (финск. *nuoltava*), *taptau* „убиваемый“ (финск. *tapettava*), где *-i* является продолжателем прежнего слабоступенного *B* — *lūpstau* < *lūpsettäBä*, *taptau* < *tapettaBa*. Наличие слабой ступени говорит, таким образом, о возможности суффиксального чередования в причастиях незаконченного действия в прошлом ливского языка.

В эстонском языке, так же как и в финском, в причастиях незаконченного действия обобщена слабая ступень. Суффиксом этих причастий является *-u*: *saav* „получающий“ (финск. *saara*, *saava*), *keev* „кипящий“, *keema* „кипеть“ (финск. *kiehuva*), *müüv* „продающий“ (финск. *myyvä*), *sooviv* „желающий“, *söödav* „съедобный“ (финск. *syötävä*), *panev* „полагающий“ (финск. *paneva*), *pägev* „вилящий“ (финск. *päkevä*), *müüdav* „продающийся“ (финск. *myytävä*). Единственным случаем, где в причастии незаконченного действия сохранилась сильная ступень чередования *p:B*, является в эстонском языке слово *keev* „кипящий“ в сочетании *keeb vesi* „кипящая вода, кипяток“. Видеман² отмечает, что форма *keeb*, в генитиве *keeva*, бытует в диалектах средней Эстонии.

В водском языке причастие незаконченного действия представлено так же, как и в финском. Во всех без исключения случаях обобщена слабая ступень: *saava* „получающий“ (финск. *saava*), *tčihuva* „кипящий“ (финск. *kiehuva*), *joova* „пьющий“ (финск. *juora*, *juova*), *lõdvä* „бьющий“ (финск. *lyövä*, *lyövä*), *veevä* „несущий“ (финск. *viävä*, *viävä*), *tēcēvā* „делающий“ (финск. *tekevā*), *kutsuttava* „призываемый“ (финск. *kutsutava*) и т. д.

¹ Н. O j a n s u u. Suomen lounaismurteiden äännehistoria. Konsonantit. Helsinki, 1903, стр. 57.

² F. J. W i e d e m a n n. Grammatik der Ehstnischen Sprache. St.-Petersbourg, 1875, стр. 458.

Точно так же обстоит дело и в ижорском языке, где причастия незаконченного действия почти не отличаются от финских причастий: *kyntävä* „пашущий“, *laulava* „поющий“, *soittava* „играющий на музыкальном инструменте“, *kylvävä* „сеющий“, *pagrava* „смеющийся“ (финск. *naurava*), *ruutävä* „просящий“, *kirjuttava* „пишущий“ (финск. *kirjoittava*), *lentävä* „летающий“, *istuva* „сидящий“ и т. д.

В вепсском языке суффикс причастий незаконченного действия представлен как *-b* или, в сочетании с глухим согласным, как *-p*. Примеры: *el'ab* „живущий, живой“, *el'abil' silmil'* букв. „живыми глазами“, *el'ar kala*, *el'abain'e kalain'e* „живая рыба, живая рыбка“ (финск. *elävä*); *palab* „горящий, горячий“, *palabat čajud* „горячего чаю“ (финск. *palava*); *kehь* (< *keehupa*) „кипящий“, *kehь vezi* „кипящая вода, кипятки“, паритив ед. числа *kehpad v'et* (финск. *kiehuva*); *tutab* „знакомый“, генитив ед. числа *tutpan*, *tutap taho* „знакомое место“ (финск. *tuttava*).

В карельском языке в причастиях незаконченного действия обобщены повсеместно слабоступенные формы. Приведем несколько примеров из ливвиковского и людиковского диалектов карельского языка. По значению уже утратили свою причастность такие слова, как *palava* „горячий“, *välttävä* „годный, подходящий“, *joudava* „негодный, плохой“, *vierövä* „пологий, с уклоном“, *elävä* „живой“, *vähävoivan'e* „слабый, немощный“, *voivas* „здоровый“ и др. В ливвиковском диалекте возможны, однако, и сильнотупенные формы вроде *voipan'i* „сильный, зажиточный“. Но, как правило, в карельском языке в причастиях незаконченного действия выступает *-v*: *ostettav lehm* „покупаемая корова“, *syötettäv lapsi* „кормимый ребенок“.

Таким образом, в современном финском языке, как и в большинстве других прибалтийско-финских языков (эстонский, водский, ижорский, карельский), слабая ступень в суффиксах причастий незаконченного действия распространялась на все случаи. Суффиксом этих причастий стал в финском, ижорском и водском языках *-va*, *-vä*, в эстонском и карельском языках, с отпаданием конечного гласного, *-v*. Сильная ступень этого суффиксального чередования сохранилась лишь в немногочисленных застывших формах некоторых причастий: финск. *syövä*, *käyvä*, эст. *keeb vesi*, кар. *voipan'e* и др.

В ливском и вепсском языках развитие было иным: во всех причастиях незаконченного действия представлена сильная ступень чередования.

Причастиями по происхождению являются также финские так называемые модеративные прилагательные, обозначающие недостаточность, неполноту какого-либо признака. Большинство таких прилагательных обозначает различные оттенки цвета: *harmahtava* „сероватый“, *punertava* „красноватый“, *sinertävä* „синеватый, голубой“, *kellertävä* „желтоватый“, *vihertävä* „зеленоватый“. Образованы они от отыменных глаголов: *punertava* с первоначальным значением „делающийся немного красным“, т. е. „красноватый“ от глагола *punerta-* „делать немного красным“ (с основой, образованной от прилагательного *puna* „красный“). Примеры из других родственных языков: вепсск. *ahthatab* „тесноватый“, *hahkatab* „сероватый“, *magedatab* „сладковатый“, *pitkatab* „длинноватый“, *torhetab* „сыроватый“; карельск. людиковск. *muigedattau* „кисловатый“, *madalattau* „низковатый“, *magedattau* „сладковатый“, *vahnattau* „староватый“; ижорск. *kuumahtava* „немного горячий“, *kylmästävä* „холодноватый“.

Интересен еще один случай образования причастия незаконченного действия в финском языке, имеющего соответствия и в других родственных языках. Это причастие *erä*, образовавшееся от отрицания, которое и в современном финском языке изменяется по лицам и числам: в ед. числе 1 л. *en*, 2 л. *et*, 3 л. *ei* из *epi* (ср. 1 л. *saan*, 2 л. *saat*, 3 л. *saa* из *saari* и более раннего *saara*); во множ. числе 1 л. *emme*, 2 л. *ette*, 3 л. *eivät* по аналогии с 3 лицом ед. числа; первоначально, очевидно, *evät* из *eBät* (ср. 1 л. *saamme*, 2 л. *saatte*, 3 л. *saavat* из *saaBät*). В современном языке *erä* играет роль отрицательной частицы, при помощи которой образуются слова со значением отрицания, неправильности, недостаточности, например, *eräedullinen* „невыгодный“, *eräjumala* „языческий бог, идол“, *eräjärjestys* „беспорядок“, *eräluulo* „подозрение“, *erämukava* „неудобный“, *eräselvä* „неясный“, *eräterveellinen* „вредный для здоровья, нездоровый“, *erätäydellinen* „несовершенный, неполный“, *eräusko* „неверие“, *erävarina* „неуверенный“ и т. д. Ср. эст. *ebajumal* „идол“, *ebakultuurne* „некультурный“, *ebamoraalne* „аморальный“, *ebamugav* „неудобный“, *ebaselge* „неясный“, *ebatavaline* „необычный“, *ebaterve* „нездоровый“, *ebausk* „суеверие“.

Того же происхождения *eräillä* „сомневаться“ (откуда производное *eräily(s)* „сомнение“; ср. эст. *ebalema*, *ebalus* в том же значении) и *eräroidä* „колебаться, быть в нерешительности“. С *erä* же связан глагол *evätä* „отвергать, отказывать“ с основой *erä-*, образованный по типу *lupa* „разрешение“ — *luvata* „обещать, позволять“. На более широкое распространение *erä* в прошлом в диалектах по сравнению с современным финским языком указывает словарь Э. Лённрота: *epi* „неприятный, противный“, *olla epi asiasta* „быть против чего-нибудь“, *epi eheästänsä rupesi torumaan* „стал ругать без всякой причины“, *epiä*, *evin* „сомневаться, сопротивляться, отказываться“.

Соответствия финскому *erä* имеются и в саамском (лопарском) языке. Несомненно, что *erä* уже давно перестало быть причастием.

Относительно конечного гласного в рассматриваемых причастиях следует указать, что „активные причастия незаконченного действия в древности имели звучание вроде *saari* с основой *saara-* в чередовании с *saaBa-* „получающий“, *antaBi* с основой *antaBa-* „дающий“. Это не первоначальное звучание: перед нами обобщение конечного *i*. В указанном виде эти причастия отражаются в тех глагольных формах, которые из них произошли, — в глагольных формах вроде *saari* „получает“ при *saavat* „получают“, *antavi* (поэт.) „дает“, при *antavat* „дают“.¹ В современных же финских причастиях обобщилось, с одной стороны, *a* (*ä*), а с другой стороны, *v* из *B*.

II

Причастия незаконченного действия в финском языке связаны по своему происхождению с весьма широко распространенными в финно-угорских языках именами действия. Вопрос о развитии имен действия получил верное освещение в работах покойного проф. Д. В. Бубриха.²

¹ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Госиздат КФССР, Петрозаводск, 1948, стр. 47.

² Там же, стр. 48—49.

По мнению Д. В. Бубриха, развивающего мысль И. Буденца о первоначальной широте распространения имен действия на финно-угорской почве, имена действия, кроме своего основного значения, могли обозначать действующателя, орудие или средство действия, объект действия, результат или эффект действия и т. п., в зависимости от своей позиции в построении, в которое они входили. Так, имя действия со значением „лов“ могло обозначать действующателя („ловец“, „ловящий“), если оно оказывалось в позиции определения по отношению к названию человека, являющегося активным действующателем. В таком случае развитие шло по линии — „лово-человек“ — „ловец-человек“ и „ловящий человек“. То же имя, оказываясь в позиции определения по отношению к названию животного или неживого предмета, являющегося объектом действия, стало обозначать объект действия: „лово-заяц“ — „улов-заяц“ и „пойманный заяц“. В дальнейшем это значение, получаемое именем действия в позиции определения, могло закрепляться за именем действия, оформленным так или иначе морфологически. Полученное таким образом новое значение сохранялось за именем и в том случае, если оно выходило из позиции определения. Так, на основе случаев вроде „ловец-человек“, „ловящий человек“ у имени действия закреплялось значение „ловец“, „ловящий“. Об этом говорят примеры из мордовского и некоторых других языков.

В мордовском языке имеются глагольные существительные на *-ы (-и)* или *-ыця (-иця)* — этимологически те же, что прибалтийско-финские имена на *-ja*. Взятые отдельно, они являются существительными — названиями действующателя (попел agentis): *кундыця* „ловец“, *калонь кундыця* „рыбы ловец, рыболов, рыбак“. Они могут получать при себе точно такие же косвенные дополнения и обстоятельства, что и глаголы. Но, кроме этого, могут выступать также в позиции определения перед другим существительным, например, *калонь кунды ломань* „рыбу ловящий человек“, *палы тол палы* „горящий огонь горит“, *чуди ведь чуди* „текущая (текучая) вода течет“. По свидетельству Д. В. Бубриха, „есть движение в направлении превращения этих глагольных существительных в глагольные прилагательные — активные причастия незаконченного действия, т. е., например, в направлении *сокиця тейтерь* — пашущая девушка“.¹

Точно так же, как в мордовском языке, в некоторых диалектах финского языка и в языке старой финской литературы, как и во многих прибалтийско-финских языках, в роли активных причастий незаконченного действия очень часто выступают имена на *-ja, (-jā)*, которые, взятые отдельно, являются существительными — названиями действующателя.

У М. Агрикола наряду с употреблением причастий на *-ua, -vā* (или *-ra, -rā*) довольно часты случаи употребления в той же позиции имен на *-ja, -jā, (-ia, -iä)*. Примеры: *wirghottaia hengi* „ободряющий дух“, *raatelija hirmusus* „терзающее чудовище“, *ratelia (raatelija) ia kilijuaa Jalopeura* „терзающий и рычащий лев“, *laupiudhes caickijn sowittaia* „милость (твою) во всех вселяющий“, *ouenuartia pica* „дверь стерегущая прислуга“ (в совр. финск. языке субстантивизировалось в значении „привратник“), *rahoia tekie ia murhamies* „злодей и убийца“, букв. „плохо делающий и убийца“. У Херра Мартти: *nijn pitä hänen*

¹ Д. В. Бубрих. Эзя-мордовская грамматика-минимум. Саранск, 1947, стр. 40.

naittaialle miehelle sanoma „так нужно ей жениху(ся) мужчине сказать“. (H. Ojansuu, Mikael Agricolan kielestä, 141.)

Во времена Агрикола и раньше построения такого же типа бытовали, очевидно, и в западнофинских диалектах, на которых в основном базировался финский литературный язык того времени.

Имена на *-ja*, *-jā*, не только как существительные — названия действующателя, но, главным образом, как активные причастия незаконченного действия широко представлены в восточнофинских диалектах и в „Калевале“. Примеры: *hyvin tietäjä ukko* „хорошо знающий старик“, *kuudilla ajajaa reissuavaista varten* „для едущего на почтовых путешественника“ (S. Latvala, Lauseopillisia muistiinpanoja pohjois-Savon murteesta, 59); *pian kantaja lehmä* „вскоре телящаяся корова“, *lapiksi puhuja mies* „по-лопарски говорящий мужчина“ (K. Cannelin. Tutkimus Kemun kielimurteesta, 49); *miehen etsivän etehen anelijan askelille* „перед ищущим мужчиной, к ногам просящего“, *moni nyt minulla onpi virkkaja vihaisen äänen, äänen tuiman tuikuttaja* „многие скажут мне теперь сердитое слово, слово грозное вымолвят“, букв. „многие теперь у меня являются говорящие сердитое слово (голоса), слово грозное молвящие“, *liikkuja kala lihava* „двигающаяся рыба жирная“ („Калевала“). Добавим к этому еще одну поговорку, записанную в двух вариантах (в одном с именем действия на *-ja*, в другом — на *-va*): *on oksan ottajia, jos on kuusen kaatajia* „найдутся (есть) собиратели сучьев, если есть рубители ели“ — *kyllä on oksan ottavia, kun on tammen taittavia* „найдутся сучья собирающие, если есть дуб срубавшие“.

Имена на *-ja* в значении активных причастий незаконченного действия широко распространены также в ливском языке, где причастия на *-va* (ливск. *-b*, *-bā*) употребляются довольно редко. Примеры: *aaliji* „бегущий, бегун“, *oudiji kana* „пáрящая курица, наседка“ (ср. эст. *haudja kana*, финск. *hautova kana*), *loolaji lind* „поющая птица, певчая птица“ (ср. финск. *laulaja-poika* „хорошо поющий мальчик“), *juoji vaiški* „хорошо пьющий теленок“, *leji looja* „хорошо идущий (ходкий) корабль“, *palaji tul'* „горящий огонь“, *juoksiji veiz* „текущая вода“ (L. Kettunen. Hauptzüge der livischen Laut- und Formengeschichte, 86). Ливские имена на *-ja*, употребляющиеся в роли активных причастий незаконченного действия, обозначают обычно устойчивый признак (*oudiji* — финск. *hautovainen*) и сближаются таким образом по значению с именами прилагательными.

В эстонском языке также нередки случаи употребления наряду с причастием на *-v* имен на *-ja* в той же позиции и с тем же значением. По свидетельству Видеманна, имена на *-ja* в значении активных причастий незаконченного действия употребляются чаще, чем имена на *-v*: *leikaja puga* „режущий, острый нож“, букв. „резатель нож“, *sisse-saatja koht* „вводящее, вводное место“, *vee pidaja tors* „воду держащая кадка“, *metsas käijä pois* „мальчик, который уже ходит в лес за дровами“, букв. „в лес ходок мальчик“ (F. Wiedemann, Grammatik der Ehstnischen Sprache, 459).

В венском языке более часты случаи употребления имен на *-ja* в позиции определения: *veren imii s'äs'k* „кровь сосущий комар“, *sarn soitjam paimn'em pouhe* „сказка об играющем пастухе“, *puskii härg* „бодущий бык“, *murhaajed lendlejad lendlobad kogol'* „муравьи летающие (букв. „летатели“) летают стаей“, *lendl'i'i oraa* „летающая белка“, букв. „летатель белка“ (финск. *lento-orava* букв. „лёт-белка“) (L. Kettunen, Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus, 506).

Примеры из карельского языка: *viruja* рии „лежачее дерево“, *liikkuja* „подвижный, живой“, *pist'el'ia heinä* „колючая трава“, *kuunte-lija* „послушный“, *hyvin p'ägiä* „хорошо выдающий“, *kiehuja vezi* „кипящая вода“, ср. вепсск. *k'ehg'ad* (*kehjad*) *v'et* „кипящей воды“ (А. Genetz. *Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä*, 178).

Как в карельском, так и в вепсском языке имеются случаи употребления имен на *-ja* со значением законченности действия. Это карельск. *kuolia* и вепсск. *kolli* „умерший, мертвый“, вепсск. *roidjaa kezä* „прошлым летом“. В карельском языке, наконец, возможно употребление степеней сравнения в именах на *-ja*, например, в предложении *meän akat ollah soutajammat* „наши женщины более хорошие гребцы“, букв. „гребчее“. Это опять-таки указывает на все больший отход имен действия на *-ja* от системы глагола и на постепенное качественное изменение их.

Важно, наконец, указать употребление активных причастий в венгерском языке. Суффиксом этих причастий является *-oo*, *-öö*: а *vaagoo taniitvaanu* „ожидающий ученик“, а *futoo fiuu* „бегущий мальчик“. Особенность их состоит в том, что, кроме своего основного употребления в позиции определения перед существительным в значении активного причастия незаконченного действия, они могут употребляться самостоятельно, обозначая название действующателя, например, *olvasoo* „читающий“, *iroo* „писатель“, *költöö* „поэт“, *szerzőö* „автор“, *hallgatoö* „слушатель“. Но образуя с определяемым им именем существительным сложное слово, имена на *-oo*, *-öö* могут обозначать также название действия, например, *ivooviiz* „питьевая вода, вода для питья“, при *ivoo* „пьющий“, *olvasookõnuv* „книга для чтения“ при *olvasoo* „читающий“, *irooaszta* „письменный стол“ при *iroo* „пишущий“, *pihenõõpar* „день отдыха“ при *pihenöö* „отдыхающий“, *vaagooterem* „комната для ожидания“ при *vaagoo* „ожидающий“.

Таким образом, помен *agentis* в большинстве прибалтийско-финских языков выполняет те же функции, что и активное причастие незаконченного действия на *-va*, *-vā* (или *-pa*, *-pā*) в финском языке. Наряду с этим он может выступать и как активное действующее лицо в зависимости от положения в предложении, т. е. выступать как имя существительное. Лишь в этой последней функции он известен современному финскому языку.

В языках, где наряду с именами на *-ja* в качестве причастий незаконченного действия выступают имена на *-va*, *vā*, определилось между ними некоторое различие в значении. Заключается оно в том, что имена на *-ja*, выступая в позиции определения, обозначают более устойчивый признак или постоянное свойство какого-либо явления и сближаются по своему значению с прилагательными: эст. *leikaja nuga* „острый нож“, ливск. *oudiji kana* (финск. „*hautovainen kana*“) „наседка“. С системой глагола эти имена сближает заложенное в них значение действия. Как и причастия на *-va*, помен *agentis* в роли причастия может иметь при себе прямое дополнение или обстоятельство: вепсск. *veren imli s'äs'k* „кровь сосущий комар“ (ср. финск. *verta imevä sääski*), кар. *hyvin tietäjä ukko* „хорошо знающий старик“ (ср. финск. *paljon tietävä ukko*).

Все эти примеры говорят о большой семантической близости имен на *-ja* с активными причастиями незаконченного действия. Это, однако, не говорит о том, что они имеют по происхождению один и тот же

суффикс, что в частности предполагал А. Алквист.¹ Как те, так и другие могли употребляться, очевидно, уже в финно-угорском языке-основе в различных позициях, и лишь после разделения языка-основы на отдельные языки произошло разделение их функций, по-разному в разных языках.

III

Подобно имени прилагательному причастие служит в предложении определением. Но, в отличие от прилагательного, причастие обозначает „действие, приписываемое лицу или предмету как их признак, как их свойство, проявляющееся во времени. Причастие совмещает в себе, таким образом, признаки глагола и признаки имени прилагательного“.²

В современном финском языке причастие, подобно имени прилагательному, согласуется с определяемым им именем существительным в числе и падеже. Например, *laulava poika* „поющий мальчик“, генит. ед. ч. *laulavan pojan*, адесс. ед. ч. *laulavalla pojalla*, номинат. мн. ч. *laulavat pojat*; или *laulanut poika* „певший мальчик“, генит. ед. ч. *laulaneen pojan* и т. д. Но, будучи, с другой стороны, генетически ближе связано с системой глагола, причастие сохраняет некоторые специфические признаки глагола: активный и пассивный характер действия, законченность и незаконченность действия. В отличие от имени прилагательного причастие, если оно не перешло в прилагательное, не имеет степеней сравнения и не может иметь при себе свойственных прилагательным наречных форм (например *kauhean, tavattoman suuri* „страшно, необычайно большой“). Но, как и глагол, причастие может управлять глагольными наречиями, а также именами, выступающими как обстоятельства или, при переходном значении причастия, как прямые дополнения. Примеры:

Kapea monelle taholle haarautuva tie kiemurtelee kahdenkymmenen neljän talon välissä... (V. Lacin. *Kalastajan poika*.) „Узкая, разветвляющаяся в разные стороны дорога извивается между двадцатью четырьмя домами“.

Samassa hän huomasi väkijoukon läpi työntyvän Oskarin. (V. Lacin. *Kalastajan poika*.) „В то же время он заметил сквозь толпу народа пробирающегося Оскара“.

Sisältä kantautui joltain virttä veisaavien äänten kuoro. (V. Lacin. *Kalastajan poika*.) „Изнутри доносился хор голосов, поющих какой-то псалом“.

Ei työtä tekevältä (ihmiseltä) työ puutu (sanant.). „У работающего (букв. „работу делающего“) человека нет недостатка в работе“.

Как видно из двух последних примеров, прямое дополнение при причастии незаконченного действия обычно оформлено партитивом. Однако, наряду с более часто встречающимися случаями с партитивным прямым дополнением, при причастии незаконченного действия возможны построения с прямым дополнением в аккумулятиве, совпадающим с генитивом. Но если в первом случае выражается незаконченность действия в настоящем времени, то во втором, напротив, законченность его, но в будущем времени, например: *laulua*

¹ Aug. Ahlqvist. Suomen kielen Rakennus. Helsinki, 1877, стр. 7.

² Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология. АН СССР, 1953, М., стр. 506.

laulava poika „песню поющий мальчик“, *laulun laulava poika* „песню споющий мальчик“, т. е. „мальчик, который поет песню“.

Но партитивное прямое дополнение при причастии отнюдь нельзя считать первоначальным. Оно развилось сравнительно поздно параллельно генитивному определению при имени действия вместе с развитием этого имени действия в причастие. Следы былого употребления прямых дополнений в форме аккузатива при причастии сохранились как в языке старой финской литературы и фольклора, так и в современном финском литературном языке. Например:

Kauran syöree heroa. („Kalevala“). „Лошадь, едящая овес“.

Wieranholhoian pitä matkan waeldauaisen miehen, honetta suoman... (у Херра Мартти.) „Привратник должен предоставить комнату путешественнику (букв. „путь странствующему“) человеку“.

Ср. в современном финском языке окачествленные причастия *rahasuora ihminen* „злонамеренный человек“, *vedenpitävä* „непромокаемый“ (возможно и *vettäpitävä*).

Выше говорилось, что причастие как глагольно-прилагательная форма обозначает действие, приписываемое предмету или лицу как их признак или свойство, и подобно имени прилагательному служит в предложении определением. Особо следует выделить группу предикативных причастий, т. е. причастий, выступающих в системе составного сказуемого. Отличное от причастий-определений употребление их обусловило то обстоятельство, что, сохраняя подчас те же морфологические признаки, они, в сущности, порывают со своей причастностью: значение признака или свойства в них отсутствует. Приведем следующие три случая употребления предикативных причастий на *-va* (*-vää*):

1. Причастие на *-va* (*-vää*) вместе с глаголом-связкой *olla* образует составную форму, выражающую действие, которое должно произойти в будущем, если глагол *olla* стоит в презенсе, или действие, которое должно было произойти в прошлом, если глагол *olla* стоит в имперфекте (так называемые *liittopreesens*, *liittoimperfekt*). Например:

Hän suhtautuu asiaan vakavasti, ja kaikki on käyvä hyvin. (V. Lacin. Kalastajan poika.) „Он относится к делу серьезно, и все должно быть хорошо“.

Olin lukeva tämän kirjan. „Я должен был прочитать эту книгу“.

Но если причастие перешло в имя прилагательное, то оно не образует с глаголом *olla* подобной формы будущего времени со значением долженствования; например: *Jokaisen sanan lausuminen oli voimille käypää.* „Произношение каждого слова было не по силам“ (букв. „затрачивающим силы“).

Конструкции, подобные вышеприведенным, являются одним из способов выражения будущего времени в финском языке. Подобные же составные формы широко распространены в языке старой финской литературы и в языке „Калевалы“, но в другом значении. Например:

Hän on asuva Eemännäs tykönä (у Херра Мартти.) „Он живет (букв. „есть живущий“) у своей хозяйки“.

Ahti oli saarella asuva („Kalevala“.) „Ахти жил на острове“.

Mit' olet, otus, hakeva, istut alla ikkunani? („Kalevala“.) „Что ищешь, зверь, (что) сидишь под моим окном?“

2. Причастие на *-va*, *-vää* в форме эссива множеств. числа с притяжательным суффиксом образует с глаголом-связкой *olla* составную

форму, выражающую воображаемое, нереальное действие (состояние) или действие (состояние) со значением „делающий вид, что занимается чем-нибудь, является чем-нибудь“. Например:

Hän oli koko ajan *näkevinään* Robertin ja Zentan syleilevän toisiaan. (V. Lacis. Kalastajan poika.) „Ему казалось все время, что он видит, как Роберт и Зента обнимают друг друга“.

— Kyllä se oli, totta puhuen, siitä pitäen, kun Liisa mielistyi minuun, vaikka ei se sitä ole *kuulevinaanakaan*, kun sille sitä sanoo (J. Aho. Rautatie.) „Это было, по правде говоря, в то время, когда Лиза влюбилась в меня, хотя она и делает вид, что не слышит, когда ей это говорят“.

3. Причастие на *-va*, *-vā* в форме генитива, образует с глаголами, обозначающими предположение, замечание, сообщение или слышание, видение, чувствование и т. п., составную форму, заменяющую собой придаточное предложение (так называемое *partisippiirakenne*). Например:

Aniharva yritti riistäytyä tämän rajan ulkopuolelle ja silloinkin varoen, *peläten joutuvansa* naurunalaiseksi. (V. Lacis. Kalastajan poika.) „Редко кто пытался переступить эту границу, и то опасаясь, боясь, что станет посмешищем“.

Luuli saavansa narratuksi. (J. Aho. Rautatie.) „Думал, что сможет обмануть“.

Lapinlahden kirkollahan sen (rautatien) kuuluu näkevän... ei *kuulu tarvitsevan* edemmä mennä. (J. Aho. Rautatie.) „Говорят, что у церкви Лапинлахти ее (железную дорогу) видно... дальше идти не нужно“.

Ср. аналогичные образования в эстонском языке:

Ta *arvas* hädäohu sedapuhku *möödas olevat*. (E. Vilde. Valik jutustusi.) „Он подумал, что опасность на этот раз миновала“.

Ma *tean* teda yhtlasel soldatisammul edasi ja tagasi *sammuvat*, ma *tajun* teda paremalt ja pahemalt poolt minu paberile *vahtivat*. (E. Vilde. Valik jutustusi.) „Я знаю, что он шагает равномерным солдатским шагом взад и вперед, я чувствую, что он с правого и левого боку заглядывает в мою бумагу“.

Примеры говорят о значительном отходе от общей системы причастий группы предикативных причастий. Нелишне остановиться несколько подробнее на двух последних случаях.

Во втором случае перед нами застывшая форма причастия: эссив множ. числа + притяжательный суффикс. Только в таком виде она и употребляется, не согласуясь в числе с глаголом-связкой. В зависимости от лица глагола-связки изменяется лишь притяжательный суффикс причастия.

Относительно третьего случая следует подчеркнуть следующее:

Эстонские конструкции на *-vat* (*tean teda sammuvat*) говорят о том, что в аналогичных финских конструкциях перед нами первоначальный аккузатив, совпавший в финском языке с генитивом. В диалектах, да и в современном литературном языке в подобных же конструкциях нередко встречается также транслативная форма. Например, *Märkähattu karjanraimen katselevi... tulevaksi* Lemminkaistä. („Kalevala“.) „Пастух, мокрая шапка, посматривает, идет ли Лемминкяйнен“ (собств. „посматривает идущим Лемминкяйнена“).

Ei Liisaa kuitenkaan *näkynyt* sinä päivänä *tulevaksi*... (J. Aho. Rautatie.) „Видно было, что Лиза не придет все-таки в этот день“ (собств. „не видно Лизы приходящей“).

Pieneen kaupunkiin on jo monta päivää *odotettu* laivoja *tuleviksi* (J. Aho. Kootut teokset, IV.) „В маленьком городе уже много дней ожидали прихода кораблей“ (собств. „ожидали кораблей приходящими“).

Odotettuaan turhaan vielä jotain tapahtuvaksi pojat lähtivät *pettyneinä* edelleen. (V. Lacis. Kalastajan roika.) „Прождав напрасно, что случится еще что-нибудь, разочарованные парни пошли дальше“ (собств. „прождав напрасно еще что-нибудь случающимся“).

Интересно, что конструкции, подобные вышеприведенным, не чужды и индоевропейским языкам. По построению весьма сходны с ними *participium praedicativum* в латинском языке, а в русском — образования типа: „Я очень удивился, услышав ее (собачку) говорящую“ (Гоголь); „Ласточку свою он видит на снегу замерзшую“ (Крылов); „Я нашел его окруженного нашими офицерами“ (Пушкин).

Значительный интерес представляют следующие конструкции из эстонского и мордовского языков, говорящие о том, что в подобных конструкциях вместо *v*-овых имен действия могли выступать *m*-овые имена:

та *arvasin* neid vaesed *olema* „я думал, что они бедны“; та *nägin* tema hobuse mööda *minema* „я видел, что его лошадь мимо прошла“ (F. Wiedemann. Grammatik der Ehnstnischen Sprache, 448—449).

Ср. мордовск.-мокша:

Мон сонь няине сама „я его увидел идущего“; мон сонь няине кодама „я его видел ткущего“; сон няезь кудста лисема „его видели выходящего из дома“; Авозысь няезе рвянянц сермадома нинче *стирьке* „свекровь видела невестку вышивающей“.¹

IV

Употребление причастий подобно именам прилагательным и заложенное в них значение признака или свойства способствовало их переходу в прилагательные, а позже в имена существительные и наречия путем субстантивизации и адвербизации окачественных причастий.

Как известно, имя прилагательное обозначает постоянный, вневременный признак того или иного предмета. В причастии же значение признака, свойства связано с такими специфически глагольными категориями, как время (или законченность и незаконченность действия), переходность и непереходность, многократность и однократность действия. Поэтому переход причастий в имена прилагательные связан с утерей причастием своих глагольных свойств. Этот процесс перехода можно проследить в финском языке, начиная с древнейших литературных памятников времен М. Агрикола.

Активные причастия незаконченного действия в финском языке могут особенно легко переходить в имена прилагательные, так как в предложении они обозначают обычно действие, одновременное действию управляющего глагола, т. е. в сущности вневременны по своему значению. Другим неперемнным условием перехода причастия в имя прилагательное является непереходность причастия или устранение переходного значения в контексте предложения. Таким образом, к финским активным причастиям незаконченного действия могут быть в полной мере отнесены слова, сказанные о причастиях настоящего времени

¹ О. И. Чудоева. М-овые имена действия в мокша-мордовском языке. Москва, 1951, стр. 140.

в русском языке: „Употребление действительных причастий настоящего времени в широком значении одновременности ослабляет в них значение определенного времени и способствует развитию в них значения вневременного действия. А это, в свою очередь, обуславливает возможность перехода этих причастий в прилагательные, особенно, когда глагол, от которого образовано причастие, является непереходным или способен освобождаться от переходности в условиях контекста“.¹

Обратимся к конкретным случаям перехода активных причастий незаконченного действия в прилагательные в финском языке.

Некоторые примеры перехода были уже приведены выше. Это, во-первых, небольшая группа слов, образованных от отыменных непереходных глаголов и обозначающих недостаточность, неполноту какого-нибудь цвета, например: *harmahtava* „сероватый“, *rupehtava* „красноватый“, *sinertävä* „синеватый“, *vihertävä* „зеленоватый“, и, во-вторых, слова, связанные по происхождению с сильноступенными формами причастий, как например: *lyöpä kello* „часы с боем“. К последней группе можно отнести также сложные прилагательные, возникшие на базе уже существовавших окачествленных причастий, например: *sydämelle käyrä* „затрагивающий сердце“, *harhaan vievä* „вводящий в заблуждение“, *pahansuora* „злонамеренный“, *pahoinvoira* „немогущий, больной“, *jälkeenjäävä* „отстающий“, *edelläkäyvä* „предыдущий“.

Во многих активных причастиях незаконченного действия связь с глаголом настолько утеряна, что в современном языке они воспринимаются почти исключительно как прилагательные, например: *elävä* „живой“, *huumaava* „ошеломляющий“, *hassahtava* „придурковатый“, *joutava* „ненужный, лишний“, *kiiltävä* „блестящий“, *kuultava* „прозрачный“, *kellahtava* „желтоватый“, *pätevä* „компетентный, основательный“, *sekava* „запутанный, неясный“, *sointuva* „мелодичный, благозвучный“, *taitava* „умелый, искусный“.

Переходу причастий в прилагательные способствует в большой мере частое употребление фразеологических оборотов с причастиями, например: *iskevä sana* „острое слово“, *johtava työntekijä* „руководящий работник“, *juoksevat asiat* „текущие дела“, *juokseva tili* „текущий счет“, *huumaava tuoksu* „одуряющий запах“, *kaatuva tauti* „падучая болезнь“, *kertova tyyli* „эпический стиль“, *kestävä hevonen* „выносливая лошадь“, *kiertävä punainen lippi* „переходящее красное знамя“, *kuluva vuosi* „текущий год“, *kuvaava piirre* „характерная черта“, *käskevä ääni* „повелительный голос“, *liikkuva kalusto* „подвижной состав“, *murhaava arvostelu* „убийственная критика“, *nousevalla viikolla* „на будущей неделе“, *nouseva polvi* „подрастающее поколение“, *päkyvällä paikalla* „на видном месте“, *parjaava lausunto* „клеветническое высказывание“, *palava rakkaus* „пламенная любовь“, *pureva iha* „язвительная ирония“, *pureva pakkanen* „жгучий мороз“, *pätevä syu* „основательная причина“, *sattuva sana* „подходящее слово“, *seuraavana päivänä* „на следующий день“, *sopiva tilaisuus* „подходящий случай“, *sointuva ääni* „мелодичный голос“, *tarttuva tauti* „заразная болезнь“, *tuleva vuosi* „будущий год“, *tutkiva katse* „испытующий взгляд“, *tyhjentävä vastaus* „исчерпывающий ответ“, *valmistava komitea* „подготовительный комитет“, *vastaava toimittaja* „ответственный редактор“, *vertaileva metodi* „сравнительный метод“.

¹ Грамматика русского языка, том 1. Фонетика и морфология. Стр. 508.

В некоторых случаях активное причастие незаконченного действия входит в состав сложного слова и образует сложное прилагательное, например: aikaа ilmaiseva „временной, темпоральный“, esiinpistävä „выступающий, торчащий“, kaikkikäsitävä „всеобъемлющий“, kaikkinäkevä „всевидящий“, mieltä koskeva „трогательный“, käänteentekevä „значительный, поворотный“, läpihoitava, läpikuultava „прозрачный“, läpituokeva „пронзительный“, liikkeelle paneva (voima) „движущая сила“, maataomistava „владеющий землей, землевладельческий“, maataviljelevä „земледельческий“, mukaansatempaava „увлекательный“, mustanpuhuva „черноватый“, paha-aennustava „зловещий“, paikkansapitävä „достоверный“, ruheenaoleva „тот, о ком (о чем) идет речь“, samantekevä „безразличный“, sanansapitävä „верный данному слову“, silmiin pistävä „бросающийся в глаза, заметный“, lakia säätävä (valta) „законодательная власть“, toimeenpaneva (komitea) „исполнительный комитет“, toimeentuleva „обеспеченный“, tulenkestävä „огнеупорный“, työtätekevät (joukot) „трудящиеся массы“, virkaatekevä „исполняющий обязанности“, ohimenevä „временный, преходящий“.

Сравнительно редки случаи перехода в прилагательные причастий, образованных от глаголов с суффиксом *-le*, обозначающим многократность действия, например: ilkkuileva „язвительный“, kerskaileva ruhe „хвастливая речь“, kiemaileva ihminen „лживый человек“.

Большую группу составляют прилагательные, образованные путем присоединения к суффиксу причастий *-va* (*-vā*) суффикса прилагательных *-inen*, например: huomaava *inen* „наблюдательный, внимательный“, kimmoava *inen* „упругий“, kuoleva *inen* „смертный“, luottava *inen* „доверчивый“, luuleva *inen* „мнительный“, mätelevä *inen* „пресмыкающийся“, matkustava *inen* „путешествующий“, muutteleva *inen* „перемчивый, непостоянный“, nuhtelevä *inen* „укоризненный“, raatelevä *inen* „хищный“, sääliä *inen* „согласительный“, säästävä *inen* „бережливый“, uskova *inen* „верующий“, vaativä *inen* „требовательный“, varova *inen* „осторожный“, ymmärtävä *inen* „понятливый, разумный“. Появлению этих форм современный литературный язык во многом обязан старой финской литературе, где они употреблялись особенно часто. Большинство слов на *-väinen*, *-väinen* у М. Агрикола и других авторов его времени являются именами прилагательными, которые в свою очередь образованы от перешедших в прилагательные причастий, например: *caikinaiset* *eleueiset* *ia* *mäteleväiset* *eleimet* „всякие живые (существа) и пресмыкающиеся животные“, *iäkennoutauaisella* *tavalla* „следующим образом“, *teiden* *coleuaisen* *Rumijn* „ваше смертное тело“, *Hwatauaisen* *äni* *Corues* „глас вопиющего в пустыне“. Ср. в „Калевале“: *Ilman* *linnut* *lentäväiset* „птицы в воздухе летающие („летучие“), *eestä* *päivän* *paistavaisen*, *tieltä* *kuun* *kumottavaisen* „от солнца жгучего, от месяца сверкающего“. Но нередко также случаи употребления имен на *-väinen*, *-väinen* в значении причастий, например, у М. Агрикола: *cooleuainen* в значении „умирающий“, *palauainen* *Kynteles* „твоя горящая свеча“, у Херра Мартти: *6 asuaista* *miestä* „6 живущих мужчин“.

От причастий, перешедших в имена прилагательные, часто образуются имена существительные (суопа „рак“, *edeskäuryä* „прислужник“, *työtätekevät* „трудящиеся“) и, при помощи соответствующих суффиксов, наречия (*jatkuvasti* „постоянно“, *sopjivasti* „во-время, кстати“, *hän lähti* *varovasti* *astelemaan* „он пошел, осторожно ступая“, *nuhtelevan* *hellästi* „укораяще нежно“).

В качестве итога рассмотренному отметим следующее:

1. Современные финские активные причастия незаконченного действия на *-va* (*-vā*) восходят к получившим некогда широкое распространение в финно-угорских языках именам действия, которые могли иметь разное значение в зависимости от занимаемой ими позиции в контексте. Выступая как определение перед именем существительным, они могли приобретать характер активных причастий незаконченного действия.

В прошлом финского языка согласный *p* в суффиксе активных причастий незаконченного действия был подвержен чередованию и выступал на слабой ступени как *B*. В современном финском языке сильная ступень чередования в причастиях незаконченного действия окончательно вытеснена влиянием слабоступенных форм. Повидимому, это выравнивание по образцу слабоступенных форм началось уже в прибалтийско-финском языке-основе, и в современном финском языке суффикс причастий *-va* (*-vā*) воспринимается как нечередующийся. Немногочисленные причастные (в прошлом) формы, сохраняющие фонетически закономерную в них сильную ступень, являются в современном языке именами существительными или прилагательными.

2. Не менее древними по своему происхождению, чем имена на *-ra*: *Ba* (*-pā*: *Bā*), являются *i*-овые имена действия. Как и первые, они могли выступать в позиции определения, играя роль активных причастий незаконченного действия, а взятые отдельно выражали активного действующего. В дальнейшем развитие обеих форм причастий прошло в разных языках по-разному: в одних языках (как в финском) в функции причастий незаконченного действия продолжают выступать только имена на *-va*, *-vā*, в других — наряду с ними *i*-овые имена (причем причастия на *-va* сохраняют свою функцию в одних в большей, в других в меньшей степени). Заметим, что *i*-овые имена действия развились в причастия незаконченного действия также в мордовском и лопарском языках.

3. В современном финском языке активные причастия незаконченного действия являются отглагольно-прилагательными формами, совмещающими в себе основные признаки глагола и имени прилагательного. Но несмотря на близость причастий к прилагательным, они семантически ближе связаны с глаголом и входят в систему глагольных образований. С именами прилагательными их связывает лишь значение признака или свойства и согласование в числе и падеже с определяемым словом.

В сложных формах типа *olet lukeva*, *olin näkevinäni*, *sanoi tulevansa* предикативные формы причастий на *-va*, *-vā* семантически очень далеки от соответствующих причастных форм.

Активный характер действия причастий на *-va*, *-vā*, употребление их в значении одновременности способствует переходу активных причастий незаконченного действия в имена прилагательные при условии непереходности действия или устранения переходности в контексте. На основе причастий, перешедших в прилагательные, могут образоваться имена существительные и наречия.

Н. И. Богданов

ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ НАРОДА¹

И. В. Сталин учит: „Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка.

Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания...

Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества, — стало быть, невозможно само существование общественного производства. Следовательно, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестает существовать, как общество. В этом смысле язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества².

Таким образом, из учения И. В. Сталина вытекает, во-первых, что язык — продукт общества, только в человеческом обществе он зародился и стал служить средством общения членов общества, средством обмена мыслями. С другой стороны, и общество невозможно без языка. Если у людей не будет средства общения, то общество не сможет наладить общественное производство и потому распадется. Отсюда, язык — необходимое условие существования общества, орудие борьбы и развития общества. Значит, все явления языка в целом обусловлены историей развития общества, так же как история развития общества отражается в языке.

В каждом конкретном языке имеется три четко разграниченные, хотя и тесно связанные между собой, области: фонетический строй,

¹ Доклад прочитан на научной сессии Карело-Финского филиала АН СССР, посвященной трудам И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ и „Марксизм и вопросы языкознания“, 12 июня 1953 года.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 22—23.

словарный состав и грамматический строй. При этом темпы развития каждой из этих областей неравномерны, вследствие чего и связь явлений языка каждой из этих областей с историей общества прослеживается с различными трудностями. Б. А. Серебренников¹ выделяет два типа связей: 1) связь явлений языка с конкретным периодом истории народа и 2) связь явлений языка со всем историческим опытом человечества в целом. В связи с этим возникает проблема внешних и внутренних факторов развития и изменения языка. Внешние факторы лучше отражают связь явлений языка с конкретным периодом истории народа, в то время как внутренние факторы отражают связь явлений языка со всем ходом истории развития общества в целом. Развитие и изменение фонетического строя и грамматического строя в большей степени являются результатом действия внутренних факторов (хотя каждый язык и испытывает влияние внешних факторов), развитие и изменение словарного состава, как наиболее проницаемой области языка, зависят и от внутренних, и от внешних факторов.

И. В. Сталин указывает: "...язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй".² Б. А. Серебренников в своей статье пишет: "В области лексики установление связей явлений языка с историей народа представляет уже значительно меньше трудностей, поскольку здесь можно найти очень много возможностей прямых и реальных соотношений явлений языка с различными элементами истории общества: в словарном составе языка сохраняются, в большей или меньшей степени, следы всей исторической жизни народа, начиная с древнейших времен до его современного состояния".³

Оставляя в стороне фонетический и грамматический строй, обратимся к лексике прибалтийско-финских языков. Привлекая к исследованию материалы из лексики прибалтийско-финских языков, мы делаем попытку вскрыть некоторые отдельные моменты связи явлений языка с историей того или иного из прибалтийско-финских народов.

1. Основной словарный фонд является устойчивой частью в языке, прослеживаемый древний пласт основного словарного фонда — общий для ряда родственных языков. Древний пласт основного словарного фонда отражает историю народа до распада родственного человеческого коллектива и историю происхождения того или иного народа от определенного человеческого коллектива.

Слова древнего пласта⁴ основного словарного фонда более устойчивых групп слов до настоящего времени исключительно близки по своему звучанию и значению во всех прибалтийско-финских языках. Эти слова обозначают природу и природные явления, человека, названия домашних и диких животных, птиц, рыб, органы и части тела

¹ Б. А. Серебренников. К проблеме связи явлений языка с историей общества. Журнал "Вопросы языкознания" № 1, изд. АН СССР, 1953, стр. 38.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

³ Б. А. Серебренников. Названия. работа, стр. 45.

⁴ Имеется в виду древний пласт более позднего периода развития прибалтийско-финского языка-основы, до эпохи распада.

человека и животных, названия деревьев и других растений, орудия труда, орудия охоты и рыбной ловли, средства передвижения, названия пищи, одежды, обуви, жилища, домашней утвари, посуды, названия профессий и занятий, названия металлов, качеств, действий и т.д. Приведем ряд примеров:

	финск.	эст.	кар.	вепсск.
земля	maa	maa	mua	ma
небо	taivas	taevas	taivas	taivaz
вода	vesi	vesi	vesi, vezi, veji	vezi
гора	mäki	mägi	mäki	mägi
голова	pää	pea	piä	pä
корова	lehmä	lehm	lehmä, lehmy	lehm
птица	lintu	lind	lintu, lindu	lind
рыба	kala	kala	kala	kala
дерево	puu	puu	puu	pu, puu
топор	kirves	kirves	kirves	kirvez
лыжи	suksi	suusk	suksi	suks'
хлеб	leipä	leib	leipä, leibä	liib
изба	pirtti	—	pertti	perit'
железо	rauta	raud	rauda	roud
ловушка	pyydus	püünis	pyydus	pyduz
белый	valkea	valge	valgea	vouged
черный	musta	must	musta	must
есть	syödä	sööda	syödä, syyvä	söda
пить	juoda	joda	juoda, juvva	joda
идти	mennä	mienema	mändä, männa	mända

Эта общность лексики указывает на былую общность народов и народностей, говорящих в настоящее время по-фински, по-эстонски, по-карельски, по-вепсски.

Таким образом, сопоставляя лексику древнего пласта основного словарного фонда, с одной стороны, и пользуясь историческими данными, с другой, мы с уверенностью можем сделать вывод о том, что в определенную историческую эпоху существовало так называемое прибалтийско-финское племя, которое в I тысячелетии до н. э. жило в области Прибалтики (между Финским и Рижским заливами). Затем, в I тысячелетии н. э., в связи с более широким расселением на север и северо-восток, из так называемого прибалтийско-финского племени сложился ряд племен,¹ которые впоследствии, как показывают исторические и лингвистические данные, в конце I и начале II тысячелетия оказались в другой, иноязычной среде, в другой исторической обстановке, которая не содействовала сплочению этих племен. После распада эти племена развивались самостоятельно, а их языки развивались по своим внутренним законам развития. Отсюда произошли фонетические, грамматические и лексические различия, которые в какой-то мере указывают на дальнейшую историю самостоятельного развития упомянутых народов и народностей.

2. Есть слова, в которых корни основного словарного фонда в различных современных прибалтийско-финских языках могут совпадать

¹ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Госиздат КФССР, Петрозаводск, 1948, стр. 11.

или быть близкими по звучанию, но различными в данное время по значению, например, то, что говорится и понимается финнами, вепсы могут воспринимать в ином значении, и наоборот. Исторически эти корни имели во всех прибалтийско-финских языках одно значение, хотя это первоначальное значение часто трудно восстанавливается. Такое явление, с одной стороны, свидетельствует о былой общности языка, т. е. эти слова восходят к языку-основе и тем самым указывают на былую общность носителей этих слов. С другой стороны, это же явление показывает, что в дальнейшем происходил распад родственного человеческого коллектива. Оно отражает этот распад и служит показателем исторического развития того или иного народа, так как изменение значений слов находится в зависимости от исторического развития общественной и культурной жизни носителя языка.

Приведем примеры. Слово *kansa* в современном финском языке означает „народ“, *kansakunta* „нация“. Понятие „нация“ — продукт капиталистического общества. Если мы обратимся к вепсскому языку, то там слово *канз* в настоящее время имеет значение „семья“, у карел-людилов Михайловского сельсовета Олонецкого района это же слово *канз* означает „стадо животных“. У собственно-карел (калининское наречие) *капжа* „свадебный поезд“; у карел-ливвиков в районе дер. Котчура Пряжинского района КФССР имеются поля, которые называются *канзапрайкку*, что указывает на собирательное значение этого слова; у эстонцев *kaas, kaasa* (из *kaansa*) в сочетании с другими словами дает понятие совместности, например: *adikaasa* „супруг“, *kaaskodanik* „согражданин“, *kaaskond* „свита“ и т. п. Примеры показывают, что в настоящее время древнее *kansa* у прибалтийско-финских народностей приобрело разное значение.

Финляндские ученые, в частности Л. Хакулинен, утверждают, что первоначальным значением слова *kansa* было „товарищ“.¹ Автор предлагаемой статьи, опираясь на большой материал и используя его в сравнительном плане, считает, что первоначальное основное значение слова *kansa* передавало собирательное понятие „коллектива людей, семьи в широком смысле слова“. Тем не менее, поскольку у нас нет расхождения в том, что *kansa* исторически у всех прибалтийско-финских племен имело одно общее значение, постольку мы приходим к выводу, что оно указывает на бывшее родство этих племен. С другой стороны, различное развитие значения слова *kansa* указывает, что эта бывшая общность родственного человеческого коллектива распалась, причем в некоторых языках развитие слова *kansa* ясно отражает новые страницы истории народа; так, например, *kansa* в финском языке передает понятие „народ“, *kansakunta* „народ, нация“, в вепсском языке *канз* выражает понятие „семья“ в современном значении моногамной семьи, развившемся из понятия семьи, возникшей из недр родо-племенного строя.

Слово *sebr* бытовало в обращении у вепсов до коллективизации сельского хозяйства со значением „общественная косьба“. Если мы выйдем за пределы вепсского языка и обратимся к финскому, то обнаружим, что это же слово, с присущей финскому языку огласовкой, т. е. *seura*, означает здесь „общество, кружок, компания“. В эстонском языке *sõber* „товарищ, друг“. Эти данные проливают свет на вепсское *sebr*, с более ранним значением общинного пользования земельными

¹ Lauri Hakulinen. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1946, s. 50.

угодьями и общественным способом обработки земли; сравните, например, *mõ tänapäevi päikemei sebras* — „мы сегодня косим сообща“, т. е. „в коллективе“. У вепсов до Великой Октябрьской социалистической революции пахотная земля была поделена (отсюда в вепсском языке слово *межа*, заимствованное из русского), сенокосные же угодья частично оставались в общинном пользовании. В связи с этим сохранилось и слово *sebr* с пережиточным значением „община“, восходящим к древнему периоду истории вепсов, вероятно, к периоду первобытно-общинного строя. Естественно, что это слово входило в основной словарный фонд вепсского языка и отражало социальное явление из области древних общественных и хозяйственных отношений вепсов. Однако в настоящее время это слово вышло из употребления, стало архаичным, так как в условиях социалистического хозяйства в вепсский язык вошли новые социальные слова и термины: *kõlhoz* — „колхоз“, *brigad* — „бригада“ и т. д. Например, *kolhoznikad ratas kolhozas* — „колхозники работают в колхозе“, *pese ma om kolhozan* „эта земля колхозная“. Это вполне естественно, потому что слово *sebr* с его старым значением „община“ уже не может отражать нового значения коллективного, общественного землепользования, коллективного труда и новых форм распределения продуктов труда.

Таким образом, если в определенных исторических условиях слово *sebr*, *seura*, входившее, очевидно, в основной словарный фонд ряда прибалтийско-финских языков, могло развиваться и получить в финском языке новое качественное значение — „общество“ в смысле какого-то объединения, например, *Suomalais-Ugrilainen Seura* „Финно-угорское общество“ и т. д., то при иных исторических условиях это слово не развилось и стало архаичным, а взамен его в вепсский язык вошли из русского языка другие слова, подлинно отражающие историческую сущность новой действительности.

3. В какой-то мере связь явлений языка с историей народа наблюдается в замене тех или иных слов словами иноязычного происхождения. Замена эта обусловлена влиянием языков соседних народов, но происходит она лишь тогда, когда собственное слово теряет свое качество, перестает отражать в полной мере представление о предмете, действительности. Интересным фактом в прибалтийско-финских языках является замена родственных названий словами иноязычного происхождения. Слова, обозначающие близкое родство, как правило, в большинстве языков являются очень устойчивыми. Но в прибалтийско-финских языках термины родства претерпели значительные изменения. Рассмотрим слова со значением „отец“ и „мать“. В финском *isä* „отец“, *äiti* „мать“, в эстонском *isa* и *ema*, в карельском *tuatto* и *tuato*, в вепсском *tat* и *mat*. Как видно, во всех прибалтийско-финских языках слова со значением „отец“ и „мать“ в настоящее время различны. Но если мы привлечем к исследованию словарный состав этих языков, то найдем, что до появления заимствованных слов в прибалтийско-финских языках у всех племен для понятий „отец“ и „мать“ были свои общие слова. Сравним эстонское *isa* „отец“, *ema* „мать“ с вепсским *iža* и *ema*. В данное время в вепсском и карельском языках *iža* означает „самец“, *ema* — „самка“. Очевидно, вепсское и карельское *iža* и *ema* до заимствования из русского языка слов со значением „отец“ — *tat*, *tuatto* и „мать“ — *mat*, *tuato*, с одной стороны, обозначали мужскую и женскую особи, с другой стороны — имели значение „отец“ и „мать“, как это до сих пор сохранилось в эстонском языке (ср. эстонское *isa* „отец“, *isane* „самец“,

ета „мать“, етапе „самка“). Финское *äiti*, по Л. Хакулинену, заимствовано из германских языков. Такое положение вещей свидетельствует о существовании в истории финно-угорских народов эпохи, когда понятие родственных связей было, очевидно, иным, была система родства, которая впоследствии заменилась другой системой, а вместе с тем и родственные связи стали обозначаться другими словами. Когда же у карел и вепсов могла произойти эта замена? Эта замена слов близкого родства у данных народностей произошла, очевидно, после распада древнего прибалтийско-финского племени, когда в конце I и начале II тысячелетия н. э. вепсы и карелы оказались в иноязычной среде и вошли в состав образовавшегося русского государства, в период разложения родо-племенного строя. На это указывает то, что эстонский язык не заимствовал слов близкого родства от русских, а также то, что финны слово *äiti* „мать“ заимствовали от германских народов, вероятно, от шведов.

4. Лексика является хорошим свидетельством развития производства, последовательности форм развития различных видов деятельности человека. Приведем в качестве примеров финские, карельские и вепские слова со значением „соха“, „косуля“ и „плуг“. По-фински „соха“ — *sahra*, *ruusaiga*, „косуля“ — *kosseli*, „плуг“ — *aura*, *gauta-aura*. По-карельски „соха“ — *adra*, „косуля“ — *kosuli*, „плуг“ — *piuga*; по-вепски „соха“ — *adr*, „косуля“ — *kosul*, „плуг“ — *plug*. В финском языке имеет место использование слова „соха“ в новом значении „плуг“ (*aura* — исторически *atga* во всех прибалтийско-финских языках), причем финское *aura* (без определяющего слова *gauta*) затемняет историю появления нового земледельческого орудия — плуга. Но у карел и вепсов слово „плуг“ было заимствовано от русских вместе с самим предметом. Известно, что плуг как новый тип орудия в России появился во второй половине XIX века. У вепсов и карел плуг появился несколько позже. У южных вепсов плуг появился только в начале XX века, перед революцией. Тем не менее, у вепсов в данное время от слова *plug* имеются производные слова: наряду с *kyndai* „пашущий сохой“ имеется *plujii* „пашущий плугом“, наряду с *kynttä* „пахать сохой“ имеется *plujda* „пахать плугом“.

Вместе с тем слова, обозначающие земледельческие орудия, как-то: финск. *aura*, кар. *adra*, вепсск. *adr* (из **atra*); финск. *äes*, вепсск. *ägez* (из **ages*); финск. *viikate*, кар. *viikateh*, вепсск. *vikateh* „коса-горбуша“; финск. *harava*, кар. *harava*, вепсск. *harou* (из **haravo*) „грабли“ и проч., указывают также, что земледелие и животноводство так называемые прибалтийские финны знали давно, еще до их распада на отдельные племена.

Приведем еще один пример из вепсского языка. С развитием лесных промыслов во второй половине XIX века вепсский язык заимствует целый ряд русских слов. Еще в середине XIX столетия, по рассказам стариков, вепсы не пользовались пилой. Избы и другие постройки они рубили топором, так же заготавливали и дрова. Пила у средних и южных вепсов, которые живут южнее реки Свири, появилась во второй половине XIX века и сохранила свое русское название *пила* (ср. финск. *saha*). От слова *pila* образовались другие вепсские производные слова: *pildä* „пилить“, *pilind* „пилка“, *pildyd* „спиленный“, *pilajouh* „опилка“, *pilitez* „надрез пилой“ и проч. Это обстоятельство, кроме прямого указания на историю появления в вепсском языке таких слов, как *plug*, *pila* и проч., указывает, что заимствования, как

внешний фактор, обусловлены внутренней необходимостью заимствующего языка; в условиях советского многонационального государства заимствования являются средством обогащения словарного состава национальных младописьменных языков.

5. Лексика в известной степени может отражать характер базисов и надстроек. Обратимся к словам, обозначающим административные деления, названия административных лиц, служителей культа, работников медицины и просвещения и проч. Так, в вепсском языке слова с упомянутыми значениями заимствованы из русского языка. Исключение представляют слова *kuļä* и *lidn*. Слово *kuļä* в современном значении у вепсов „село“, в финском, карельском, эстонском и других языках *kuļä* — „деревня“. Слово это древнее, оно указывало на территориальное расселение коллектива говорящих на одном языке людей. Слово *lidn* (*linna*) общеприбалтийско-финского происхождения. В эстонском, карельском, вепсском языках в настоящее время оно имеет значение „город“. В финском языке *linna* выступает в значении „замок, дворец, крепость, тюрьма“. Город по-фински — *kaupunki*. Однако и в финском языке в диалектах *linna* встречается в значении „город“. Это обстоятельство дает право сделать ряд выводов. Во-первых, что у всех прибалтийско-финских народностей в прошлом, в дофеодалное время *linna* имело значение „город“ в смысле укрытого (огороженного) от нападения врагов поселения. В эстонском, карельском и вепсском языках слово *linna* в данное время приобрело значение „города“ в современном смысле слова, в финском языке дофеодалное *linna* в эпоху феодализма приобрело значение „замок, крепость“, а затем и значение „тюрьма“. Что касается финского слова *kaupunki*, то это слово довольно позднего происхождения, оно связано с словом *kauppa* „торговля“ и появилось на финской почве, вероятно, в период, когда города стали служить местом торговли, торговых сделок, коммерции и т. п., а не местом обороны, защиты от неприятеля.

Если мы обратимся к дореволюционной терминологии, обозначающей административные деления, названия административных лиц и проч., то найдем, что в вепсском языке широко представлены заимствования из русского языка, значения которых являлись и являются вполне понятными вепсскому населению. Таковы, например, дореволюционные термины: *gosudarstv* (*miiden gosudarstv* „наше государство“), *gubernii*, *ujezd*, *volost'*, *pagast* „порогост, церковь“; *õbšhestv* „общество“ и т. п.; *car'* „царь“, *kn'az'*, *gubernator*, *zemskii* „земский начальник“, *stanovii* „становой, исправник“, *ur'adnik*, *strazhnik*, *staršin* „старшина“, *pisar'* „волостной писарь“, *lesničii*, *objezčik* „лесной объездчик“, *lésnik* „лесник“, *par'* „поп“, *dijakon*, *dijak* „псаломщик“, *učitel'* „учитель“, *nastounic* „наставница“, т. е. „учительница“, *dohtur'* „врач, доктор“, *feršal* „фельдшер“, *bájar'* „боярин“, а затем „барин“ и т. п.; *t'urg'm* „тюрьма“, *sud*, *sudji*, — „судья“ и т. п., *romeshšik* „помещик“, *krest'janin*, *torguuc'* „торговец“, *kurc'* „купец“ и т. п.

Вполне естественно, что приведенные слова и термины в вепсском языке русского происхождения. До вхождения в состав русского государства вепсы, очевидно, жили родо-племенной организацией. Поэтому, вероятно, мы и не находим в вепсском языке древних слов — названий административных делений, а если и были какие-либо названия старейшин рода или племени, то следов от них не осталось, они исчезли. Сохранился единственный старый культовый термин — слово *noïd* — „колдун“ (ср. финск. *noita*, эст. *nõid*).

Нужно сказать, что рассмотренные выше слова вошли в вепсский язык в разное время и отражают историю в зависимости от появления того или иного факта исторической действительности. Проф. Д. В. Бубрих пишет: „Характерно, что первые христианские термины (имеются в виду *rista*, *rappi*, *pagasta* и др. — Н. Б.) во всех прибалтийско-финских языках восточно-славянского происхождения“.¹ Это обстоятельство указывает на то, что христианские термины проникли в прибалтийско-финскую среду в период, когда прибалтийско-финские племена не потеряли еще между собой связи, не были еще отделены друг от друга границами, т. е. эти термины проникли в конце I и начале II тысячелетия н. э., так как христианские термины у восточных славян появились несколько раньше.

Что касается таких терминов, как *kn'áz*, *car'*, *bajar'* и т. п., то в вепсскую среду они проникли в эпоху феодализма, а термины *učitel'*, *nastounic*, *dohtur'*, *feršal* и т. п. появились в вепсском языке в конце XIX и начале XX века, незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции.

В настоящее время многие слова из этого перечня стали архаичными: *gubernii*, *ujezd*, *volost'*, *car'*, *kn'áz*, *gubernator*, *zemskii*, *stanovii*, *urádnik*, *stražnik*, *staršin*, *pisar'*, *bajar'*, *помещик*, *torguuc'*, *kupc'* и т. п.

Эти слова сохранились в памяти старого поколения, в литературных произведениях и исторических памятниках. Архаизмами становятся также слова *par'*, *djak*. В настоящее время, вместе с социалистическим советским строем, социалистической культурой, в вепсском языке появились новые слова, без изменения в своем лексическом значении, как-то: *sovet*, *ispolkom*, *sel'sovet*, *izba-čital'n'*, *klub*, *sovhoz*, *kolhos*, *predsedatel'*, *sekretar'*, *deputat*, *delegat*, *inžener*, *milicioner*, *izbac* и проч.

Итак, лексика находится в состоянии непрерывного развития и изменения, поэтому она непосредственно отражает историю народа.

Правда, не все слова в одинаковой мере позволяют датировать факты истории. Лексика как источник истории народа особенно ценна для выявления фактов политической, хозяйственной и культурной жизни народов того периода, который не освещается в письменных памятниках.

Но чтобы использовать лексику для освещения истории того или другого народа, нужно в различных случаях подходить дифференцированно. В некоторых случаях помогает сравнительно-исторический метод, указывающий на былое родство отдельных языков. В других случаях необходимо обратить внимание на заимствования, которые иногда точно указывают, в какой период они вошли в язык.

Труды И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ и „Экономические проблемы социализма в СССР“ открыли для науки широкие просторы творческой работы, явились дальнейшим развитием творческого марксизма во всех областях науки, поэтому они должны стать для каждого научного сотрудника руководством в исследовательской работе. Благодаря этим трудам стало возможным правильно подходить к разрешению того или иного научного вопроса, освободиться от марровской шелухи в языковедческой науке.

¹ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Госиздат КФССР, Петрозаводск, 1948.

А. А. Беляков

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОБСТВЕННО-КАРЕЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА (КАЛИНИНСКОЕ НАРЕЧИЕ)

В предыдущей нашей статье¹ мы дали описание фонетической системы собственно-карельского диалекта (калининское наречие), т. е. системы фонем, существующей в данное время, с некоторыми историческими пояснениями, которые взяты нами из работы Д. В. Бубриха „Историческая фонетика финского-суоми языка“ или основываются на личных его указаниях.

В данной статье мы даем описание морфологической системы собственно-карельского диалекта (калининское наречие).

Грамматический строй калининского наречия собственно-карельского диалекта до сих пор никем не был описан, если не принимать во внимание грамматики для 1 и 2 классов начальной школы А. А. Милорадовой (на карельском языке) и грамматики для 3—4 классов начальной школы А. А. Белякова и Д. В. Бубриха (на карельском языке).

Описание грамматического строя калининского наречия собственно-карельского диалекта, данное в „Фонетике говора с. Толмачи“ и в настоящей статье, произведено нами на основании имеющихся текстовых и лексических материалов и знакомства с данным наречием.

Существенных различий в грамматическом строе между калининским, среднекарельским и севернокарельским наречиями собственно-карельского диалекта не наблюдается, поэтому наше описание в большей степени отображает целиком собственно-карельский диалект. Этой работой мы хотели бы частично восполнить тот пробел, какой существовал до настоящего времени в отношении описания карельского языка в целом.

Этот пробел особенно сильно стал чувствоваться после замечательных, основополагающих работ по языкознанию И. В. Сталина, которые помогли восстановить в правах сравнительно-исторический метод исследований. Товарищ Сталин говорил: „Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории „праязыка“. А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы

¹ А. А. Беляков. Фонетика карельского диалекта с. Толмачи. Советское финноугроведение, V, 1949.

принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Я уже не говорю, что теория „праязыка“ не имеет к этому делу никакого отношения”.¹

Между тем, до открытой дискуссии в газете „Правда“, особенно до замечательных по своей глубине и научности статей И. В. Сталина по языкознанию, о каком-либо родстве групп языков, например, о родстве финно-угорских языков, нельзя было говорить. Всякий, кто вел исследование в сравнительно-историческом плане, подвергался жестокому шельмованию со стороны марристов-аракчеевцев; всякий, кто не придерживался антинаучных догматов Н. Я. Марра, подвергался травле и объявлялся идеалистом и праязыковедом.

Этими качествами марровца-начетчика особенно отличался в области финно-угорского языкознания доцент В. И. Алатырев, бывший заведующий сектором языка Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии наук СССР. Игнорируя фонетику и вообще грамматику, В. И. Алатырев объяснял развитие языка по общему, так называемому марровскому закону единого глоттогонического процесса, по которому все языки мира развиваются якобы по одним и тем же законам и проходят одни и те же стадии; вслед за Марром он возводил начало человеческой речи всюду и всех языков к пресловутым четырем элементам, считал, что все древние слова для всех языков мира являются общими, ссылаясь на сходство звучания прибалтийско-финского слова таа „земля“ с китайским ти и т. д. и т. п., скатываясь к явному космополитизму. В. И. Алатырев категорически отрицал существование языковых систем или семей, сводя родство между несколькими языками одной группы и даже родство диалектов одного языка к тому же единому глоттогоническому процессу.

Только гениальные работы товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания положили конец вреднейшим марристским положениям в советском языкознании, в том числе и в финно-угроведении, открыли путь для подлинных творческих сравнительных исследований групп языков, родственных между собою, для выявления их общего основного словарного фонда и грамматической структуры, для изучения истории развития языков и истории их носителей — народов.

Карельский язык является бесписьменным, почти не имеет письменных памятников. Поэтому мы не можем познать истории развития карельского языка без сравнений его с другими родственными языками. Вместе с тем и другие языки, родственные карельскому, в том числе и финский, не могут быть в полной мере исследованы в своем развитии, если не будут учитываться особенности карельского языка. Сложение и развитие литературного финского языка не может быть правильно объяснено без знания карельского языка, ибо в финском литературном языке весьма много карельских элементов, особенно внесенных карельским эпосом „Калевала“ и теми двумя группами карел — Привыборгской и Присайминской, которые были отторгнуты от Корелы и остались по ту сторону границы после заключения в 1323 году Ореховецкого мира со Швецией.

Мы надеемся, что описание грамматической структуры калининского наречия собственно-карельского диалекта, данное нами, окажет

¹ И. В. Сталин. Относительно марксизма в языкознании. Госполитиздат, 1950, стр. 31.

существенную помощь при сравнительном изучении прибалтийско-финских, а также и всех финно-угорских языков.

Исследования карельских диалектов имеют практическое значение для школьной практики.

При преподавании русского языка в национальной школе для лучшего его усвоения учащимися учителю необходимо знать язык, на котором говорят учащиеся. Это позволит ему обратить особое внимание в частности на те разделы русского языка, которые не имеют параллелей в родном языке учащихся и поэтому труднее всего ими усваиваются.

Например, в карельском и финском языках не различается грамматический род, поэтому при объяснении учащимся карелам или финнам категории рода в русском языке на этот момент должно быть обращено особое внимание. В карельском языке глагол различает лишь два простых времени, а в русском языке — три; употребление падежей и их состав разный в карельском и русском языках, и т. д.

О том, что учителям, обучающим детей в национальных школах русскому языку, необходимо знать и тот язык, на котором говорят обучаемые, ясно сказано в постановлении объединенной научной сессии Отделения литературы и языка Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР от 27—29 ноября 1950 г.

„Изучение русского языка в нерусских школах должно опираться на знание учащимися родного языка и сопровождаться необходимыми сопоставлениями грамматических явлений того и другого языка.

Особое внимание следует уделить изучению фактов, свойственных только русскому языку и отсутствующих в родном языке. Поэтому преподаватель русского языка в нерусской школе должен хорошо знать теоретические основы грамматики родного языка“.

Надеемся, что настоящее описание карельской грамматики окажет помощь преподавателям русского языка, а также преподавателям финского языка в школах с карельским составом учащихся.

СКЛОНЕНИЕ

1. СОСТАВ ФОРМ СКЛОНЕНИЯ

В собственно-карельском диалекте (калининское наречие) склонение содержит 13 падежей, образуемых отдельно по линиям двух чисел и приобретающих некоторые особые черты в случае притяжательной суффиксации.

Все эти падежи обладают полным составом признаков падежности. В частности, они образуются от основы существительного, и на их линии происходит согласование прилагательного с существительным.

Есть и некоторые остатки ранее существовавших падежных и падежеобразных форм. Таковы, например, остатки архаического комитатива (akkoŋ'e-h „со старухой-своею“ и т. д.), остатки инструктива (paŋ'i'ahiin piäŋ'öln' „с открытой головой“ и т. д.), остатки пролатива (mečäčči² „по лесу, лесом“ и т. д., pellokkaŋ'i „по полю“ и т. д.).

Числа не требуют особых замечаний. Важно указать только то, что падежи второй группы (эссив, партитив, транслатив и абессив)

¹ I после гласных читается как неслоговое i (русское *й*).

² Знаки *ч, ш, ж* передают звуки, подобные русским *ч, ш, ж*.

редко выступают во множественном числе и очень часто употребляются вне категории числа, в каком случае они формально относятся к единственному числу. Примеры: *Myð ol'ima l'elkkuaajana*, буквально — „Мы были жнецом“, *Ruadajat kerat't'ih kivie*, буквально — „Работники собирали камня“, *Myð l'ien'imä l'elkkuaajakši*, буквально — „Мы стали жнецом“, *Oraштујат епжimąенä piänä tuldiš školah kn'ilgatta*, буквально — „Ученики в первый день пришли в школу без книги“. О данном своеобразном явлении мы писали в отдельной статье.¹

Что касается притяжательных суффиксов, то они сохранились лишь в остатках. Суффикс „мой“ (*-n'i*) употребляется лишь в обращении и тем приобрел характер ласкательного суффикса. Пример: *laršuz'ep'i* — „дитяtko (мое)“. Суффиксы „твой“ (*-ш*) и „его“ (*-h*) употребляются только в связи с названиями родственников и вообще близких людей, реже в связи с названиями важнейших домашних животных. Примеры: *tuattoš* „отец-твой“, *tuattoh* „отец-его“, *hebozesh* „лошадь-твоя“, *hebozeh* „лошадь-его“.

Таблица склонения

Название падежей	Вопросы (главное значение)	П р и м е р ы	
		Единственное число	Множественное число
Номинатив	кто, что	<i>kolvu</i> „береза“	<i>kolvut</i>
Аккузатив	кого, что	<i>kolvun</i>	<i>kolvut</i>
Генитив	кого, чего	<i>kolvun</i>	<i>kolvuloln</i>
Эссив	(быть) кем, чем	<i>kolvuna</i>	<i>kolvulolna</i>
Партитив	(не иметь) кого, чего	<i>kolvuo</i>	<i>kolvulolda</i>
Транслатив	(стать) кем, чем	<i>kolvukši</i>	<i>kolvulolkši</i>
Инессив	в ком, в чем	<i>kolvušša</i>	<i>kolvulolšša</i>
Элатив	из кого, из чего	<i>kolvušta</i>	<i>kolvulolšta</i>
Иллатив	в кого, во что	<i>kolvuh</i>	<i>kolvulolh</i>
Адессив	у кого, у чего, чем	<i>kolvulla</i>	<i>kolvulollla</i>
(аллатив)			
Аблатив	от кого, от чего	<i>kolvulda</i>	<i>kolvulollda</i>
Абессив	без кого, без чего	<i>kolvutta</i>	<i>kolvulolтта</i>
Комитатив	с кем, с чем	<i>kolvunke</i>	<i>kolvulolnke</i>

П р и м е ч а н и е. Сохраняются следы первоначальных значений эссива, партитива и транслатива где, откуда и куда, например, *ed'ähänä* „вдали“, *ed'ähäd'ä* „издали“, *ed'ähäkši* „вдаль“.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ УКАЗАННЫХ ФОРМ

Из 13 падежей древними являются 12 — все, кроме комитатива. Последний образовался путем сращения сочетания генитив плюс послелог *ke* из *ken* и далее из *kena*, *kenä* (до сих пор комитатив может оформляться не только окончанием *n-ke*, но и окончанием

¹ См. „Советское финноугроведение“, 1, 1948.

n-ken или *n-kena*, *n-kenä*). *Kena*, *kenä* заменил *kerä*, *kerä* в силу ассимиляции по отношению к *n* в конце предшествующего слова. Данный послелог исторически связан с тем исчезнувшим существительным *kerä*, которое отложилось в образованном от него глаголе *kerätä* „собрать“.

Окончания старых 12 падежей в общем хорошо продолжают древние прибалтийско-финские окончания, конечно, с фонетическими изменениями в согласии с данными карельской фонетики. Отступление от древности — только одно: древний аллатив, сохраняющий свою самостоятельность больше, например, в финском языке, оказался „поглощенным“ адессивом на *-lla*, *-llä*. О возможных причинах этого поглощения писал L. Kettunen в статье „Miten on selitettävä itämeren suomaalaisten kielen a, ä ~ e vaihtelu“, журнал „Virittäjä“ 1924 г. Л. Кеттунен допускает для древнего прибалтийско-финского времени два варианта аллатива: *-llan*, *-llän* ~ *-llen* (с фонетическим переходом *a*, *ä* в *e* между двумя относящимися в один и тот же слог переднеязычными согласными) и *-llak*, *-lläk*, первый — с участием когда-то существовавшего *n*-ового латива, а второй с участием некогда существовавшего *k*-ового латива. Аллатив на *-llen* продолжается в финском языке; еще у Агрикола (XVI в.) он мог сохранять конечное *n*; позднее он установился как аллатив на *-lle*. Аллатив на *-llak*, *-lläk* продолжается в собственно-карельских говорах карельского языка: в силу фонетического отпадения конечного *k* он должен был оказаться аллативом на *-lla*, *-l'ä* и совпасть с адессивом.

Множественное число отчасти продолжает древнее прибалтийско-финское положение, а отчасти представляет новые явления. Старо *I* как признак множественного числа. Ново *-lol*, *-l'öl*. Такое *-lol*, *-l'öl* наблюдается повсюду, где население продолжает древнюю Корелу или составилось с ее участием — в собственно-карельских и ливвиковских (отчасти и людиковских) диалектах карельского языка, а также во многих восточных диалектах финского языка. Показатель множественности *-lol*, *-l'öl* является составным. Происхождение его следующее. Существуют названия рода, племени или местности на *-la*, *-l'ä* вроде хотя бы Kariela (Kar'jala) „Карела“, Veniäl'ä (Venäjäla) „Русь“. Такие названия получили употребление в качестве обозначений собирательных целых или множеств, но в последнем случае осложнились обычным показателем множественности *I*, причем *la-I* по издревне установившимся нормам заменилось через *lo-I* (ср. хотя бы *gannolla* вместо *gannalla* „на берегах“ при *gannalla* „на берегу“), а в параллели к этому *l'ä-I* заменилось через *l'ö-I*.

Данный случай весьма интересен в том отношении, что лишний раз иллюстрирует положение, выдвинутое проф. Д. В. Бубрихом о происхождении финно-угорских показателей множественности из показателей собирательности.¹

Притяжательные суффиксы представляют собою кусочек того „богатства“, которое существовало в древнее прибалтийско-финское время. Суффикс *-n'i* „мой“ соответствует финскому *-ni*. Суффикс *-ш* соответствует финскому *-si* или (диалектному, а также в старой литературе) *-s*, если он соответствует финскому *si*, и в других суффиксах (ср. 3 л. ед. ч. сослаг. накл. *annettais'* из *andettaisi* и т. п.). Суффикс

¹ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. „Советское финноугроведение“, VIII, Госиздат КФССР, 1948.

-h соответствует финскому (h)...N, сохранившемся в формах с составляющими слог падежными окончаниями, т. е. в формах вроде taskussa(h)an „в кармане-его“.

3. типы склонения

Говоря о типах склонения, мы предполагаем известными читателю те указания, которые даны в цитированной выше книге проф. Д. В. Бубриха. Не повторяем и того, что указано в фонетической части нашей работы. Комментарии ограничиваем указаниями на специфически-карельские или специфически-„калининские“ сдвиги аналогического порядка.

В образцах приводим для краткости только следующие формы: номинатив, генитив, партитив и иллатив обоих чисел, без притяжательных суффиксов.

А. Односложные основы

	Ед. ч.	Мн. ч.
1) Mua	„земля“	muat
muun		mualoin
muada		mualolda
muah		mualolh

Б. Двусложные основы

2) pada	„горшок“	puat (padat)
puun		pavolh
padua		padolda
padah		padolh

Генитив мн. ч. образован в параллель прочим формам множественного числа. В случаях фонетического развития было бы padojen (padolden). Данное замечание, с соответствующими изменениями, может быть отнесено ко всем вообще формам генитива мн. ч.

В партитиве мн. ч. ожидалось бы не padolda, а padoja. Padolda установилось под влиянием партитива мн. ч. при трехсложных основах на а (т. е. форм вроде hamarolda „обухов“ (hamarolta).

За словами с двусложной основой на а, при неогубленном гласном первого слога, следуют слова с двусложной основой на ä при неогубленном гласном первого слога: как pada, padolda и т. д., так и härgä „бык“, härgöldä „быков“ и т. д. вместо ожидаемого härgä, härgie и т. д.

3) muda	„ня“	muvat
muuan		muvin
mudua		mudie
mudah		mudih

В. Двусложные основы на е

4a) lumi	„снег“	lumet	4б) kivi	„камень“	kivet
lumen		lumiloIn	kiven		kivil'öIn
lunda		lumilolda	klvie		kivil'öld'ä
lumeh		lumilolh	kiveh		kivil'ölh

По типу 4 склоняются существительные, кроме существительных на *j*, *i*, *e* и *larši* „дита“.

5) шуUr'i ¹ „большой“	шуUrēt
шуUren	шуUr'in
шуUrda	шуUr'ie
шуUreh	шуUr'ih

По типу 5 склоняются прилагательные и *larši*.

Особенность *uks'i* (*yhte-*) „один“ и *kakši* (*kahte-*) „два“: партитив ед. ч. *yht'ä* и *kahta*. Особенность *kolme* (*kolme-*) „три“ — номинатив с сохранением *e*.

6) <i>naln'e</i> „женщина“	<i>nalzet</i>
<i>nalzen</i>	<i>nalz'in</i>
<i>nalsta</i>	<i>nalz'ie</i>
<i>nalzeh</i>	<i>nalz'ih</i>

Так склоняются имена на *i* (*j*), *e*.

Г. Двусложные основы на *i*, *o* (*õ*), *u* (*y*)

7) <i>kolvu</i> „береза“	<i>kolvut</i>
<i>kolvun</i>	<i>kolvuloIn</i>
<i>kolvuo</i>	<i>kolvuloida</i>
<i>kolvuh</i>	<i>kolvuloIh</i>

Д. Двусложные основы на сложный гласный

8) <i>tanhuo</i> „скотный двор“	<i>tanhuot</i>	9) <i>harmua</i> „серый“	<i>harmuat</i>
<i>tanhuon</i>	<i>tanhuoloIn</i>	<i>harmuan</i>	<i>harmaln</i>
<i>tanhuoda</i>	<i>tanhuoloida</i>	<i>harmuada</i>	<i>harmalda</i>
<i>tanhuoh</i>	<i>tanhuoloIh</i>	<i>harmuah</i>	<i>harmalh</i>

Так же склоняется *korgie* „высокий“, с *eI* в косвенных формах мн. ч., *az'ie* „дело“ с *eI* в косвенных формах мн. ч. и т. п.

10) <i>kāšše</i> „роса“	<i>kāštiet</i>	11) <i>keviä</i> „весна“	<i>keviät</i>
<i>kāštien</i>	<i>kāšteln</i>	<i>keviän</i>	<i>keväIn</i>
<i>kāššetta</i> (<i>kāštieda</i>)	<i>kāštelda</i>	<i>keviäd'ä</i>	<i>keväld'ä</i>
<i>kāštieh</i>	<i>kāštelh</i>	<i>keviäh</i>	<i>keväIh</i>
12) <i>l'yhyt</i> „короткий“	<i>l'yhyöt</i>	13) <i>шuаннуn</i> „доставший“	<i>шuаннуot</i>
<i>l'yhyön</i>	<i>l'yhyz'in</i>	<i>шuаннуon</i>	<i>шuаннуz'in</i>
<i>l'yhyt't'ä</i>	<i>l'yhyz'ie</i>	<i>шuаннутta</i>	<i>шuаннуz'ie</i>
<i>l'yhyöñ</i>	<i>l'yhyz'ih</i>	<i>шuаннуoñ</i>	<i>шuаннуz'ih</i>

Е. Трехсложные основы на *a*, *ja*

14) <i>hamara</i> „бух“	<i>hamarat</i>	15) <i>шaноja</i> „говорящий“	<i>шaноjat</i>
<i>hamaran</i>	<i>hamaroIn</i>	<i>шaноjan</i>	<i>шaноjIn</i>
<i>hamarua</i>	<i>hamarolda</i>	<i>шaноjua</i>	<i>шaноjie</i>
<i>hamarah</i>	<i>hamaroIh</i>	<i>шaноjah</i>	<i>шaноjIh</i>

¹ Прописное *U* (в середине слова после гласной) произносится как неслоговое *u*.

Ж. Трехсложные основы на *e*

16) veresh „свежий“	verekwet	17) palmen „пастух“	palmenet
verekshen	verekshin	palmenen	palmen'in
veresh'tä	verekshie	palmena	palmen'ie
verekshesh	verekshih	palmeneh	palmen'ih
18) kolmash „третий“	kolmannet	19) kirvesh „топор“	kirvehet
kolmannen	kolmanjin	kirvehen	kirvehin
kolmatta	kolmanjhe	kirvehtä	kirvehie
kolmandeh	kolmanjih	kirveheh(-же)	kirvehih(-же)

Если в предпоследнем слове основы находится не *e*, а другой гласный, то в последнем слове основы вместо *e* появляется, по ассимиляции, соответствующий другой гласный, например: varvash „палец ноги“ — varvahan и т. д. Особо стоят слова, где в предпоследнем слове основы гласный *i*: в этих словах *i* заменяется на *e*, например: valmis' „готовый“ — valmehen и т. д.

20) ven'eh „лодка“	ven'ehet
ven'ehen	ven'ehin
ven'eh'tä	ven'ehie
ven'ehesh(-же)	ven'ehih(-же)

Если в предпоследнем слове основы не *e*, а другой гласный, то в последнем слове основы вместо *e* появляется, по ассимиляции, соответствующий другой гласный, например: talloh „помочи“ — talgohon и т. д. Слово со значением „мерин“ когда-то звучало как or'ih, or'ehen и т. д. (мягкое *r'* возникло в формах or'ih, or'ih'ta, а затем аналогически распространилось). Последнее было обобщено, и получилось or'eh, or'ehen и т. д. Ср. финское ori, orin и т. д. и orih, orihin и т. д.

21) kahekwan „восемь“	kahekwat
kahekwan	kahekshin
kahekshua	kahekshie
kahekshah	kahekshih

Так склоняется еще uhekshän „девять“ и kymmenen „десять“.

22a) kuldanz'e „золотой“	kuldazet	22b) harmuan'e „серенький“	harmuazet
kuldazen	kuldaz'in	harmuazen	harmalz'in
kullas't'a	kuldaz'ie	harmuas't'a	harmalz'ie
kuldazeh	kuldaz'ih	harmuazeh	harmalz'ih

Особенность этого (22б) типа склонения та, что в косвенных формах мн. ч. перед *z* оказывается странное на первый взгляд *l* (мы ждали бы harmuaz'in, harmuaz'ie, harmuaz'ih). Объяснение — в воздействии соответствующих форм слов без *z*-ового суффикса, т. е. harmain, harmalda, harmaih.

Трехсложные основы на *i*, *o* (*õ*), *u* (*y*)

23) karbalo „клюква“	karbalot
karbalon	karbalololn
karbaluo	karbalololda
karbaloh	karbaloloh

В случае четырех- и более сложной основы склонение то же, что и в случае трехсложной основы.

СПРЯЖЕНИЕ

1. СОСТАВ ЛИЧНЫХ ФОРМ СПРЯЖЕНИЯ

В собственно-карельском диалекте (калининское наречие) обычный для собственно-карельских диалектов состав личных форм спряжения.

Формы с суффиксом *-ne*, *-ine* играют роль форм условного наклонения (не возможностного, как, например, в финском языке). На русский язык их приходится переводить с прибавлением союза „если“; например, *hiän šuannoU t'äman kn'ilgan, andaU mell'a lugie* „если он достанет эту книгу, даст нам почитать“.

Приведем пример спряжения в личных формах (глагол *шапоу* „сказать“).

Настояще-будущее время изъявительного наклонения

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. шапоп	шапо <u>mma</u>
2 л. шапот	шапо <u>tta</u>
3 л. шапоU	шапо <u>tah</u>

Прошедшее время изъявительного наклонения

1 л. шапоln	шапо <u>ma</u>
2 л. шапоlt	шапо <u>ja</u>
3 л. шапо	шапо <u>tih</u>

Условное наклонение

1 л. шапоnnen	шапо <u>nnemma</u>
2 л. шапоnnet	шапо <u>nnetta</u>
3 л. шапонноU	шапо <u>nnetah</u>

Сослагательное наклонение

1 л. шапоz'iln	шапоz' <u>lma</u>
2 л. шапоz'ilt	шапоz' <u>lja</u>
3 л. шапоls'	шапоz' <u>tals'</u>

Повелительное наклонение

1 л. —	шапо <u>kkö</u>
2 л. шапо	шапо <u>kkua</u>
3 л. шапоkkaH	шапо <u>kkah</u>

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ УКАЗАННЫХ ЛИЧНЫХ ФОРМ

Указанные формы продолжают в общем древнее прибалтийско-финское положение.

Сдвиги в составе форм только следующие:

1) Древние прибалтийско-финские пассивные формы (3 л.) получили значение активных форм 3 л. мн. ч.: *andettahen leipäda* „дано хлеба“, *annettih l'eibiä* „дали хлеба“, „они дали хлеба“ и т. д. Одновременно исчезли старые формы 3 л. мн. ч. Данный сдвиг сопровождался синтаксическим сдвигом: *annetti kirves* „дан топор“ > сначала *annettih kirvesh* „дали топор“, „они дали топор“ (с номинативом в позиции прямого дополнения), а потом *annettih kirvehen* „они дали топор“ (уже с аккузативом в позиции прямого дополнения). Такое положение вещей вообще характерно для говоров Калининской области (правда, не без исключений). Диалекты Карело-Финской ССР такого положения еще не усвоили: здесь еще говорят *annettih kirves* и т. д.

2) Древняя прибалтийско-финская форма 3 л. ед. ч. повел. накл. стала функционировать как форма 3 л. повел. накл. без различения чисел (*saopokkah* и т. п.).

3) Древние прибалтийско-финские смягчительно-повелительные формы (с суффиксом *-ko(i)*) в калининском наречии собственно-карельского диалекта исчезли.

4) Вышли из употребления также особые древние прибалтийско-финские формы сослаг. накл. с суффиксом *-koe*. Эти формы сохраняются только в эстонском языке. Но зато там отсутствует преемственность древних прибалтийско-финских форм сослаг. накл. с суффиксом *-ise*. Как известно, обе системы форм сослаг. накл. существуют (с дифференциацией функций) только за пределами прибалтийско-финской речи, в саамских языках.

К указанным сдвигам в составе прибавились некоторые сдвиги в структуре форм.

1) Формы глаголов типа *avua* „открою“ оказали весьма существенное воздействие на другие глаголы. Во всех формах, где окончания начинались на *t*, *k* и *n*, в случае сохранения конечного гласного неодносложной основы утвердились характерные для таких глаголов двойные *tt*, *kk* и *nn*. *Nn* дальше распространяется и на формы с односложной основой. При всем этом старая картина употребления ступеней согласных осталась совершенно неизменной. Так, под влиянием *avattih* „открыли“, *avakkua*, *avannen* оказалось *annettih* „дали“, *andakkua*, с аналогическим *kk*, *andannen* с аналогическим *nn* и т. п.

2) В пассивных формах, приобретающих значение форм 3 л. мн. ч., произошла в некоторых случаях своеобразная контаминация различных видов окончаний. В древнее прибалтийско-финское время краткое *t*, как признак пассивной формы, употреблялось, во-первых, в случае односложности основы, во-вторых, в случае, если конечный гласный основы (сколько бы слогов в ней ни было) выпадал и, в-третьих, факультативно, в случае, если основа оканчивалась на невыпадающее *e*, т. е. в случае вроде *saataksen*, аналогично *saatahan* „получается“, *tultaksen*, *tultahan* „приходится“, *käsketäksen*, аналогично *käsketähän* „приказывается“, прош. вр. *saa-tihen*, *tul-tihen*, *käskettihen*. Отсюда получились *шуа-hah*, *tul-lah*, *käshkieh* (последнее ныне в калининском наречии вышло из употребления, но сохранилось в других диалектах), в прош. вр. *шуа-dih*, *tuldih*, *käshkelh*.

В других случаях, как признак пассивных форм, употреблялось долгое *tt*. Это случай вроде *ande-tt-aksen*, аналогично *andattahan* „дается“. В прош. вр. *andet-tihen*, а также — факультативно — *kasket-taksen*, аналогично *kasket-tihen*. Отсюда получилось *annetah*, в прош. вр. *annettih*, а также *kāššetāh* (ныне исчезнувшее), в прош. вр. *kāššet-tih* (ныне исчезнувшее). Контаминация *kāškieh* и *kāššetāh* дала *kāš-kietāh*, которое вытеснило и первое, и второе. Дальше вступила в действие пропорция *annetah: annettih = kāškieťāh: x*, где *x* — *kāš-kietťih*; при этом *kāškieťťih* сохранилось старое *kāškelh*, но *kāššetťih* исчезло.

3) В формах прош. вр. изъяв. накл. частично сказалось воздействие соответствующих форм наст. вр. изъяв. накл. Это явление имело место в 1 и 2 л. мн. ч. при условии, если налицо сохранялось *i* как характеристика прош. вр. Так, вместо *šalma* „мы достали“, *šalja* „вы достали“ под влиянием *šaimma* „мы достанем“, *šuatla* „вы достанете“ оказалось *šalmma*, *šaltta*. Сходно объясняется *avalmma* „мы открыли“, *avaltta* „вы открыли“ и т. п.

4) Особо следует указать, что в сосл. накл., где путем, который разъяснен в фонетической части нашей работы, установилось *-z'ıl̄n*, *-z'ilt* (*andaz'ıl̄n* „я дал бы“, *andaz'ilt* „ты дал бы“), в части случаев все-таки сохранилось *-z'in*, *-z'it*. Это было при условии, если перед *-z'in*, *-z'it* оставалось *I*, т. е. в случаях вроде *šalz'in* „я достал бы“, *šalz'it* „ты достал бы“ или *avalz'in* „я открыл бы“, *avalz'it* „ты открыл бы“. По всей вероятности, тут сказалась диссимиляторная тенденция (*-z'in*, *-z'it* не получило *I*, если предшествовало *I*).

3. СОСТАВ НЕЛИЧНЫХ (ИНФИНИТНЫХ) ФОРМ ГЛАГОЛА

В калининском наречии собственно-карельского диалекта состав неличных форм глагола несколько обеднился по сравнению с тем, что было в древнее прибалтийско-финское время. Сохранился инфинитив, два *t*-овых герундия, *tu*-овый герундий, четыре *m*-овых герундия, семь разных причастий.

Инфинитив продолжает традиции древних инфинитивов на *tak*.

t-овые герундии продолжают традиции древнего *tu*-ового герундия. Так, *tulduoh* „придя“ продолжает древнее *tul-tuta-han*, где *han* является собственно притяжательным суффиксом.

m-овые герундии продолжают традиции древних герундиев на *ташша*, *ташта*, *mahan*, *mattah*.

Причастия следующие:

1) Активное причастие незаконченного действия на *ja*.

2) Активное причастие на *nun*, продолжает традиции древнего причастия на *nūt* (см. ниже).

3) Пассивное причастие незаконченного действия на *tava* или *ttava*.

4) Пассивное причастие законченного действия на *tu* и *ttu*.

5) Пассивное причастие незаконченного действия на *min'e*. Употребляется при условии, если указывается (в форме генитива) действитель, например, *vel'len šapomin'e šana* „братом говоримое слово“.

6) Пассивное причастие законченного действия на *ma*. Употребляется при условии, если указывается (в форме генитива) действитель, например, *tuaton šapoma šana* „отцом сказанное слово“.

7) Абессивное причастие на *matoln* (*mattoma*).

В качестве примера приводим неличные формы глагола „сказать“.

Инфинитив	шапуо	„сказать“	Причастия	шапоја
Герундии	шапуос's'a			шапоппун
	шапуон			шаноттава
	шаноһуоһ			шанотту
	шаномашша			шаномин'е
	шаномашта			шанома
	шаномаһ			шаноматоһ
	шаноматта			

4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ УКАЗАННЫХ НЕЛИЧНЫХ (ИНФИНИТНЫХ) ФОРМ

Из древних прибалтийско-финских форм в калининском наречии собственно-карельского диалекта исчезло: один *т*-овый герундий (на *-malla*) и некоторые второстепенного значения герундии (например, на *-malsilla*), а также *р*-овые (*б*-овые) причастия. Последнее оставило след в образованиях, ныне функционирующих уже не как причастия, а как прилагательные, например, поУжова „будущий“ (первоначально „поднимающийся“), *tulova* „будущий“ первоначально „приходящий“).

Укажем некоторые сдвиги в структуре форм.

1) *Т*и-овый герундий приобрел глубокое формальное отличие от *т*и-ового пассивного причастия законченного действия. Если основа была не односложна и заканчивавший ее гласный не выпадал, то в герундии обобщился *т*-овый суффикс в соответствующем фонетическом развитии. Таким образом, перед нами, например, шапо-*tu-ta-han*, шапо-*huoh* „сказав“ при шапо-*ttu* „сказанный“.

2) У активных причастий законченного действия произошло следующее. В параллель к преобразованию *п*-овых личных форм в *пп*-овые (см. выше) произошло этого же рода преобразование и данного причастия. При этом во всех случаях, кроме случая, когда основа глагола была односложна, в ном. ед. ч. оказалось недопустимо сокращение *ппут* в *п*: *avannut* — *avan*, *andannut* — *andan* и т. п.

Сокращение это было факультативным. Позднее полные формы на *ппут* подвергались влиянию сокращенных форм на *п*, именно преобразовались в формы на *ппун*: *avannun* при *avan*, *andannun* при *andan* и т. п.; естественно, что рядом и *шаппун* и т. п.

3) Из пассивных причастий законченного действия возникло одно явление, обязанное воздействию активных причастий законченного действия. В косвенных формах вместо основ на *т*и или *ttu* появились основы на *туо* или *ttuo* (ср. основы на *ппио*).

4) В параллель к личным формам вроде *kāshket'āh* „приказывают“ и *kāshket't'ih* „приказывали“ возникли и пассивные причастия вроде *kāshket't'avā* „приказываемый“, *kāshket't'u* „приказанный“.

5. ТИПЫ СПРЯЖЕНИЯ

Говоря о типах спряжения, мы, как и при обсуждении типов склонения, предполагаем известными указания, которые даны в работе проф. Д. В. Бубриха „Историческая фонетика финского-суоми языка“, и не повторяем того, что указано в нашей статье „Фонетическая система карельского диалекта с. Толмачи“.

В образцах приводим, для краткости, только следующие формы: инфинитив, герундий на *иша* и т. п. и части форм всех наклонений.

А. Односложные основы

1) шуаха „достать“	шуахешша
шуап	шуамма
шуаU	шуаһаһ
	шалз'иһ
	шальс'
шалһ	шальма
шал	шудий
	шуннен
	шунноU
шуа	шуагуа

Б. Двусложные основы на а, ä

2) кандуа „нести“	кандуас'с'а
канһаһ	кандаз'иһ
кандуU	кандальс'
канһоһ	кандома
кандо	кандетий
	канданнен
	канданноU
канһа	кандаккуа

От andua „дать“ вместо аһа образуется аһа. Несомненно, что сокращение *һһ* обязано особым (часто возникающим) интонационным особенностям употребления этой повелительной формы.

3) муUttua „переменить“	муUttuas'с'а
муUтан	муUттаһа
муUттаU	муUтетий
муUтиһ	муUттиа
муUтти	муUтетий
	муUттаннен
	муUттанноU
муUта	муUттаккуа

В. Двусложные основы на е

4а) тулла „принять“	туллеһша
тулен	тулемма
тулоU	туллаһ
	тульиз'иһ
	тульиһс'
тульиһ	тульиһа
тульи	тульдий
	туллеһ
	туллоU
туле	тулгуа

Вспомогательный глагол olla „быть“ имеет следующие особенности: в 3 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. имеет форму оп „есть“; в условном наклонении он заменяется соответствующими формами глагола l'iet'ä (см. ниже).

4б) кәшкье „велеть“	кәшкьес'с'ә
кәшкьен	кәшкьеммә
кәшкьөY	кәшкьет'әһ
	кәшкьиз'иһ
	кәшкьиһс'

kāuuiŋn kāuki	kāuŋimä kāuŋiet't'ih	kāuŋennen kāuŋennōY
kāuŋŋe	kāuŋekkiä	
5) l'iet'ä „стать“ l'ienēn l'ienōY	l'ienemmä l'iet'äh	l'iet'euiŋä l'ien'iz'iln l'ien'is'
l'ien'iln l'ien'i	l'ien'imä l'iet't'ih	l'iennen l'iennōY
l'iene	l'iekkiä	
6) ŋuata „любить“ ŋuachen ŋuachōU	ŋuachemma ŋuatah	ŋuataŋŋa ŋuachiz'iln ŋuachis'
ŋuachiln ŋuachci	ŋuachčima ŋuattih	ŋuannēn (ŋuachčennēn) ŋuannoU (ŋuachčennōU)
ŋuache	ŋuakkua	
7) voiŋa „мочь“ volčēn volčchōU	volčemma voljah	volčēŋŋa volčchiz'iln volčchis'
volčchija volčci	volčchima voldih	volnnēn volnnōU
volče	volgua	

Г. Двусложные основы на *i*, *o* (*ō*), *u* (*y*)

8) ŋanuō „сказать“ ŋanōn ŋanōU	ŋanōmma ŋanotah	ŋanuōs's'a ŋanuōz'iln ŋanuōls'
ŋanōln ŋanō	ŋanōma ŋanottih	ŋanōnnēn ŋanōnnōU
ŋanō	ŋanokkua	

Д. Двусложные основы на сложный гласный

9) ruveta „начать“ rubien rubieU	rubiemma ruvetah	ruvetēŋŋa rubelz'iln rubels'
rubeln rubel	rubelmma ruvettih	ruvennēn ruvennōU
rubie	ruvekkua	

В прош. вр. изъяв. накл. формы типа *rubeln* появились вместо форм вроде *rubez'iln* (ср. финское *rupesin*) в силу действия пропорций следующего типа:

шупа: шапн=rubien: *x*. *x*=rubeln

Е. Трехсложные основы на *a*, *ä*

10) *kir'juttua* „писать“

kir'juttuas's'a

kir'jutan
kir'juttaU

kir'jutamma
kir'jutetah

kir'juttaz'iln
kir'juttals'

kir'jutiIn
kir'jutti

kir'juttima
kir'jutettih

kir'juttannen
kir'juttannoU

kir'juta

kir'juttakkua

Так же образуются формы глаголов с основой на *aja-*, *äjä-* вроде *vabaja-* „дрожать“. Эти глаголы совершенно однозначны с соответствующими глаголами с основой на *ize-* вроде *vabize-* „дрожать“.

Особенность глаголов на *aja-*, *äjä-*, *ma-* заключается в том, что они имеют не все формы, а только те, где окончания не начинаются ни на *t*, ни на *k*, ни на *n*. Недостающие формы заменяются формами соответствующих глаголов с основой на *-ize-*. Таким образом получается, например:

10a) *vabaja* „дрожать“
vabajan
vabajaU

vabissa
vabajamma
(*vabissah*)

vabissewsha
vabajaz'iln
vabajals'

vabajiIn
vabaji

vabajima
(*vabistih*)

(*vabissen*)
(*vabissoU*)

vabaja

(*vabiskua*)

Ж. Трехсложные основы на *e*

11) *шанелла* „рассказывать“

шанелен
шанелоU

шанелеmma
шанеллах

шанеллеwsha
шанел'iz'iln
шанел'ils'

шанел'iln
шанел'i

шанел'ima
шанелдih

шанеллен
шанеллоU

шанеле

шанелgua

11a) *vabissa* „дрожать“

vabizen
vabizoU

vabizemma
vabissah

vabissewsha
vabiz'iz'iln
vabiz'ils'

vabiz'iln
vabiz'i

vabiz'ima
vabistih

vabissen
vabissoU

vabize

vabiskua

116) ottuachie „взяться“

ottuachen
ottuachoUottuachemma
ottuachetah

ottuachies's'a

ottuachiz'iln
ottuachils'ottuachiln
ottuachiottuachima
ottuachettihottuachennen
ottuachennoU

ottuache

ottuachekkua

По данному типу спрягаются возвратные глаголы.

12) wogeta „слепнуть“

wogenen
wogenoUwogenemma
wogetah

wogeteshwa

wogen'iz'iln
wogen'iils'wogen'iln
wogen'iwogen'ima
wogettihwogennen
wogennoU

wogene

wogekkua

13) ker'itā „стричь“

ker'ichen
ker'ichōUker'ichemma
ker'it'āh

ker'it'essā

ker'ichiz'iln
ker'ichils'ker'ichiln
ker'ichīker'ichima
ker'itt'ihker'innen
ker'innōY

ker'iche

ker'ikkia

В случае четырехсложной основы и основ с большим числом слогов спряжение вообще то же, что в случае трехсложной основы. Выделяется только один особый тип четырехсложной основы.

14) haravolja „сгребать (граблями)“

haravolchen
haravolchoUharavolchemma
haravoljah

haravoljeshwa

haravolchiz'iln
haravolchils'haravolchiln
haravolchīharavolchima
haravoldihharavolnnen
haravolnnoU

haravolche

haravolgua

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1. ОТЫМЕННЫЕ ИМЕНА

Существительные, образуемые от существительных

Есть два случая образования существительных от существительных. В одном случае суффикс вносит изменение лексического содержания, в другом случае суффикс изменения лексического содержания не вносит, но придает новый, оценочный смысл, например, уменьшительно-ласкательный.

Суффиксов, вносящих изменения лексического содержания, немного.

+ 1) Имена с суффиксом *-ikko* (*-ikkō*) обозначают весьма различные вещи. С одной стороны, есть случаи вроде *päls't'är'ikkō* „трясогузка“ от *päls'är* „кострика“. С другой стороны, есть случаи вроде *korvikko* „ушанка“ от *korva* „ухо“. Особенно большую роль играют слова, обозначающие место, заросшее чем-либо, покрытое чем-либо, избыточное чем-либо.

Примеры: *raljikko* „ивняк, место, заросшее кустами ивняка“ от *ralda* „ива“, *ped'ajikkō* „сосняк“ от *ped'aja* „сосна“, *kivikkō* „каменистое место“ от *kivi* „камень“, *chillahikko* „крапивник, место, заросшее крапивой“ от *chillahan'e* „крапива“, *mät't'ahikkō* „кочкарник“ от *mät'äsh* „кочка“, *p'ärelkkō* „ельник“ от *p'äre* „ель“, *pimelkkō* „тень, затененное место“, от *pimie* „темнота“, *t'ihelkkō* „чащоба, поросль“ от *t'ihie* „мошара“.

Из случаев последнего рода извлекается *-elkko* (*-elkkō*). Примеры: *vičelkkō* (при *vičikkō*) „кустарник“ от *vičča* „прут“, *tuhjelkkō* (при *tuhjikko*) „кустарник“ от *tuhjo* „куст“. Интересно *šiuondekkō* „болотистое место“ от *šiu* „болото“ (утрачены какие-то словообразовательные звенья).

+ 2) Имена с суффиксом *-n'iekka* (который трактуется скорее как второй компонент сложного слова) обозначают человека, занимающегося чем-либо или вообще имеющего отношение к чему-либо. Примеры: *pađan'iekka* „горшечник“ от *pađa* „горшок“, *kalan'iekka* „рыбак, торговец рыбой“ от *kala* „рыба“, *marjan'iekka* „собирающий ягоды“ от *marja* „ягода“, *griban'iekka* „собирающий грибы“ от *griba* „гриб (для сушки)“, *hevozn'iekka* „едуший на лошади, ищущий лошадей“ от *hebon'e* (*heboze-*) „лошадь“, *puUstan'iekka* „работающий на пустоши, сеноуборщик на пустоши“ от *puUsta* „пустошь“, *riān'iekka* „убийца“ от *riā* „голова“, *viħaz'n'iekka* „противник, неприятель“ от *viħa* „злоба, ненависть“, *vaštan'iekka* „встречный“ от *vašta-* „встреча“, *rajan'iekka* „кузнец“ от *raja* „кузница“ и т. д. Редко слова на *-n'iekka* обозначают не человека, а что-либо иное, например: *polostan'iekka* „полосатый“ от *polosta* „полоса, полоска“. Суффикс *-n'iekka* — заимствованный; закону гармонии гласных не подчиняется.

+ 3) Имена с суффиксом *-l'isto* обозначают коллектив, род или группу. Примеры: *keYhāl'isto* „беднота“ от *keYhā* „бедный“, *Torol'isto* „род Дорофея“ от *Toro* „Дорофей“ (родоначальник), *rappil'isto* „причт“ от *rappi* „поп“, *kulakkol'isto* „кулачество“ от *kulakko* „кулак“ и т. д.

+ 4) Имена с суффиксом *-oveh* (*-ōveh*) обозначают коллектив. Примеры: *polgoveh* „выводок“ от *polga* „детеныш“, *s'oloveh* „жители, весь коллектив села“ от *s'ola* „село“, *kaпжoveh* „гости свадебного пира и прочие родственные группы“ от *kaпжа* „группа“, *kappoveh* „члены одной земледельческой группы“ от *каппа* „группа хозяйств“.¹

Особенно часто имена на *-oveh* (*-ōveh*) образуются от названий селений. Примеры: *peräpuUstoveh* „жители дер. *PeräpuUsta*“, *trohkovoh* „жители дер. *Trohko*“, *tresnovoh* „жители дер. *Tresna*“, *halloveh* „жители дер. *Halla* (Морозовка)“, *spuasuveh* „жители дер. Спасоклинье“, *kurgoveh* „жители дер. *Kurgi* (Березовка)“ и т. д. (условие: названия селений двусложные).

¹ См. нашу статью „Карельское слово „каппа“. Известия КФ базы АН СССР, № 4, 1948.

+ 5) Имена с суффиксом *-oln'e* (*-õln'e*) в генит. *-olze-n* (*-õlze-n*) имеют то же значение, что имена на *-oveh* (*-õveh*), они образуются от названий селений. Примеры: *kozlovoln'e* „жители дер. Козлово“, *vechõln'e* „жители дер. Ветчино“, *lihchõvõln'e* „жители дер. Лисицыно“, *derbushkõln'e* „жители дер. Дербужье“, *udvuor'inoln'e* „жители дер. Камоедиха“ (*Udvuorin'a*) и т. д. (условие: названия селений трех- и более сложные).

+ 6) Имена с суффиксом *-izo*, *-iz'o* обозначают собрание людей или вещей. Примеры: *puoriz'o* (*puor'izo*) „молодежь“ от *puor'i* „молодой“, *kalmiz'o* „кладбище“ от *kalma* „могила“.

+ 7) Интересную группу составляют существительные на *иш* (*уш*) с основой на *икше-* (*укше-*). Они обозначают вещественное содержание чего-либо. Примеры: *aluш* (основа *alukше-*) „низ, низкое место“ от *ala* „низ“, *teUиш* (основа *teUикуше-*) „соседство, нахождение рядом“ от *teUла* „около, близ находящийся“, *umbāгуш* „окрестность, окружность, круг“ от *umbār'i* „кругом“, *huoneиш* „здание, постройка с пристройками“ от *huoneh* „постройка“, *taloиш* „хозяйство“ от *talo* „дом“.

Суффиксы, не вносящие изменения в лексическое содержание, тоже немногочисленны. Все это суффиксы уменьшительно-ласкательных слов.

+ 1) Слова с суффиксом *-n'e* (*ze*): *kellon'e* „колокольчик“, *reжон'e* „гнездышко“, *rõrõkkān'e* „козявка, букашка“, *t'yt't'õn'e* „девочка“, *mar'jan'e* „ягодка“, *kukkan'e* „цветок, цветочек“, *hel'un'e* „погремушка“, *lindun'e* „птичка“, *vihman'e* „дождик“, *rangan'e* „ручка, дужка“, *loukko-n'e* „дырочка“, *tetchān'e* „лесок, перелесок“, *rõchlin'e* „поросенок“, *polgan'e* „сын, детеныш, птенец“, *pikkin'e* „жеребенок“ и т. д.

Суффикс *-n'e* не используется, если уменьшительно-ласкательное существительное производится от существительного с основой на *e*. В этом случае используется суффикс, непосредственно указываемый ниже.

+ 2) Слова с суффиксом *ut* (*yt*): *lumut* (*lume-*) „снежок, снежинка“, *t'ipahukшut* (*t'ipahukше-*) „капелька“, *piл'vyt* (*piл've-*) „облачко“, *шuонut* (*шuоне-*) „жилка“, *perehyt* (*perehe-*) „семейка“, *juUrut* (*juUre-*) „копешок“, *larшut* (*larше-*) „дитя, ребенок“, *hernehyt* (*hernehe-*) „горошек, горошинка“, *varrut* (*varde-*) „ручка, дужка“, *virryt* (*virde-*) „песенка“, *шiāmьut* (*шiāmьe-*) „мякиш, начинка“, *kivьut* (*kive-*) „камешек“ и т. д.

+ 3) Немногочисленные слова с суффиксом *-ччи* (*-ччу*) или *-чча* (*-ччā*). Примеры: *piārmitччā* „складка“, собственно „шовчик“ от *piārmi* „шов“, *brihаччи* „паренек“ от *briha* „парень“.

Существительные, образуемые от прилагательных и счетно-измерительных слов

Суффикс всегда вносит изменение лексического содержания. Укажем важнейшие суффиксы.

+ 1. Слова с суффиксом *-ikkō* (*-ikkõ*) обозначают предмет, обладающий той или иной особенностью (качественной или количественной). Примеры: *joUdavikko* „праздник, человек“ от *joUdava* „свободный, незанятый“, *madalikko* „мель“ от *madala* „мелкий“, *шagelkko* „чащоба, чаша“ от *шagie* „густой, частый“, *puhtahikko* „чистое место“ от *puhаш* (*puhtaha-*) „чистый“ и т. д.

+ Выделяются существительные на *-ikko (-ikkō)*, образуемые от счетно-измерительных слов. Примеры: *uks'ikkō* „единичный“ от *uks'i* „единица“, *vilz'ikkō* „пятерка, пятерной“ от *vilz'i* „пять“, *kakšikko* „двойка, двойной, двукратный“ от *kakši* „два“, *kolmikko* „тройка, тройной, трешница“ от *kolme* „три“, *kuUžikko* „шестерка“ от *kuUži* „шесть“ и т. д.

+ 2) Слова на *иш (уш)* с основой на *ио (уō)* представляют собою в основном абстрактные названия качеств. Примеры:

+ а) *шотиш* „красота, краса“ от *шота* „красивый“, *vanhuш* „старость“ от *vanha* „старый“, *igävuш* „скука“ (букв. „скучность“) от *igäva* „скука“, *puogiш* „молодость“ от *puog'i* „молодой“, *tuttavuш* „знакомство“ от *tuttava* „знакомый“, *t'erävuш* „острота“ от *t'eräva* „острый“, *шувуш* „глубина“ от *шувä* „глубокий“, *отиш* „родство“ от *ота* „свой, родной“, *lahuш* „худоба“ от *lahha* „худой, тощий“;

+ б) от прилагательных на *s*: *huogehuш* „дешевизна“ от *huovis* „дешевый“, *kallehuш* „дороговизна“ от *kal'l'is* „дорогой“, *valmehuш* „готовность“ от *valmis* „готовый“, *шualehuш* „спелость, зрелость“ от *шual'is* „спелый, зрелый“;

+ в) от прилагательных на *ш*: *puhtahuш* „чистота, опрятность“ от *puhаш* „чистый“, *ahпahuш* „жадность“ от *ahпаш* „жадный“, *ahтаhuш* „теснота“ от *ahаш* „тесный“, *pal'l'ahuш* „обнаженность, оголенность“ от *pal'l'аш* „голый“;

+ г) от прилагательных на *h*: *t'ervehуш* „здоровье“ от *t'erveh* „здоровый“, *kilrehуш* „торопливость“ от *kilreh* „спешный“, *tuorehuш* „сырость“ от *tuoreh* „сырой“;

+ д) от прилагательных на *ie* с присоединением *h*: *шagehuш* „густота“ от *шagie* „густой“, *s'il'ehuш* „гладь“ от *s'il'ie* „гладкий“, *rehmehuш* „мягкость“ от *rehmie* „мягкий“, *kargehuш* „горечь“ от *kargie* „горький“, *jāmehuш* „упругость“ от *jāmie* „упругий“, *olgehuш* „прямота“ от *olgie* „прямой“, *loжеhuш* „толщина“ от *lojie* „толстый“, *l'errehуш* „гибкость“ от *l'erpie* „гибкий“ и т. д. А также *pis't'yuhuш* „крутизна“ от *pis't'y* „крутой“, *шуUrehуш* „величина“ от *шуUr'i* „большой“, *tyYnehuш* „тишина, затишье“ от *t'yYn'i* „тихий“, *yht'ehuш* „дружба, единение, общность, связь“ от *uks'i (yht'e-)* „один“, *hienohуш* „тонкость, мелкота“, от *hieno* „тонкий, мелкий“.

Интерес представляют случаи, где вместо ожидаемого *аиш (äиш)* мы имеем *еиш (еиш)*. Очевидно, дело в частичном обобщении *еиш (еиш)*, которое закономерно в случаях вроде *шуUrehуш* „величина“ от *шуUr'i* „большой“, *pienehuш* „мелкота (мелкость)“ от *pien'i* „маленький“. Примеры: *äljehuш* „множество“ от *äljä* „много“, *väl'l'ehuш* „простор, свобода“ от *väl'l'ä* „просторный, свободный“, *verkehuш* „медленность, постепенность“ от *verka* „медленный“, *holkkeиш* „тонкость“ от *holkka* „тонкий“, *hyvehuш* „доброта“ от *hyvä* „хороший“, *t'yhjehuш* „пустота“ от *t'yhjä* „пустой, порожний“, *шотehuш* „красота“ от *шота* „красивый“ и т. д.

Примечание. Есть случаи своеобразного переосмысления образований на *иш (уш)* при основе на *ио- (уō-)*. Такие случаи, как *yhenkorgehuш kod'i* букв. „одновысотность дом“ (с неоформленным определением) переосмысляются как значущие „одновысокий дом“ (одинаковой высоты дом). Примеры, кроме приведенных: *yhenl'evеhuш* букв. „одноширокость“, *yhenboikehuш* букв. „однобойкость“, *yhenшуUrehуш* букв. „одновеликость“ (всегда с *yhen-*).

Прилагательные, образуемые от существительных

Суффиксы всегда вносят изменение лексического содержания.

1) Прилагательные с суффиксом *-kaš* (*-kāš*) при основе на *kkaha-* (*kkāhā-*) значат „изобилующий чем-либо“. Примеры: *vuahikaš* „пенистый“ от *vuahi* (основа *vuahikka-*) „пена“, *i'lvakaš* „тинистый“ от *i'ilva* „тина“, *redukaš* „грязный, загрязненный“ от *redu* „грязь“, *villakaš* „шерстистый, косматый“ от *villa* „шерсть“, *tugakaš* „смолистый“ от *tuga* „смола“, *guojtikaš* „ржавый“ от *guojti* „ржавчина“, *perehikaš* „семейный, многосемейный“ от *pereh* „семья“, *rö'lykaš* „пыльный“ от *rö'ly* „пыль“, *kuupel'ikaš* „слезливый“ от *kuupel'* „слеза“, *huol'ikaš* „заботливый“ от *huol'i* „забота“ и т. д.

2) Прилагательные с суффиксом *-va* (*-vā*) значат „обладающий чем-либо, изобилующий чем-либо“. Примеры: *vägvā* „сильный“ от *vägi* „сила“, *iäpövä* „голосистый“ от *iäpi* „голос, звук“, *miel'övä* „разумный“ от *miel'i* „разум, мысль“, *i'hava* „полный, жирный, мясистый“ от *i'ha* „мясо“, *t'erävä* „острый“, от *t'erä* „острие“, *käd'övä* „мастеровой, все умеющий“ от *käzi* (*käd'e*) „рука“ и т. д.

3) Слова с суффиксом *-n'e* (при основе на *ze-*) имеют много значений, которые группируются около двух основных — „обладания чем-либо“ и „отношения к чему-либо“.

По линии первого значения („обладающий чем-либо“) мы находим ряд оттенков: а) „отличающийся чем-либо“. Примеры: *vigan'e* „порочный“ от *viga* „порок“, *valvan'e* „расслабленный, болезненный“ от *valva* „слабость“; б) „содержащий что-либо“. Примеры: *šuolan'e* „соленый“ от *šuola* „соль“, *ražvan'e* „жирный“ от *ražva* „сало, жир“, *ver'in'e* „полнокровный“ от *ver'i* „кровь“; в) „состоящий из чего-либо, сделанный из чего-либо“. Примеры: *tuohin'e* „берестяной“ от *tuohi* „береста“, *tammin'e* „дубовый“ от *tammi* „дуб“, *pelvahin'e* „льняной, полотняной“ от *pelvaš* „лен“, *nahkan'e* „кожаный, овчинный“ от *nahka* „кожа“; г) „покрытый чем-либо или имеющий цвет чего-либо“. Примеры: *laUdan'e* „тесовый“ от *laUda* „доска, тесина“, *kirpiččän'e* „кирпичный“ от *kirpičča* „кирпич“, *raUdan'e* „железный“ от *raUda* „железо“, *kuldan'e* „золотой“ от *kulda* „золото“, *hobien'e* „серебряный“ от *hobie* „серебро“, *tul'in'e* „огненный“ от *tul'i* „огонь“, *taškankarvan'e* „темнокрасный“ от *karva* „волос“ и *taška* „печень“.

Особо следует выделить прилагательные на *n'e*, образованные от сочетания прилагательного и существительного. Примеры: *pit'ka-algan'e* „затяжной, продолжительный“ от *alga* „время“, *pit'kävihan'e* „злопамятный“ от *viha* „злоба“, *rahataban'e* „злонравный“ от *taba* „нрав“, *vähävagin'e* „маломощный, слабосильный“ от *vägi* „сила“, *kovakorvan'e* „глуховатый, тугой на ухо“ от *korva* „ухо“.

По линии второго значения („относящийся к чему-либо“) мы находим следующие оттенки: а) „относящийся к такому-то месту“, например: *tagan'e* „задний“ от *taga* „зад“, *ed'in'e* „передний“ от *ez'i* (*ed'e-*) „перёд“, *yl'in'e* „верхний“ от *yl'a* „верх“, *al'in'e* „нижний“ от *ala* „низ“; б) „относящийся к такому-то времени“: *p'ugun'e* „теперешний“ от *p'ugyalga* „теперешнее время“, *ammun'e* „давнишний“, *myöhan'e* „поздний“, *egl'in'e* „вчерашний“, *algan'e* „ранний“, *mullon'e* „прошлый“.

4) Слова с комбинированным суффиксом *-hin'e* при основе на *hize-* возникли в связи с внутренне-местными формами, которые

характеризуются согласными *ss, шш, h*. Однако уже давно совершился разрыв этой связи, и прилагательные на *-hin'e (hize-)*, так сказать, конкурируют с прилагательными на *-n'e (ze-)*.

По материалу: *muahin'e* „земляной“ от *mu* „земля“, *jiāhin'e* „ледяной“ от *jiā* „лед“, *luUhin'e* „костяной“ от *luU* „кость“, *lumihin'e* „снежный“ от *lumi* „снег“, *shulgahin'e* „перяной, из перьев“ от *shulga* „перо“.

Пространственные: *edāhin'e* „далекий“, *l'āhin'e* „близкий“, *t'āgāl'a-n'e* „здешний“, *rajan'tagan'e* „заграничный“.

Временные: *kuUhin'e* „месячный“, *vuodehin'e* „годовой“, *talvehin'e* „зимний“.

Интересны случаи вроде *humalahin'e* „хмельной“, который ассоциирует с *humalashsa* „во хмелю, пьяный“, или *miel'ehin'e* „направляющийся, по нраву“, ассоциирующийся с *miel'eshsa* „в мысли“.

От случаев вроде *humalahin'e* „хмельной“ тянется нить к случаям вроде *n'al'gāhin'e* „голодный“.

5) Слова с комбинированным суффиксом *-l'in'e* при основе с *-l'ize* возникли в связи с внешне-местными формами, которые характеризуются согласным *l*. Однако давно возник разрыв этой связи. Прилагательные с рассматриваемым комбинированным суффиксом имеют весьма различное значение. Приводим примеры: *n'imel'in'e* „именной“ от *n'imi* „имя“, *kohal'in'e* „прямой“ от *kohta* „место“, *huomel'in'e* „завтрашний“ от *huomena* „завтра“, *uvvenvuUvel'in'e* „новогодний“ от *vuoji* „год“, *kežāl'in'e* „летний“ от *kežā* „лето“, *talvel'in'e* „зимний“ от *talvi* „зима“, *kod'ikajvol'in'e* „доморощенный“ от *kod'i* „дом“, *päiväl'in'e* „дневной“ от *päivä* „день“, *taval'in'e* „благонравный“ от *taba* „нрав“.

6) Слова с комбинированным суффиксом *-lan'e (-l'än'e)* при основе на *laze- (l'äze-)* возникли на базе исчезнувшего существительного на *la (lā)*. Последнее обозначало род-племя или его территорию. Соответственно прилагательные на *-lan'e (-l'än'e)* имеют значение „принадлежащий к такому-то коллективу“, „находящийся в таком-то месте“ и т. п. Примеры: *kod'ilan'e* „домашний“ от *kod'i* „дом“, *kyl'al'an'e* „деревенский, сельский“ от *kyl'a* „деревня“, *l'innalan'e* „городской“ от *l'inna* „город“, *metchäl'an'e* „лесной, житель леса“ от *metchä* „лес“, *muanal'an'e* „подземный“ от *mu* „земля“. Интересен *palkalan'e* „наемный, наймит“ от *palka* „наем“, а также *hittolan'e* (точно непереводаемое) от *hitto* „чорт“.

7) Слова с комбинированным суффиксом на *-nan'e (-nän'e)* при основе на *naze- (nāze-)* относительно немногочисленны и не совсем однородны по значению. Примеры: *vez'inän'e* „водянистый“ от *vez'i* „вода“, *kakšinan'e* „двойной“ от *kakši* „два“, *uks'inän'e* „одиночный, одинокий“ от *uks'i* „один“, *ulgonan'e* „внешний, вне находящийся“, *egonan'e* „раздельный“, *l'ābinän'e* „сквозной“, *yl'čipnän'e* „продольный“, *polkkinan'e* „поперечный“, *kogonan'e* „цельный“.

8) Слова с комбинированным суффиксом *-mmain'e (-mmäin'e)* при основе на *mmaze- (mmäze-)* или *-man'e (-män'e)* при основе на *maze- (mäze-)* указывают на относительное или обособленное положение. Примеры: *ed'imman'e* „передний“, *yl'imman'e* „верхний“, *keškimän'e* „средний, находящийся в середине“, *epjim'män'e* „первый“, *tagimman'e* „задний“.

9) Слова с суффиксом *-toln (-t'öln)* при основе на *ttoma- (t'tömä-)* имеют значение „лишенный чего-либо“. Примеры: *kengä-*

t'õln „босой“ от kengä „обувь“, huoletoln „беззаботный“ от huol'i „забота“, huljutoln „бесстыдный, бессовестный“ от hulgie „стыд“, mulstotoln „забывчивый, беспамятный“ от mulsto „память“, mavutoln „безвкусный“ от magu „вкус, сладость“, p'imet'õln „безымянный“ от p'imi „имя“, iänet'õln „безмолвный, беззвучный“ от iäp'i „голос, звук“.

Прилагательные или счетно-количественные слова, образуемые от прилагательных или счетно-количественных слов

Изменение лексического содержания вносит только суффикс *-ш* при основе на *nde-*, образующий порядковые счетные слова: kolmash „третий“ от kolme (kolmande-) „три“, nel'l'äsh „четвертый“ от nel'l'ä „четыре“, viljesh „пятый“ от vilz'i (vilde-) „пять“ и т. д.

В других случаях суффиксация не вносит изменения в лексическое содержание слова.

Широко распространены уменьшительно-ласкательные прилагательные на *-п'е* при основе на *ze-*. Примеры: armahan'е „миленький“ от armash (armaha-) „милый“, шотан'е „хорошенький, красивенький“ от шота „красивый“, hienon'е „мелкий, тоненький“ от hieno „мелкий“, vanhan'е „старенький“ от vanha „старый“, lalhan'е „тошенький“ от lalha „тощий, худой“, vihandan'е „свеженький, зелененький“ от vihanda „свежий, зеленый“, magien'е „сладенький“ от magie „сладкий“, pikkaran'е „маленький“ от pien'i „малый“.

Значительное распространение имеют ограничительные прилагательные на *-hko* (*-hkõ*). Примеры: magiehko „сладковатый“ от magie „сладкий“, mulgiehko „кисловатый“ от mulgie „кислый“, korgiehko „высоковатый“ от korgie „высокий“, ahtahahko „тесноватый“ от ahaah (ahtaha-) „тесный“, muishahko „черноватый“, от muisha „черный“, viluhko „холодноватый“ от vilu „холодный“, pienehkõ „маловатый“ от pien'i „малый“.

Своеобразны ограничительные прилагательные на *-ttava* (*-t't'ävä*). Примеры: pimiet't'ävä „темноватый“ от pimie „темный“, muishattava „черноватый“ от muisha „чёрный“, magiettava „сладковатый“ от magie „сладкий“, reduttava „грязноватый“ от redu „грязь“, lojieltava „толстоватый“ от lojie „толстый“, holkattava „тонковатый“ от holkka „тонкий“.

2. ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА

(включая причастия)

Первую группу отглагольных имен составляют существительные, обозначающие действие как таковое, его содержание, его протекание, его эффект и т. д. Сюда относятся следующие существительные:

1) Существительные на *о, õ* или (без отличия в значении) *и, у*.

Примеры на *о, õ*: kalvo „колодец“ от kalvua „рыть, копать“, guado „работа“ от guadua „работать“, kyl'võ „сев“ от kyl'viä „сеять“, jago „делаж“ от jagua „делить“, palno „груз, грузило“ от palnua „тянуть, давить“, muutto „перемена, смена“ от muuttua „переменить, сменить“, кажво „рост“ от кажвua „расти“, куп'd'õ „пахота“ от куп'd'ia „пахать“, l'äht'õ „отход, отъезд“ от l'äht'ie „пойти, поехать“.

Примеры на *и, у*: itku „плач“ от it'kie „плакать“, lugu „счет, подсчет“ от lugie „считать, читать“, id'y „солод“ от id'ia „прорастать“, halzu

„запах, смрад“ от *halzuo* „пахнуть“, *lorpu* „конец“ от *lorpie* „кончать“, *lašku* „запад“ от *laškíe* „пускать, опускать“, *sholttu* „гармонь“ от *sholttua* „играть“.

К числу существительных на *o*, *õ* примыкают существительные на *avo* (*ävõ*), образуемые от глаголов на *ata*, *ät'ä*. Примеры: *shuorigo* „наряд, одежда“ от *shuorigita* „одеваться“, *eravo* „различие, дележ“ от *erota* „отделиться, расходиться“, *l'eikkavo* „жатва“ от *l'eikata* „жать (злаки)“, *l'iz'avõ* „добавка“ от *l'iz'ät'ä* „добавить“, *maln'ivo* „помин“ от *maln'ita* „вспоминать“, *kezrävõ* „пряжа“ от *kezrät'ä* „прясть“, *kerävõ* „сбор“ от *kerät'ä* „сбирать“.

2) Существительные на осложненный *osh*, *õsh* и *uush*, *uush*.

Примеры на *osh*, *õsh*: *tuhosh* „расход“ от *tuhota* „расходовать“, *katoш* „разлом“ от *kataita* „сломать“, *kiltoш* „хвала“ от *kilt'it'ia* „хвалить“, *l'ähõш* „умолот“ от *l'äht'ie* „идти, пойти“, *tapoш* „убийство“ от *tappia* „убить, убивать“, *juotoш* „припайка“ от *juoitua* „пойть, припаивать“, *muUtoш* „смена“ от *muUttua* „менять, сменить, обменять“.

Примеры на *uush*, *uush*: *valehuш* „ложь“ от *valehella* „врать“, *vihel'Yuш* „свист“ от *vihel'd'ia* „свистеть“, *volvotuш* „стон“ от *volvotua* „стонать“, *upotuш* „топь“ от *upota* „тонуть, потонуть“, *palzotuш* „опухоль“ от *palzottua* „опухать“, *häkyt'Yuш* „помеха“ от *häkyt'it'ia* „мешать“, *l'eikkaUш* „надрез“ от *l'eikata* „резать“, *l'evit'Yuш* „подстилка“ от *l'evit'it'ia* „стелить“, *l'urшуш* „удой“ от *l'uršia* „дойти“, *качаhuш* „взгляд, взор“ от *каччуо* „смотреть“, *kualatuш* „брод“ от *kualua* „брести“.

3) Существительные на *nda*, *n'd'ä*. Примеры: *viär'it'an'd'a* „обвинение“ от *viär'it'it'ia* „обвинить, обвинять“, *vivonda* „трепка (льна)“ от *viduo* „трепать (лён)“, *valanda* „литье“ от *valua* „лить“, *l'ähenend'ä* „приближение“ от *l'ähet'ä* „приближаться“, *varuшanda* „приготовление“ от *varuшtua* „готовить“, *ulvonda* „рев, вой“ от *ulvuo* „выть“, *vejän'd'a* „подвоз“ от *ved'ia* „везти“, *vohotanda* „зуд“ от *vohottua* „зудеть“, *vorulnda* „кража, воровство“, от *vorulja* „красть, воровать“, *voltanda* „победа“ от *voltua* „побеждать“.

4) Существительные на *min'e*. Примеры: *pulmin'e* „молотьба“ от *pulja* „молотить“, *шудmin'e* „еда, пища“ от *шуYu'a* „есть, кушать“, *rygimin'e* „кашель“ от *rygie* „кашлять“, *juobumin'e* „угар“ от *juobuo* „угорать, угореть“, *juomin'e* „напиток“ от *juuva* „пить“, *кужumin'e* „вопрос“ от *кужуо* „спросить“, *l'äz'imin'e* „болезнь“ от *l'äz'ie* „болеть, хворать“, *varajamin'e* „боязнь“ от *varata* „бояться“.

5) Относительно редки существительные на *e*.

Примеры: *vold'ie* „мазь“ от *voldua* „мазать“, *t'yuke* „затычка“ от *t'yukit'a* „затыкать“, *шije* „подвязка“ от *шiduo* „вязать, подвязывать“, *кашше* „роса“ от *каштуа* „мочить“, *kate* „покрышка“ от *kattua* „покрывать, накрывать“, *kuve* „уток (текстильный)“ от *kuduo* „ткать“.

Другую группу отглагольных имен составляют имена причастного типа.

1) Имена на *ja* (*jä*) обозначают действующего или имеют значение активного причастия настоящего времени.

Примеры: *kir'juttaja* „пишущий“ от *kir'juttua* „писать“, *aUttaja* „помощник“ от *aUttua* „помогать“, *kekšija* „догадливый“ от *kekšie* „догадаться, заметить“, *ved'äja* „возчик, возящий“ от *ved'ia* „везти“, *vill'ija* „закройщик“ от *vill'l'ä* „кроить“, *vardelčija* „сторож, стережущий“ от *vardelja* „стеречь“, *valehtel'ija* „лгун, лжец“ от *valehella* „лгать“, *pakkuoja* „проситель“ от *pakota* „просить“, *palkuaja* „наниматель“ от *palkata* „нанимать“, *puol'istaja* „защитник, защищающий“ от

puol'istua „защищать, заступаться“, шäriz'ija „дрожащий“ от шäris's'ä „дрожать“, el'äja „желец, живущий“ от el'ia „жить“.

2) Имена на *niin* или, короче, *n* имеют значение активного причастия прошедшего времени. Примеры: tummehtunnun (или tummehtun) „тухлый“ от tummehtuo „тухнуть“, puhaldunnun (puhaldun) „распухший, опухший“ от puhalduo „опухать“, шамбуннун „потухший“ от шамбуо „потухать, гаснуть“, lahunnun „исхудавший, похудевший“ от lah tuo „худеть“, kuivannun „высохший, разохшийся“ от kuivua „сохнуть“, kuollun „умерший“ от kuolla „умереть, умирать“, räpäs't'yn „увядший, дряблый“ от räpis't'yö „вянуть, дрябнуть“.

3) Имена на *dava* (dävä) или *ttava* (t'ävä) имеют значение пассивного причастия настоящего-будущего времени.

Примеры: varattava „страшный“ от varata „бояться“, myöd'ävä „продажный“ от myyvä (myöd'ä-) „продавать, продать“, шуаттава „любимый“ от шуата „любить“, val'läsheldava „упряжной“ от val'läshua „запрягать, запрещать“, tuttava „знакомый“ от tuta „знать, быть знакомым“, juodava „питьевой“ от juuva „пить“, шуадва „уловимый“ от шуаа (шуа-) „поймать, достать, заработать“, шуöd'ävä „съедобный, то, что подлежит съедению“ от шуувä „есть, кушать“, viär'it'et'ävä „обвиняемый“ от viär'it'ä „обвинять, винить“.

4) Имена на *du* (dy) или *ttu* (tty) имеют значение пассивных причастий прошедшего времени. Примеры на *du* (d'y): ahavoldu „обветренный“ от ahavolja „обветривать“, voruldu „краденый“ от vorulja „красть“, n'ubl'iköld'y „застегнутый на пуговицы“ от n'ubl'ikölja „застегивать на пуговицы“, revit'el'd'y „рванный, разорванный“ от revit'ä „рвать, разрывать“, eroteldu „разделенный, разъединенный“ от erottua „делить“.

Примеры на *ttu* (t't'y): tolvotettu „обещанный“ от tolvottua „обещать“, tokerrettu „точеный (на токарном станке)“ от tokerdua „точить“, tavottu „кованный“ от taguo „ковать“, шевотettu „запутанный“ от шегуо „запутаться“, palkattu „нанятый, наемный“ от palkata „нанимать“, palnettu „крашеный (о тканях)“ от palnua „красить“, palssettu „печеный“ от palstua „печь“ (глагол), шогеннетту „ослепленный“ от шогендуа „ослепить, ослеплять“, jär'it'et'y „рубленый (сечкой)“ от jär'it'ä „рубить (сечкой)“, kyl'vet'y „засеянный“ от kyl'viä „сеять“.

5) Имена на *min'e* в позиции определения имеют значение активных причастий настоящего-будущего времени. Они употребляются при условии, если указывается (в генитиве) действитель. Примеры: vel'l'en шаномин'e шапа „братом говоримое слово“, huvä on miän emännän palstamin'e l'elbä „хорош нашей хозяйкой выпекаемый хлеб“, шерän tagomin'e velchci l'iey huvä „кузнецом выковываемый нож будет хорош“.

6) Имена на *ma* (mä) в позиции определения имеют значение пассивных причастий прошедшего времени. Они употребляются при условии, если указывается (в генитиве) действитель. Примеры: tuaton шанома шапа „отцом сказанное слово“, emännän palstama l'eibä „хозяйкой выпеченный хлеб“, шерän tagoma velchci „кузнецом выкованный нож“, kolran ruoma „собакой укушенный“, miun l'öyd'ämä „мною найденный“, miän keräämä „нами собранный“.

7) Имена на *matoln* (mät'öln) имеют значение отрицательного причастия. Примеры: kuUomatoln „неслышанный“ от kuUlla „слышать“, kуччиматолн „незванный“ от куччуо „звать“, olematoln „небывалый“, от olla „быть“, ruadamatoln „необработанный“ от ruadua „работать“.

t'irpamatoln „нестерпимый“ от t'irpua „терпеть“, tundomatoln „незнакомый, незнаемый“ от tuta (tunde-) „знать, быть знакомым“, kekšimät'öln „внезапный“ от kekšie „заметить“, t'ied'amät'öln „неведомый“ от t'iet'a (t'ied'a-) „знать“, piet't'amät'öln „непрерывный, безудержный“ от piet't'ia „удержать, остановить“.

К причастной группе имен некоторую близость имеют некоторые имена с омертвельными суффиксами.

✕ 1) Имена на *va* (*vā*). Примеры: joudava „свободный, праздный“ при joudua „быть свободным“, поUжова „будущий, предстоящий“ при поUшша „встать“, tulova „будущий, приходящий“, val't'avā „пригодный“, ei'avā „живой“, p'ägyvā „видимый“.

✕ 2) Имена на *ičča* вроде ришкiчча „бодливый“, руг'iчча „кусачий“ с глаголами ныне связываются, хотя они исторически не являются отглагольными, вроде загаччи „боязливый“ при исчезнувшем *vaga* и сохраняющемся *varata* „бояться“, kizаччи „игривый, игрун“ при kiza „игра“ и при kizata „играть“, torаччи „драчун, драчливый“ при tora „драка“ и torata „драться“.

3. ОТЫМЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ

Отыменные глаголы довольно распространены, но различие их суффиксов в общем неясно. Произошло, несомненно, значительное смещение разных семантических категорий этих глаголов.

①) Глаголы с суффиксом *ta* (*tā*) или *da* (*dā*) или, в связи с так называемым возвратным суффиксом, *tu* (*ty*) или *du* (*dy*).

✕ Примеры на *ta* (*tā*), *da* (*dā*): varuštua „готовить“ при основе varušta-, kattua „покрыть, накрыть“, tunnuštua „узнать, признать“, lunnaštua „выкупить“, oraštua „учить, научить“, valmistua „готовить“, valhtua „менять, сменять“, kiln'it'ia „укрепить“, pöl'i'at'ia „испугать“, iänd'ia „звучать“, čihmerd'ia „моросить“, pilrd'ia „чертить, проводить черту“, huoldua „готовить, заботиться о приготовлении“, voldua „мазать“, vuodua „течь, подтекать, сочиться“.

✕ Примеры на *tu* (*t'y*), *du* (*d'y*): lalhtuo „отошать, истощиться“, keyht'yo „обеднеть“, pakehtuo „запечься (о крови)“, homehtuo „заплесневеть“, humalduo „опьянеть“, hämārd'yo „смеркаться“, igāYd'yo „стосковаться, соскучиться“, verd'yo „рассвирепеть“.

К глаголам на *ta* (*tā*) и *da* (*dā*) примыкают глаголы на *ua* (*yā*) из *ata-* (*ātā-*) и т. п. Возвратные глаголы в этом случае образуются с помощью суффиксов *aydu* (*āyd'y*) из *atu-tu* (*äty-ty*) и т. п.

✕ Примеры на *ta* (*tā*) и т. п.: virrata „течь“, vihata „ненавидеть“, ummata „зарывать, закапывать“, gammata „хромать“, kezrāta „прясть“, kerāt'a „собирать“, тyōd'āt'a „потакать, потворствовать“, l'iz'āt'a „прибавлять“, mitata „мерить“, vallata „белишь“, ruvata „смолить“, palkata „нанимать“.

✕ Примеры глаголов на *aydu* (*āyd'y*) и т. п.: vieraUduo „отвыкнуть, отвыкать“, vuaheUduo „пениться“, velgaUduo „задолжать“, reduUduo „загрязниться“, gajvaUduo „ожиреть“, argeUduo „одичать“, kaldaUduo „накрениться, наклониться“, vaštuaUduo „встретиться“, kilst'āYd'yo „поссориться“, iāneYd'yo „замолчать, умолкнуть“, mykkeYd'yo „онеметь, сделаться немым“, l'eškeYd'yo „овдоветь“, härmeYd'yo „заиндеветь“, per'āYd'yo „попытаться“.

✕ От возвратных глаголов на *aydu* (*āyd'y*) и т. п. образуются (с помощью суффикса, о котором см. в разделе 4) переходные глаголы на *aUta* (*āYt'ā*) и т. п. Примеры: nogeUttua „коптить“, jalgeUttua „будить“,

tuшкеUttua „огорчать“, reduUttua „загрязнить“, vereYt't'ia „окровавить“, peraYt't'ia „попятить“, yht'eYt't'ia „объединить, примирить“, areYt't'ia „раздразнить“, mudeUttua „замутить“, rildaUttua „поссорить“.

4 2) Глаголы с суффиксом *-tta* (*-ttä*).

Примеры: aUttua „помогать“ от abu „помощь“, čirottua „припекать“ от čiron'e „солнцепёк“, tuUlettua „проветрить“ от tuUl'i „ветер“, volttua „победить, пересилить“ от voltto „победа“, ioUkuttua „мять (лён)“ от ioUkku „мялка“, riät't'ia „завершить“ от riä „голова“, l'öyl'yt't'ia „взгреть“ от l'öYl'y „пар (в бане)“.

3) Глаголы с суффиксом *-o* (или *-ol*) или *-i*.

Примеры глаголов на *o*: шапо- „говорить, сказать“ от шапа „слово“, lahjo „дарить“ от lahja „дар“, l'ihuо „полнеть“ от l'iha „мясо“, p'ieglo- „вязать (кружева)“ от p'iegla „иглолка“, шieglo- „сеять (через сито)“ от шiegla „сито, решето“.

Примеры глаголов на *i* от имен на *a*: kuokki- „стаскивать (с воза)“ от kuokka „цапка“, kukki- „цвести“ от kukka „цветок“, p'okki- „клевать“ от p'okka „клюв“, polgi- „рожать“ от polga „детеныш“, шugi- „чесать“ от шуга „гребень“.

Примеры глаголов на *i* от имен на *ä*: keг'i- „мотать, наматывать“ от keгä „клубок“, руд'i- „крутиться, вертеться“ от рудä „вертушка“, kengi- „обуться“ от kengä „обувь“.

Пример глагола на *i* от имен с основой на *e*: купжи- „царапать“ от куп'де- (куп'жі) „ноготь, коготь“.

С глаголами на *o* (или *oi*) исторически сходны глаголы на *ol*, образуемые от имен с трехсложной основой. Примеры: haravolja „сгребать (граблями)“ от harava „грабли“, етānnōlja „стряпать, готовить“ от етān'd'ä „стряпка, хозяйка“, kabalolja „пеленать“ от kabalo „пелёнка“, murginolja „обедать“ от murgina „обед“, aňavolja „обветрить, сквозить“ от aňava „сквозняк“, igävōlja „грустить, скучать“ от igäva „скура“.

Осложненные глаголы на *i* представляют собою глаголы на *иче*. Примеры: koz'ita „сватать“ основа koz'иче-, guokita „убирать, наводить порядок“, gammita „хромать, прихрамывать“, torvita „трубить“, l'āmmi't'ä „топиться (о печке), теплеть“, tar'ita „предлагать“, kaUn'ita „наряжать, одевать“.

При глаголах на *ol*- образуются возвратные глаголы на *oldu*, *öldy*.

Примеры: vihannolduo „позеленеть, зазеленеть“, vihaz'olduo „рас-свирипеть“, viät't'ōmōld'yō „ослабеть, обессилеть“, madalolduo „пони-зиться, обмелеть“, ebävōld'yō „занемочь, заболеть“, palavolduo „разгорячиться“, pal'l'aholduo „оголиться“.

От глаголов на *o*-, *oi*-, *i*-, если они непереходные, с помощью суффикса *tta* (*ttä*), о котором см. в разделе 4, образуются пере-ходные глаголы (частью глаголы на *o*- и *i*- утеряны).

Примеры глаголов на *otta*: rauvottua „подковать, ковать“, hin-pottua „оценивать, расценивать“, aljottua „огораживать, огородить“, шijottua „поместить, помещать“, vallottua „светить, белеть“, тушшottua „чернеть“, тажottua „обрубать, подравнивать“, vihottua „зеленеть“, шеvottua „мешать, размешивать“.

Примеры глаголов на *oltta* (*ōit't'ä*): palavolttua „подогревать“, kirjavolttua „пестрить, испещрять“, тажалolttua „подравнивать“, mada-loittua „понижать, снижать“, ругāl'ōlt't'ia „зазубрить, делать зарубки“, t'erävōlt't'ia „заострить“.

Примеры глаголов на *itta* (*it'tä*): *ohjittua* „взнуздать“, *ongittua* „удить“, *rohjittua* „набить подошвы“, *n'imit'tiä* „называть, именовать“, *viar'it'tiä* „обвинять“, *hengit'tiä* „дышать“.

+ 4) В относительно небольшом количестве встречаются глаголы на *u* (*y*) и *ul* (*yl*), по значению не отличающиеся от рассмотренных глаголов на *o*, *ol* (*öl*).

Примеры глагола на *u*: *vihtu-* „идти дождю, дождить“ от *vihma* „дождь“.

Примеры глаголов на *ul* (*yl*): *n'änkyljä* „нянчить“, *iz'änpyljä* „хозяйничать“, *uö'iekuljä* „ночевать, переночевать“.

От глаголов на *u* (*y*) с помощью суффикса *-tta* (*-ttä*), о котором см. в разделе 4, образуются переходные глаголы. Часть глаголов на *u* утеряна.

Примеры: *kir'juttua* „писать, написать“, *lahuttua* „заморить (источить)“, *igäYvyt'tiä* „опечалить“.

+ 5) Глаголы на *ene-* и т. п. имеют значение „делаться каким-либо“. Примеры: *rageta* „зажечь, заживать“, *puoleta* „убыть, убывать“, *roh-keta* „осмелеть“, *mureta* „разбиться“, *harata* „гнить, сгнить“, *hienota* „размельчиться, мельчать“, *tuageta* „участиться, учащаться“, *шуUreta* „увеличиться“, *шаgeta* „сгуститься, сгущаться“, *шел'et'ä* „яснеть, просветляться“, *rehmet'ä* „отмякнуть, размягчиться“, *шувet'ä* „углубляться, углубиться“, *t'uynet'ä* „утихнуть, утихомириться“, *äljet'ä* „увеличиться (в количестве)“, *ed'et'ä* „удалиться, отделиться“, *l'ähet'ä* „приблизиться“.

От глаголов на *ene-* и т. п. с помощью суффикса *ua* (*yä*), о котором см. в разделе 4, образуются переходные глаголы. Примеры: *rehmen'diä* „смягчить, размягчать“, *hil'l'en'diä* „замедлить“, *шувен'diä* „углубить, углублять“, *t'uhjen'diä* „опорожнить“, *l'yhen'diä* „укоротить, укорачивать“, *mäd'žen'diä* „раздавить, давить“, *pimen'diä* „затемнить, затемнять“, *pit'endiä* „удлинить, удлинять“, *шомendua* „украсить, разукрашивать“.

6) Особо стоят глаголы на *uta* (*utä*) или *utu* (*uty*). Примеры: *arrestuo* „оскоромиться“, *viluштуo* „похолодеть, охладиться“, *hajuштуo* „поумнеть“, *оташтуo* „породниться“, *оташтуa* „присваивать“, *шавуштуa* „дымить, задымить“, *мудhäштуo* „опоздать, запоздать“, *n'al'l'äштуo* „проголодаться“, *hieштуo* „вспотеть“.

+ 7) Следует выделить еще глаголы на *ista* (*ist'ä*) и *istu* (*ist'y*). Примеры: *puol'istua* „защищать“, *tarkistua* „метиться, целиться“, *uUvistua* „обновить, обновлять“, *els't'yo* „двигаться, продвигаться“, *t'yUn'is't'yö* „утихать, стихать“, *kahistuo* „охрипнуть“, *kaUn'istuo* „похорошеть, проясниться“, *l'ähis't'yö* „приблизиться“, *kel'l'is't'yö* „побледнеть, пожелтеть“, *puor'istuo* „помолодеть“, *höl'mis't'yö* „остолбенеть“, *kivis'tiä* „болеть“, *n'äpis'tiä* „ущемить, ущипнуть“, *viäris'tiä* „кривить, искривить“.

4. ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ ЗАЛОГОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Отглагольные глаголы залоговой направленности разбиваются на две группы: непереходные глаголы, образованные от переходных (возвратные), и переходные глаголы, образованные от непереходных. Последние могут иметь каузативное значение.

Возвратные глаголы архаического типа образуются чаще всего с помощью суффикса *-u* (*-y*). Примеры: *raпиu* „нагибаться“, *n'äгуo*

„виднеться“, *kuadu* „литься, проливаться“, *l'öyd'yö* „отыскаться“, *koškuo* „дотронуться, коснуться“, *palstu* „испечься“, *peit't'yö* „пританиться, спрятаться“, *yht'yö* „сойтись“.

Образуемые от глаголов на *ua* (*iä*), *ata* (*ätä*) и т. п. возвратные глаголы имеют суффикс *-audu* (*-äydy*) или *-atu-tu* (*-ätä-ty*) и т. п. Примеры: *avaUdu* „открыться“ от *avua*, *i'ichUdu* „прижаться, прикоснуться“ от *i'ichua*, *kumaUdu* „опрокинуться, свалиться“ от *kumua*.

Нередко суффикс *-audu* (*-äydy*) и т. п. переносится за пределы своего первоначального распространения. Примеры: *i'ichUdu* „развязаться“ от *iil'chi*.

Замечательно, что в некоторых случаях данный сложный суффикс указывает на начало действия. Тут залоговая направленность словообразования переходит в видовую. Примеры: *kiehuUdu* „закипеть“, *shelzaUdu* „стать, становиться“, *l'äz'eYdy* „заболеть“, *piz'yYd'y* „установиться, схватиться“.

Возвратные глаголы нового типа образуются с помощью суффикса, куда входит сложный гласный, соответствующий исходу основы глагола, составляющего базу словообразования на *че*. Примеры: *peit't'iächie* „спрятаться, прятаться“ от *peit't'iä* „прятать“, *valuachie* „облиться, окатиться“ от *valua* „лить“, *valhtuachie* „обмениться, смениться“ от *valhtua* „менять, сменять“, *kilt't'el'iechie* „хвастаться“ от *kilt't'iä* „хвалить“, *sulstel'iechie* „спотыкаться“ от *sulstu* „споткнуться“, *istuo'l'iechie* „присаживаться, садиться“ от *istuo* „сидеть“, *lorpiechie* „оканчиваться, кончиться“ от *lorpie* „кончить“, *kachel'iechie* „оглядываться“ от *kachuo* „смотреть“, *shy'l'gel'iechie* „плевать“ от *shy'l'gie* „плюнуть“, *rotkiechie* „лягаться“ от *rotkie* „лягать“.

Обращаясь к переходным глаголам, образованным от непереходных (частично-каузативным), мы должны указать следующие случаи.

1) Глаголы с суффиксом *-ta* (*-t'ä*) или *-da* (*-d'ä*).

С одной важной группой этих глаголов мы уже познакомились в разделе 3. Это глаголы на *en-da* (*en-d'ä*).

Кроме этой группы глаголов рассматриваемый суффикс содержит некоторые единичные глаголы вроде *riäsh-tä* „освободиться“ от *riäje* „освободить“, *poш-tä* „поднять“ от *poUже* „поднимать“, а затем большую группу глаголов типа *häv'it-t'ä* „погубить“ от *häv'it'* „погибнуть“, которые выступают в виде усеченной основы, вроде глагола *häv'ie* из *häv'it'ä* „погибнуть“, *l'evit't'ä* „стлать“ от *l'evie* (*l'evit'ä*). Еще примеры: *l'ämmi't'ä* „греть, топить, нагревать“, *ker'it't'ä* „развязать, отвязать“, *revit't'ä* „разорвать“, *virit't'ä* „разжечь“, *erotua* „разделить, разъединить“, *kavottua* „потерять“, *urottua* „утопить“, *шуor'ittua* „одеть, одевать“, *ulnottua* „усыпить“.

2) Глаголы с суффиксом *-ttä* (*-t'tä*). Примеры: *vanuttua* „валять, катать“, *shiänpytt'ä* „обозлить“, *шуYhyt't'ä* „чесать“, *шy't'yt't'ä* „поджечь“, *hyYvyt't'ä* „застудить“, *l'ymmyt't'ä* „гнуть, подогнуть“, *mänet't'ä* „проиграть“, *kyl'mät't'ä* „заморозить“, *pulstua* „трясти“, *valvuttua* „утомить“.

Следует указать, что нередко вместо суффикса *-tta* (*-ttä*) выступает комбинированный суффикс *-utta* (*-yttä*). Примеры: *kolahuttua* „стукнуть“, *halmähytt'ä* „взмахнуть, размахнуться“, *häll'ähyt't'ä* „пошатнуть, покачать“, *l'evähyt't'ä* „разостлать, распахнуть“, *myöshy't't'ä* „вернуть, возвратить“, *tupehuttua* „погасить, гасить“, *tunnuishuttua* „познакомить“, *lymmehuttua* „оглушить“.

От глаголов на *ua* (*iä*) из *ata* (*ätä*) глаголы рассматриваемой семантики образуются как глаголы на *aUtta* (*äyttä*). Примеры: *hulmauttua* „вскружить голову, становиться дурно“ от *hulmata*, *kargaUttua* „заставить плясать“ от *karrata*, *hollaUttua* „заставить стонать“ от *hollata*.

Подобное образование глаголов рассматриваемой семантики частично вынесено за свои первоначальные пределы. Оно практикуется и в случаях, когда базу словообразования составляют глаголы на *aja-* (*äjä-*). Примеры: *hel'äYt'i'ia* „бренчать“ от *hel'äja-*, *judaUttua* „громыкать“ от *judajua*, *kohaUttua* „храпеть“ от *kohajaja-*, *tumaUttua* „топотать, стучать“ от *tumajaja-*.

5. ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ ВИДОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Глагольные виды в карельском языке поставлены в корне иначе, чем в русском языке. Различие законченности и незаконченности действия видовыми категориями не отмечается. Видовые категории отличают различие количественных моментов в действии. На это обратил внимание проф. Д. В. Бубрих. Выделяются следующие видовые группы глаголов.

1) Глаголы на *ele-* и т. п. указывают на длительность действия, совершающегося понемногу. Примеры: *kuotella* „щупать“, *laInuol'i'a* „глотать, проглатывать“, *luvetella* „считать, подсчитывать“, *l'ennel'i'a* „летать“, *otella* „пробовать“, *halgiel'i'a* „трескаться“, *halrahella* „ошибаться“, *röl'i'ät'el'i'a* „пугать, отпугивать“, *шуö't'el'i'a* „вскармливать“, *шärahel'i'a* „вздрагивать“, *šelzatella* „расставлять, расстановливать“, *t'iputella* „капать“, *kiännel'i'a* „перевортывать, переворачивать“, *кашšel'i'a* „смачивать, подмачивать“, *katella* „покрывать, прикрывать“.

2) Глаголы на *lda* (*l'd'ä*) указывают на мгновенность действия. Примеры: *hel'izel'd'ia* „прозвенеть“, *шуö'l'd'ia* „покушать“, *руYhil'd'ia* „стереть, смахнуть“, *l'ykkial'd'ia* „пододвинуть“, *puhaldua* „сдунуть“, *pagizeldua* „поговорить“, *riUhtualdua* „рвануть, сдернуть“, *gavahaldua* „вскрикнуть“, *поUjeldua* „привстать“, *luveldua* „почитать, прочитывать“, *palnaldua* „нагнуть“.

3) Немногочисленные глаголы на *kuii* указывают на многократное действие. Примеры: *luokšie* „бросать, выбрасывать“, *шуl'i'ekšie* „выплевывать“, *pirekšie* „кусать“, *kuolekšie* „обмирать, помирать“.

4) Глаголы на *ahta* (*äht'ä*) указывают на однократное действие. Примеры: *кочаhtua* „прыгнуть“, *куогжаhtua* „вскрапнуть“, *шулаhtua* „подтаять“, *kilvahtua* „обсохнуть“, *качаhtua* „посмотреть“, *l'ekahtua* „пошевелинуться“, *räls'ähtia* „сверкнуть“, *гуväh't'ia* „кашлянуть“, *кyl'mäht'ia* „продрогнуть“, *l'älmäht'ia* „блеснуть“, *шärah't'ia* „вздрогнуть“.

5. Весьма интересно противостояние глаголов на *o-*, *i-* как глаголов длительного или многократного действия глаголам на *ua-* (*iä*) или *ata* (*ätä*) как глаголам краткого или однократного действия. Нельзя сказать, какие из этих глаголов от каких произведены.

Примеры глаголов на *o* при глаголах на *ua*: *riUhtuo* „рвать“, *katkuo* „ломать“, *lohkuo* „раскалывать“, *l'elkkuo* „резать, разрубать“, *viiskuo* „кидать, бросать“, *halguo* „скалывать“, *talluo* „отаптывать“, *riUhata* „рвануть“, *katata* „сломать“, *lohata* „расколоть“, *l'elkata* „разрезать“.

Примеры глаголов на *i* при глаголах на *ua* (*iä*): *harpie* „шагать“, *корpie* „хватать“, *гуYrpie* „прихлебывать“, *чökkie* „тыкать“, *l'ykkie* „спихивать“, *jähkie* „толкать“, *potkie* „лягать, поддавать ногой“, *har-*

pata „шагнуть“, korata „схватить“, guŕat'a „прихлебнуть“, čokat'a „ткнуть“.

Есть случаи, когда существовавшие, несомненно, первоначально видовые различия стерлись. В этом плане обращает на себя внимание, например, безразличность употребления звукоподражательных глаголов на *ize-*, *aja-* (*ājā-*). Примеры: gad'jissa „трещать“, juris's'a „греметь“, bōris's'a „жужжать“, šihis's'a „шипеть“, šohissa „шипеть“, čilajua „звенеть“, jurājuā „греметь“, kohajua „шуршать“, korajua „храпеть“, kahissa „сипеть“, tuhajua „сопеть“.

6. НАРЕЧИЯ (СУФФИКСАЛЬНЫЕ)

Наречия имеют самое различное происхождение. Мы остановимся лишь на наиболее употребительных наречиях качества действия. Эти наречия образуются безразлично на *-šti* или *-ldi* (*-l'd'i*).

Примеры: lujashti или lujaldi „крепко, туго“, vihaz'ashti или vihaz'aldi „зло, свирепо“, kovashti или kovaldi „твердо“, kebiešti или kebiel'd'i „легко“, rohkiešti или rohkiel'di „смело, отважно“, puhtahashti или puhtahaldi „чисто“, vagovashti или vagovaldi „учтиво, вежливо“, tarkashti или tarkaldi „метко“, hienoshti или hienoldi „тонко“, ahtahashti или ahtahaldi „туго“, armahashti или armahaldi „ласково, приветливо“, kalleheshti или kalleheldi „дорого“, šagieshti или šagiel'di „густо“, unnakashti или unnakaldi „тускло“ и т. д.

М. М. Хямяляйнен

К ВОПРОСУ О ЧЕРЕДОВАНИИ СТУПЕНЕЙ СОГЛАСНЫХ В ПРОШЛОМ ВЕПССКОГО ЯЗЫКА

Чередование ступеней согласных имеет, точнее имело, очень важное значение в фонетической системе прибалтийско-финских языков. Оно свойственно всем этим языкам, за исключением вепсского и ливского. Это явление по фонетической линии и в настоящее время еще довольно сильно объединяет прибалтийско-финские языки, но объединяет как явление пережиточное. В современных прибалтийско-финских языках чередование ступеней согласных разрушается, разрушается даже в таких языках, как финский и эстонский, где эта традиция поддерживается литературным языком. Можно сказать, что это явление, несмотря на его распространенность, относится к прошлому прибалтийско-финских языков и, следовательно, является уже пережиточной категорией.

Постановка вопроса о чередовании ступеней согласных в прошлом вепсского языка не является новой. По этому поводу имеется относительно много высказываний. Еще в конце прошлого столетия финский лингвист Э. Н. Сетяля писал: „Вопрос, следовательно, состоит в том, является ли чередование долгих и кратких взрывных в какой-то мере показателем того, что это чередование когда-то зависело от открытости и закрытости слога. Я на этот вопрос хотел бы ответить утвердительно. Такие соотношения, как *ottab : otan*, *akk : akad*, *happan' : harata* и т. д., прямо указывают на это чередование. Мне не кажется слишком смелым утверждение, что долгие взрывные создавали границу для открытого слога, краткие входили в состав закрытого слога... Современное явление — результат выравнивания согласных“.¹

Таким образом, Э. Н. Сетяля, пусть и недостаточно смело, признает чередование ступеней согласных в прошлом вепсского языка. Во всяком случае, он не отрицает наличия этого чередования в прошлом.

Но Сетяля в этой работе был прав только частично. Происхождение чередования ступеней согласных в данном случае он увязывает только с открытостью и закрытостью слога.² В других работах³ он высказывал предположение, что первоначально чередование ступеней

¹ E. N. Setälä. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki, 1890—1891, s. 52.

² E. N. Setälä. Über quantitätswechsel im finnisch-ugrischen, 1896.

³ E. N. Setälä. Über art, umfang und alter des stufenwechsel im finnisch-ugrischen und samojedischen, 1912.

согласных регулировалось особенностями четных слогов. Надо отметить, что постановка вопроса о возникновении этого явления на основе четносложности — большая заслуга Сетяля. Но он не разработал до конца своих теоретических положений о чередовании ступеней согласных.

Финский профессор Л. Кеттунен пришел к совершенно другим выводам о происхождении чередования ступеней согласных не только в вепском, но и во всех прибалтийско-финских языках, чем, например, Сетяля. Кеттунен отрицает это явление в прошлом вепского языка и считает, что отсутствие этого чередования в вепском языке исключительно древнее явление. По его мнению, этот язык сохранил очень много черт древнего прибалтийско-финского языка-основы, в том числе и отсутствие чередования ступеней согласных. Вепский язык, согласно теории Кеттунена, оказался своего рода прибалтийско-финским „санскритом“.

Финский вепсолог проф. Э. Тункело в своих работах пришел к выводу о наличии чередования ступеней согласных в прошлом вепского языка. Но нельзя согласиться с его основными положениями о происхождении сильной и слабой ступени. Он также увязывает это явление с открытостью и закрытостью слога.¹

Из советских финноугроведов вопросами происхождения чередования ступеней согласных занимался только член-корреспондент АН СССР проф. Д. В. Бубрих. Он на конкретном материале — в основном финского, а также и других прибалтийско-финских языков — уточнил и развил дальше теоретические положения Сетяля о происхождении чередования ступеней согласных и описал историческое развитие этого интересного фонетического явления в финском языке. В историческом освещении возникновения чередования ступеней согласных Д. В. Бубрих исходит из положения, что слабая ступень возникала в двух случаях:

„Первый случай: *слабая ступень возникала перед гласным четного закрытого слога*. Из приведенных в предшествующем параграфе финских-суоми примеров сюда относятся: *ak + ka — a + kat* (из *ak + k + at*); *kat + to — ka + tot* (из *kat + t + ot*); *sep + pä — se + pät* (из *sep + p + ät*); *re + ki — reet*, раньше *re + et* (из *re + Get*); *pa + ta — pa + dat* (из *pa + Dat*); *haa + pa — haa + vat* (из *haa + Bat*).

Второй случай: *слабая ступень возникала также после гласного четного открытого слога*. Из приведенных в предшествующем параграфе финских-суоми примеров сюда относятся *maa + ta — mal + to + a* (из *mal + to + Da*); *saa + pi — an + ta + vi*, а потом *an + ta + Bi*“.²

¹ Финская наука не имела и не имеет единого мнения о происхождении чередования ступеней согласных. За последнее время этот вопрос в Финляндии встал на повестку дня и стал предметом оживленных обсуждений. Если до сего времени разногласия касались главным образом „возраста“ этого весьма своеобразного фонетического явления, свойственного только прибалтийско-финским языкам, — одни относят возникновение этого явления к эпохе финно-угорской или еще более ранней языковой общности, другие — к прибалтийско-финской, но все единодушно сходились на том, что чередование ступеней согласных является результатом внутреннего развития этих языков, — то за последнее время высказано предположение (проф. Л. Пости), что чередование ступеней согласных возникло в эпоху прибалтийско-финской языковой общности и является результатом влияния древнегерманского языка на прибалтийско-финские языки, с чем мы не можем согласиться.

² Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Госиздат КФССР, Петрозаводск, 1948, стр. 120. В дальнейшем при ссылке на эту работу будут указываться только страницы.

„Следует всячески подчеркнуть, — продолжает Д. В. Бубрих, — что, вопреки современному порядку вещей в финском-суоми языке, в положении перед гласным нечетного слога слабая ступень первоначально не возникала. Об этом свидетельствуют хотя бы ливвиковские диалекты карельского языка, где, например, при $gam+bi$ „хромой“ и $gam+mat$ „хромые“ мы находим $van+hem+bi$ „старший“ и $van+hem+bat$ (но не $van+hem+mat$), при $hän+dy$ „хвост“ и $hän+nät$ — $e+män+dy$ „хозяйка“ и $e+män+dät$ (но не $e+män+nät$), при $kiän+diä$ „повернуть“ и $kiän+nän$ ($>kiä+nän$) „поверну“ — $pal+men+dua$ „пасти“ и $pal+men+dan$ (но не $pal+men+nan$), при $kiel+diä$ „запретить“ и $kiel+län$ ($>kie+län$) — $pu+hal+dua$ „дунуть“ и $pu+hal+dan$ (но не $pu+hal+lan$), при $kier+diä$ „вертеть“ и $kier+rän$ ($>kie+rän$) — $ku+mar+dua$ „наклонить“ и $ku+mar+dan$ (но не $ku+mar+ran$). То, что мы находим в финском-суоми языке, — результат аналогического переноса употребления слабой ступени с одних случаев на другие: под влиянием $gam+ra$ „хромой“, $gam+mat$ „хромые“ возникло и $van+hem+pi$ „старший“ и $van+hem+mat$ и т. п.

Вполне вероятно, что начало аналогического переноса употребления слабой ступени из одних случаев в другие, столь широко развернувшегося в финском-суоми языке, относится еще к древнему прибалтийско-финскому времени.¹

В настоящей статье высказывается мысль, что в вепсском языке в прошлом существовало чередование ступеней согласных.

Приведем примеры, которые заставляют думать о былом чередовании ступеней согласных в вепсском языке.

Это — чередование старого s (или его отражения z , $ж$ и $ш$ в современном вепсском языке) с h . Это чередование очень часто почему-то в научной литературе просто забывают рассматривать как чередование ступеней согласных. Чередование ступеней согласных $s \sim h$ имеет место в словах такого типа, как $kirvez \sim kirvehd$ ($<kirvehed$) „топор“, $ägez \sim ägehed$ „борона“, $ahtaz \sim ahtihad$ ($<ahtahad$) „тесный“, $nagriž \sim nagrhed$ ($<nagrihed$) „пена“, $barbaz \sim barbhad$ ($<varbahad$) „палец ноги“, $karbaz \sim karbhad$ ($<karbahad$) „выдолбленная из осины лодка, карбас“ и т. д. Здесь старое s (с его современными разновидностями z , $ж$ и $ш$) чередуется с h в рамках второго закона возникновения слабой ступени в прибалтийско-финском языке-основе, а именно: *слабая ступень возникала в положении после гласного четного открытого слога*. Не может быть и речи о том, чтобы это явление было простым заимствованием из других прибалтийско-финских языков.

Известны также два случая, где древнее s (с его современными разновидностями) в современном языке чередуется с h в рамках первого закона появления слабой ступени, а именно: *слабая ступень возникала перед гласным четного закрытого слога*. Это — наречие $l'äzn$ „вблизи, поблизости“ (сильная ступень) и $l'ähetä$ (основа $l'ähendä$) „приблизить, приближать“, $l'ähenduz$ „приближение“ (слабая ступень). Эта слабоступенная форма имеет место и в словах $l'äheli$ „недалеко, близко“, $l'ähekäden$ „под рукой, близко“, хотя в них в современном языке второй (четный) слог и является открытым.

Такое чередование имеет место и в существительном mez' ($<*meesi < *meese$) — $mehen$.²

¹ Д. В. Бубрих. Там же, стр. 120, 121.

² Д. В. Бубрих отрицает в слове $mies \sim miehen$ чередование ступеней согласных в рамках первого закона чередования. Он пишет: „Слово $mies$ „мужчина“, парт. ед. ч.

Не приходится особенно сомневаться в том, что в указанных примерах не просто чередование $s \sim h$, а это именно бывшее чередование ступеней согласных.

В современном вепсском языке имеет место чередование ступеней согласных $b \sim v$ (более древнего $p \sim v < *B$) в суффиксе $-ba \sim -va$ ($< *pa, \sim -Ba, -Bā$).

Только былым чередованием $b \sim v$ (по линии чередования ступеней согласных) можно объяснить наличие суффикса $-va$ - (с разновидностью неслогового U) в основах таких притяжательных прилагательных, образованных от существительных, а также и наречий и существительных, как $t'era$ - ($t'ero$) „острый“, $t'erava$ s „быстро, скоро“ от существительного $t'era$ „острие, лезвие“, $p'ineva \sim p'in'va$ „вязкий, крепкий“ от существительного $p'ine$ - ($p'in'$) „липа, лыко“, $l'ihava$ - ($l'ihou$) „жирный, тучный“ от существительного $liha$ „мясо“, $kir'java$ - ($kirjo$) „пестрый“ от существительного $kir'ja$ - ($kir'j$) „узор, письмо“, $mel'eva \sim mel'va$ - ($mel'o$) „умный“ от существительного $mel'e$ - (mel') „ум, настроение“, $v'ag'eva$ - ($v'ago$) „сильный“ от существительного $v'ag'e$ - „сила“, $alava$ - (alo) „низменный“ от ala „низ“, $ozava$ - (ozo) „счастливый“ от oza „счастье“. К этой же группе слов, очевидно, относится и вепсское $harava$ - ($haro$) „грабли“ и связано, можно полагать, как и финское, со словом $hara$ „борона-суковатка“ (по-фински). К этой группе слов, безусловно, относится и вепсское $orava$ - (oro) „белка“. Не приходится сомневаться в том, что в суффиксе $-va$ - этих слов отражается историческое слабоступенное v , чередовавшееся в вепсском языке с сильноступенным $b (< *p)$. Это ярко подтверждается фактами ливского языка, где, как известно, чередование ступеней согласных также утратилось. Вепсскому слабоступенному $orava$ - (oro) соответствует ливское сильноступенное $uora'baz$ или $orab$, $vuorab$ или $vorabaz$, или вепсскому $l'ihava$ - ($l'ihou$) — ливское $liebi$, вепсскому $k'ir'java$ - ($k'ir'jo$) — ливское $kerabi$, вепсскому — $t'era$ - ($t'ero$) — ливское $tierab$.

Особенно показательными являются вепсское $orava$ - (oro) и ливское $orab$. Это отдельное, изолированное слово, и, таким образом, оно свободно от всяких воздействий аналогии. На это в свое время обратил внимание Э. Сетия в упомянутой уже работе.

К вышеприведенному присоединим еще примеры, которые, как нам кажется, объяснимы только былым чередованием ступеней согласных. В шимозерском говоре (средних вепсов) в именит. падеже ед. числа прилагательное и причастие $el'oU$ ($< el'aU < el'aY < el'avā < *elāBa$) „живой“ явно отражает в себе слабую ступень чередования ступеней согласных, а в косвенных падежах и наречных образованиях это слово выступает в сильной ступени: $el'āban$ „живого“, $el'ābalaz$

$miestā$, ген. множ. ч. $miesten$ при основе $miehe$ - сюда не относится. Это слово отражает влияние слов вроде $kirves$ „топор“, $kirvestā$, $kirvesten$ при основе $kirve(h)e$, а здесь чередование s и h возникло в рамках второго случая появления слабой ступени (h — после гласного четного открытого слога). Что это так, в том убеждает, между прочим, то, что будь это иначе, перед нами было бы не $mies$, а $miesi$ °. Там же, стр. 146.

Вепсский язык показывает, что в финском языке, как нам кажется, должно было быть $miesi$, а не $mies$, ибо в вепсском слове mez' „человек“ конечный согласный z' палатализован. Эта палатализация возможна только под воздействием i после z . Вепсское слово восходит к форме $mez'i < *meez'i < *meesi$.

Следовательно, чередование $mies$ ($< miesi$)~ $miehen$ возникло в рамках первого закона чередования ступеней согласных, а не в рамках второго закона, как указывает Д. В. Бубрих.

„живьём“. Существует точка зрения, что вепские слова с показателями слабой ступени заимствованы из других прибалтийско-финских языков, имеющих чередование ступеней согласных. Совершенно неестественно предполагать, чтобы вышеупомянутое слово в именит. падеже ед. числа (с показателем слабой ступени) было заимствовано из других прибалтийско-финских языков, а косвенные формы этого слова (с показателем сильной ступени) должны восходить к явлениям вепского языка. Совершенно естественным является объяснение, что слабая ступень (в прошлом, ибо сейчас в вепском языке нет ни сильной, ни слабой ступени) в слове *el'ou* в шимозерском диалекте сохраняется с тех пор, когда в вепском языке было чередование ступеней согласных. Это фонетически весьма возможно, так как слабоступенное соответствие — неслоговое *U* стоит в конце слова и не попадает отсюда в другие парадигмы. Что касается этого суффиксального *-b* других диалектов, где оно встречается во всех фонетических положениях (*el'ab*, *el'aban*, *el'abalaz*), то это явление нужно объяснить тем, что тут налицо морфологическое обобщение *b* во всех случаях после утраты чередования ступеней согласных вепским языком.

Финский исследователь прибалтийско-финских языков проф. Л. Кеттунен в своей работе о вепском языке¹ приводит примеры о происхождении причастия презенса на *-pa-*, *-ba-* и *-va-*, в одном из вариантов которого (на *-va-*) мы усматриваем оформление этого суффикса в слабой ступени. Л. Кеттунен пишет следующее по этому вопросу: „Форма *muštval* (также и *muštroU*, южновепск. *muštpaa*) зафиксирована во многих местах всех вепских говоров, но, наряду с ней, существует также форма с суффиксом на *-ma-*: *mustmaU* (сяргоз., средневепск.), *mušta-ma-lla* (ср., например, савок. ² *yön tietämissä* „ночью“), и это, очевидно, объясняет — так как в вепском языке вообще нет следов „слабой ступени“ — бытование в некоторых местах формы *muštval*, например, *minun muštval il'ishke mugosh' aigad* (Нойдл, средневепск.) „при моей памяти не было такого времени“. Возможно, что развитие шло *muštmal* (или *muštrpal*) > *muštval* (также можно предполагать развитие *p* > *m* под влиянием упомянутого *m*); возможно также, что прилагательные с суффиксом на *-va-* (*teräva-*, *kirjava-* и т. д.), в суффиксе которых *v* является прибалтийско-финским, оказывали аналогическое воздействие“.

С истолкованием Л. Кеттунена о происхождении *-va-* (*-ma* > *-va*) в случаях вроде *muštval* нельзя согласиться. Во-первых, в прибалтийско-финских языках существует два суффикса: *-ma-* (*-mä-*) и *-va-* (*-vā-*), как об этом говорит и Кеттунен, например, финск. *syntymä*, *elämä*, *kuolema*, *voima* „рождение“, „жизнь“, „смерть“, „сила“ и *syntyvä*, *elävä*, *kuoleva*, *voiva* „рождающийся“, „живущий“ и „живой“, „умирающий“ и „смертный“, „могущий“ или финск. *voimistella* „заниматься гимнастикой, спортивными играми“ первоначально „показывать силу, упражняться в показывании силы, играть силой“ и вепск. *boibist'uidas* „возиться, играть, делать выкрутасы, проводить время без работы“. Эти два суффикса (*-ma-* и *-va-*) могут иметь место в одних говорах *mušt-ma-l*, в других — *mušt-va-l*. Во-вторых, не было в прилагательных типа *teräva*, *kirjava* суффикса *-va* (*-vā*), а был чередующийся по ступеням согласных суффикс *-pa* ~ *-Ba* > *-va* (*-pā* ~ *-Bā* > *-vā*), и этот

¹ L. Kettunen. Vepsän lauseopillinen tutkimus. 1943, стр. 504.

² Савокское — восточнофинское наречие. — М. Х.

суффикс употреблялся весьма широко: в производных от существительных прилагательных и существительных и в разных глагольных образованиях.

Следовательно, мы приходим к такому выводу, что в вепсском языке суффикс *-pa-*, *-ba-* и *-va-* является одним и тем же суффиксом, и в варианте суффикса на *-va-* отражается слабая ступень чередования ступеней согласных в прошлом вепсского языка.

Нельзя согласиться с утверждением, что вся эта группа слов заимствована вепсским языком из других прибалтийско-финских языков, в которых имеет место чередование ступеней согласных. К таким выводам неизбежно нужно придти, если при объяснении возникновения чередования ступеней исходить только из закрытости или открытости слога, не принимая в расчет четносложности при слабой ступени и нечетносложности при сильной. Слабая ступень в вышеупомянутой группе слов объяснима только фактами самого вепсского языка. Это явление фонетично, и нет никаких оснований искать причины возникновения этого явления за пределами вепсского языка.

Во всех этих вышеупомянутых словах слабая ступень имеет место в положении после гласного четного открытого слога. При всех случаях склонения суффикс *-va* выступает после гласного четного открытого слога, и поэтому слабая ступень оставалась во всех случаях неизменной. Естественно, что в этих словах сохранилась слабая ступень.

Но в вепсском языке мы находим отражение этого слабоступенного *-va* в сильной ступени в форме *-b(a)* в отдельных бессуффиксных словах и суффиксах. Это сильноступенное *-b(a)* выступает в следующих случаях.

1) В отдельном бессуффиксном слове *l'eb* с основой *leba-* (*leerä*) „мало свитый, слабо скрученный (нить, веревка)“ показывает, что в этом слове сильноступенное *b*, а не просто *b*, так как в карельском и финском языках это слово звучит *lievä*. В этом слове второй слог при закрытости слога имел слабую ступень, в других случаях — сильную. В вепсском языке обобщалась сильная, в финском и карельском — слабая ступень чередования ступеней согласных, т. е. во всех этих языках утратилось чередование ступеней согласных.

2) В отглагольных прилагательных типа *el'äb(a-)* „живой“, *palab(a-)* „горячий, горящий“, *kazdab(a-)* „выращиваемый“, *raindab(a-)* „изгибаемый, макаемый“, *tutab(a-)* „знакомый“, *imetabad* „леденцы, карамель“, буквально „сосомые“ и т. д.

3) В прилагательных с суффиксом *-tab(a-)*; например: *muiktatab(a-)* „кисловатый“, *pit'kätäb(a-)* „длинноватый“, *hoikatab(a-)* „тонковатый“ и т. д.

4) В глаголе 3 лица, например, *el'äb* „живет“, *eläba(d)* „живут“, *s'öb* „ест“, *s'öb'a(d)* „едят“, *andab* „дает, даст“, *armastab* „любит“, *armastaba(d)* „любят“ и т. д.

Второй и четвертый случаи связаны с глаголом; с глагольностью, очевидно, связан и третий случай (случай с суффиксом *-tab(a-)* — *pit'kätäb(a-)* и т. д.), как и в финском языке в случаях типа *sinertävä* „синеющий, синеватый“. В этих примерах *b* является фонетичным только в четных слогах, но здесь оно (*b*) имеет место и в нечетных слогах, т. е. там, где должна быть не сильная, а слабая ступень. Но не надо забывать, что это глагольные и отглагольные образования, где влияние аналогии сказывается сильнее всего. И в данном случае обобщение сильной ступени можно объяснить воздействием аналогии.

В финском и карельском языках в аналогичных случаях обобщилась не сильная, а слабая ступень чередования ступеней согласных, за исключением глаголов финского языка с односложной основой, в форме 3-го лица не прошедшего времени (презент) — *subri*, *juori*, *saari*, в прилагательных — *saara*, *kaurä* и в существительном — *subrä*, в которых также отражается древняя картина чередования ступеней согласных.

Очень похоже, что отражение слабой ступени имеет место и в словах *lämmöl*, *lämmil*, *lämil* „огонь“ и *lämtt* „тепло, теплый, теплота“, в некоторых говорах это слово имеет также и сильноступенную основу *lämböl* (в Ярославичах, Винницк. района, Ленингр. обл.).

С точки зрения современного языка, в слове *lämttöl* второй слог является незакрытым, и следовало бы ожидать сильноступенную основу, но слова, оканчивающиеся на дифтонг, в котором вторым компонентом является неслоговое *i*, часто в языке трактуются, как слова с закрытым слогом. Ср., например, карельские (ливвиковские) *kukol* „петух“, *ukol* „старик“, *puutul* „попал“ и т. д.

Исключена возможность заимствования вепсами слова *lämttöl* (в слабоступенной форме) из других прибалтийско-финских языков по той простой причине, что там нет этого слова в значении „огонь“. Там другое слово — *tuli*.

Переход *lämböl* > *lämttöl* можно объяснить и не только чередованием ступеней согласных. Возможно, что тут имеет место просто ассимиляция согласных.

В слове *äkkid'* „вдруг, внезапно“ несомненно отражается сильная ступень. Что в данном слове отражается бывшее чередование ступеней согласных и отражается сильная ступень, показывают финские слова *yhtäkkiä* „вдруг“, *äkesti* „вдруг, быстро“, собственно-карельское слово *äg'ieh* „быстро“.

В слове *äkk'id* сильная ступень фонетична, ибо исторически второй слог был открытый: < **äkkiDa*.

Как слово *lämttöl*, отражающее, как нам кажется, в себе слабую ступень чередования ступеней согласных, так и слово *äkkid*, отражающее в себе, безусловно, сильную ступень, являются особенно ценными показателями бывшего чередования ступеней согласных в том отношении, что они являются отдельными, изолированными словами и свободны от воздействия аналогии.

Очень похоже, что в таких глагольных формах, как *l'ikkuda* „медленно, еле двигаться“, *l'ikutel'in'* „двигал, шевелил“, в одном случае сильная ступень, в другом — слабая. Ср. эти случаи с финским или карельским *liikkua* ~ *liikuttelin*.

Похоже на то, что бывшее чередование ступеней согласных обнаруживается и в словах *chokkolda* и *chokalta* „втыкать“ и „воткнуть“, *l'ykk'ida* и *l'yk'alta* „бросать, кидать“ и „бросить, кинуть“. Ср. эти слова с карельским *chokkie* — *chokata*, *l'ykkie* — *l'ykata*. Интересно отметить *pelvittuda* „загорать на солнце“ и *pelvit'ez* „загар“. Весьма правдоподобно, что тут налицо бывшее чередование.

Интересно также отметить целую группу слов с геминатами *kk*, *tt*, *pp*, независимо от открытости или закрытости слога. Это слова, в основе которых имеют место губные гласные *o*, *u*, *y*; например: *pukkuuda* „спать“ *pukkutada* „усыплять“, *pukkund* „спанье“, *kukkuuda* „куковать“, *kukkud* „кукуешь“, *kukkund* „кукование“, *l'ykk'in* „бросал, кидал“, *l'ykk'ib* „бросает, кидает“, *p'okk* „клюв“, *p'okkad* „клювы,

клюва“, *p'okk'ida* „клевать“, *p'okk'id'* „клюешь“, *skokk'ida* „прыгать“, *skokk'ib* „прыгает, скачет“, *r'ippuda* „висеть“, *r'ipputada* „повесить“, *r'ippud* „висишь“, *t'ipp* „капля“, *t'ippalta* „капнуть“, *t'ippuda* „капать“, *t'ipputada* „накапать“, *hyppähtada* (*hyppästada*) „прыгнуть“, *s'yttutada* „зажечь, зажигать“, *s'yttuda* „зажигаться, зажечься“, *hyppänzoitta* „заставлять прыгать“, но *hyppädamol* (возвратная форма от *hyppähtada* „я прыгаю“).

Уместно напомнить, что эти слова имеют чередование ступеней согласных в прибалтийско-финских языках. И здесь кажется правдоподобным такое предположение, что в этих случаях, в результате утраты чередования ступеней согласных, в вепсском языке произошло выравнивание согласных и утвердился сильноступенная основа.

Приведенные выше примеры являются общими для всех наречий вепсского языка. Еще более интересные случаи о следах чередования ступеней согласных представлены в отдельных диалектах и говорах вепсского языка.

В вышеупомянутой уже работе Сетяля приводит примеры из шелтозерских говоров вепсского языка, которые, безусловно, увязываются с чередованием ступеней согласных.

Сетяля отмечает, что в словах *akk* (<*akka), *ukk* (<*ukko), *glupp* (<*gluppa) геминаты *kk*, *pp* конца слога переходят в краткие *k*, *p*, оказавшись в начале слога, например, *akan*, *ukon*, *glupan*; также имеют место геминаты *kk* в таких словах, как *kukkar* (<*kukkaro), *ikkun* (<*ikkuna), *hattar* (<*hattara). Но, вместе с тем, налицо *kukrod*, *iknad*, *hatrad*, хотя и ожидалось бы, с точки зрения чередования ступеней согласных, *kukkarod*, *ikkunad*, *hattarad* (<*kukkarod, <*ikkunad, <*hattarad).

Можно предполагать, что геминаты *kk*, *tt* в этих случаях сократились перед гласными после того, как законы чередования ступеней согласных перестали действовать.

Это предположение подтверждается такими примерами, как наличие геминат *pp*, *tt* в словах *l'ipphad*, *m'atthad* (<*l'ippahad, <*m'attahad) в одних говорах того же шелтозерского диалекта и *l'iphad*, *m'athad* — в других говорах того же диалекта.

К этим примерам мы прибавим еще целый ряд случаев из шелтозерского наречия вепсского языка, в которых очень ярко обнаруживаются факты былого чередования ступеней согласных в вепсском языке. Только наличием былого чередования ступеней согласных можно объяснить такие факты, как *rapp'* (<*rappi) ~ *rap'in* „поп, попа“, *vicc* (<*vicca) ~ *vican* „прутик, прутика“, *mec* (<*messa) ~ *mecan* „лес, леса“, *oss* (<*ossa) ~ *osan* „лоб, лба“. В глаголе это бывшее явление еще более ярко выражено, например, *tac'in'* ~ *tac'icib* (<*tac'c'ibi) „бросаю, кидаю“, „бросаешь, кидаешь“, *i'icen* ~ *i'ic'ob* (<*i'ic'obi) „давлю, нажимаю“, *tapan* ~ *tappab* (<*tappabi) „молочу, молотишь“, *chapen* ~ *chappab* (<*chappabi) „рублю, рубишь“, *otan* ~ *ottab* (<*ottabi) „беру, берешь“, *s'otan* ~ *s'ottab* (<*s'ottabi) „кормлю, кормит“, *katan* ~ *kattab* (<*kattabi) „накрываю, покрою — накрывает, (по)кроет“, *poltan* ~ *polttab* (<*polttabi) „жгу, жгут“.

Интересно, что под воздействием аналогии появилось чередование согласных в глаголе (напоминающее чередование ступеней согласных), которое исторически не явилось и не является в настоящем чередованием ступеней согласных, например, *k'yzyn* ~ *k'yzub* „прошу, просит“, *p'azun* ~ *p'azzub* „попаду, попадет“, *t'edan* ~ *t'eddab* „знаю,

знает“, *vedan ~ veddab* „веду, тяну, везет, тянет“. В данном случае появилась геминация. И она, без всякого сомнения, появилась под воздействием аналогии с чередованием ступеней согласных в словах с двусложной основой с открытым вторым (четным) слогом.

О чередовании ступеней согласных заставляют думать такие факты, когда в одних наречиях отдельные слова имеют сильноступенную основу, в других — слабоступенную. Например, в одних наречиях будет *kohtenda-* „чинить, править, поправить“, *kaḥsa* „восемь“, *uḥsa* „девять“ (восходит к сильноступенной основе), а в других наречиях *kohenda-*, *kaḥesa*, *uḥesa* (восходит к слабоступенной основе).

Очень трудно предполагать, чтобы эти слова в слабоступенной основе были одними наречиями заимствованы из других прибалтийско-финских языков, имеющих чередование ступеней согласных. Эти слова выступают во всех говорах вепсского языка, — в одних с сильноступенной основой, в других — со слабоступенной. Совершенно неестественным кажется, чтобы в одних наречиях эти слова были заимствованы, а в других нет.

Если исходить при объяснении сильноступенной и слабоступенной основы этих слов из того положения, что в вепсском языке существовало чередование ступеней согласных, то сильноступенность этих слов в одних наречиях и слабоступенность в других получает самое естественное объяснение.

В вепсском языке имеются случаи фонетического порядка, которые косвенно указывают на бывшее чередование ступеней согласных. Мы имеем в виду некоторые закономерности отпадения гласных в конце слова и перехода глухих согласных в звонкие или неперехода их в звонкие согласные при одинаковых фонетических условиях (в современном языке). В вепсском языке конечные гласные не отпадают только в том случае, если слово двусложное и первый слог (исторически) открытый и краткий, например: имена существительные *kaṇa* „курица“, *kalu* „палка“, *iḥa* „самец“, *keza* „лето“, *koḍ'i* „дом“, *k'iv'i* „камень“, *rajo* „песня“, *kala* „рыба“, *hebo* „лошадь“ и т. д. Во всех остальных случаях конечные гласные выпадают. Исключениями являются только имена *t'in* (<*t'ina) „олово“, *hul* (<*hula) „горячий, кипяченый“, *hug* (<*huga) „левый“, но и они вполне объясняются воздействием аналогии. В них выпадение произошло под воздействием слов типа *l'in*, *l'iin* (<*l'iina) „конопля“, *hul'*, *huUl'* (<*huUl'i) „губа“, *sur'*, *suUr'* (<*suUr'i) „большой“. Эти слова являются двусложными и первый слог является открытым, но исторически в них первый слог был бы долгий во всех говорах, а не только в некоторых, как это сейчас имеет место. Отпадает конечный гласный в конце слова, если в слове больше двух слогов, например, *iḥand* (<*iḥanda) „хозяин“, *imel* (<*imela) „солодовый“, *hahkatab* (<*hahkataba) „сероватый“ и т. д.; отпадает он в двусложных основах, если первый слог долгий (исторически) или в первом слоге дифтонг, или если он закрытый, например, *suUr'*, *sur'* (<*suUr'i) „большой, великий“, *p'en* (<*peen'i) „маленький“, *nor'* (<*noor'i) „молодой“, *por* (<*poora) „веревка“, *polg* (<*polga) „сын“, *taln* (<*talna) „веретено с пряжей“, *m'arg* (<*m'argā) „мокрый, сырой“, *h'arg* (<*hārgā) „бык, вол“, *tagl* (<*tagla) „мозоль“, *m'agr* (<*m'āgrā) „барсук“, *lahk* (<*lahko) „толстая доска“ и т. д. В этой связи очень интересными являются слова такого типа, как *ak* „жена, женщина, баба“, *uk* „муж, мужчина, мужик“, *lor* „конец“, *os* „лоб“, *vas* „живот, брюхо“. Отпадение конечных гласных

объяснимо только тем, что первый слог должен был быть когда-то закрытым, т.е. в середине слова должны были быть геминаты *kk*, *pp*, *ss*, следовательно, *akka*, *ukko*, *lorri*, *ossa* и т.д. Это положение подтверждают и некоторые говоры шелтозерского диалекта, где имеются *akk*, *ukk*, *lorr*, *oss* (<**akka*, <**ukko*, <**lorri*, <**ossa*).

Это фонетическое явление — косвенное доказательство былого чередования ступеней согласных.

В этом же аспекте надо рассматривать и положение звонких *g*, *d*, *b* и глухих *k*, *t*, *p* между гласными, перед и после звонких согласных в середине слова и после звонких согласных и гласных в конце слова. При одинаковом фонетическом окружении (в современном языке) в одних случаях имеется наличие звонких *g*, *d*, *b*, а в других — глухих *k*, *t*, *p*. С одной стороны, *m'arg* „мокрый, сырой“, *h'arg* „бык, вол“, с другой, *tark* „аккуратный“, *verk* „сети“; с одной стороны, *rag* „прут“, *roUg* „стручок“, *rolg* „сын“, *alg* „время“, с другой, *g'ak* „жара, марь“, *roUk* „плата, заработок, вознаграждение“, *pulk* „щепка, заноза“, *kalk* „все, весь, вся, всё“; с одной стороны, *taba* „нрав, характер“, *huba* „худой, плохой“, *s'eba* „ворот рубашки, сорочки“, *hob* „войлок“, *soUb* „засов“, с другой, *tapa* „молочу“, *s'er'ad* „дрожжи, кузнецы“, *lor* „конец“, *kor* „яма“; с одной стороны, *ald* „изгородь, забор“, *loUd* „доска“, *pold* „знахарь“, *vedab* „ведет, тянет“, *t'edab* „знает“, *kezerdab* „придет“, с другой, *katab* „покрывает“, *jatab* „оставит, покинет“, *imetab* „кормит грудью“.

Наличие звонких и глухих согласных в вепском языке при их одинаковом фонетическом окружении необъяснимо фактами современного языка. Исторически звонкие согласные *g*, *d*, *b* между двумя гласными или между гласными и звонкими согласными или между согласными и гласными и в исходе слова после гласных или звонких согласных возникали из кратких *k*, *t*, *p*, короче говоря — они ассимилировались в окружении звонких звуков. Глухие согласные *k*, *t*, *p* в таком же фонетическом окружении возникли из геминат *kk*, *tt*, *pp*.

Эти различия в употреблении звонких и глухих согласных при одинаковом фонетическом окружении также являются косвенным доказательством былого чередования ступеней согласных в вепском языке.

На основе всего вышесказанного можно прийти только к такому выводу, что в вепском языке существовало чередование ступеней согласных.

При объяснении более ранней ступени развития чередования ступеней согласных надо исходить из четносложности для слабой ступени и нечетносложности слога для сильной ступени. Это дает ключ к пониманию более древней картины этого важного фонетического явления всех прибалтийско-финских языков.

Зависимость слабой ступени только от закрытости слога развилась позднее. Обобщение слабой ступени при закрытом слоге во всех слогах слова развилось по аналогии со слабой ступенью при закрытом четном слоге.

* * *

Былое чередование ступеней согласных в вепском языке вряд ли можно отрицать. Что касается конкретных путей исчезновения этого явления, то нужно сказать, что этот вопрос требует специальных исследований.

Наличие чередования ступеней согласных в прошлом вепсского языка показывает, что он, как и ливский язык, не отличается от всех остальных прибалтийско-финских языков и по этому важному фонетическому явлению. Это бывшее чередование ступеней согласных в вепсском языке доказывает, что прибалтийско-финскому языку-основе было свойственно чередование ступеней согласных.

Исторические корни чередования ступеней согласных относятся, как об этом писал Д. В. Бубрих, а также и Э. Сетяля, к седой древности прибалтийско-финского языка-основы, или, возможно, к еще более древнему времени, и возникло это явление в недрах этого языка по законам внутреннего развития.

Н. А. Анисимов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ-КАРЕЛ ФИНСКОМУ ЯЗЫКУ

Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ нанес сокрушительный удар марризму, вывел советское языкознание из состояния застоя, положил глубокое начало в перестройке преподавания языков в школе.

Известно, что вредное влияние марризма широко проникло в школу. В постановке преподавания языков в школе игнорировалась грамматика, т. е. сама основа для познания языка, познания его законов. Внимание преподавателей и учащихся сосредоточивалось на фантастических толкованиях значений слов на основе так называемого марровского семантического закона, семантических „пучков“, без учета фонетики, морфологии и истории того или иного языка. Правда, признавались фонетические переходы, но все фонетические явления, вся история фонетического развития сводилась к пресловутым четырем элементам, к так называемым четырем якобы первоначальным звуковым комплексам, к которым и подгонялось все многообразие звуков всех языков. Таким образом, любое слово можно было свести к какому угодно слову из какого угодно языка.

Все это, по существу, вело к подрыву преподавания языков в школе с точки зрения подлинного овладения языком, его орфографией и правилами грамматики. Больше того, у детей воспитывалось порочное нигилистическое отношение к языку, в особенности к грамматике.

Раскрывая характерные особенности языка как общественного явления, рождающегося и развивающегося вместе с обществом, И. В. Сталин указывает, что сущность специфики языка, его основу, составляют грамматический строй и основной словарный фонд, что все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка, однако словарный состав, взятый сам по себе, не составляет еще языка, а скорее всего является строительным материалом для него. „Но, — пишет И. В. Сталин, — словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер. Грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Следовательно, именно благодаря грамматике язык получает

возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку".¹

Отсюда ясно, что подлинное знание языка, умение правильно пользоваться могучим средством слова возможно только при накоплении у учащихся словарного запаса и твердого усвоения правил грамматики.

Обе эти важные стороны языка особенно трудно усваиваются учащимися тогда, когда изучаемый язык имеет, наряду со сходством, различные особенности, отличающие его от родной для детей речи.

От учителя в этом случае требуется большое педагогическое мастерство и великолепное знание как преподаваемого им языка, так и родного языка обучающихся детей, чтобы дать твердые знания и привить им любовь к изучаемому языку.

В школах Карело-Финской республики литературный финский язык введен не только для финнов, но и для карел. Хотя финский и карельский языки являются родственными, тем не менее, между ними имеются и различия. Особенно сильно эти различия наблюдаются в ливвиковском и людиковском диалектах карельского языка. Поэтому усвоение финского языка для карела-ливвика и карела-людика представляет свои трудности, которые должны внимательно и тщательно учитываться преподавателем финского языка в школе.

Карельский язык по своему словарному составу и по своему грамматическому строю не является совершенно однородным — в нем имеются довольно значительно отличающиеся друг от друга три диалекта: собственно-карельский, ливвиковский и людиковский. В каждом диалекте, кроме того, различаются еще отдельные говоры, тоже в той или иной мере отличающиеся друг от друга. Таким образом, карельский язык представляет собой довольно пеструю картину.

По отношению к литературному финскому языку карельские диалекты и говоры стоят не одинаково близко. Ближе всего к нему стоят северные говоры собственно-карельского диалекта, несколько дальше отклоняется ливвиковский диалект и дальше всех диалект людиков. Близость эта определяется тем, как много общностей в словарном составе, в грамматическом строе отдельного диалекта с литературным финским языком.

Каждый диалект и каждый говор характеризуется своими языковыми особенностями. Особенности эти представляют собой не какие-либо случайные явления, они вполне закономерно выработались на протяжении длительного периода времени, прошли долгий путь развития в каждом отдельном случае по своим определенным внутренним законам.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Если у карел в одном месте мы встречаем таа „земля“ (как и в финском литературном языке), в другом тиаа, в третьем тоа, в четвертом тоо, то это вовсе не случайное явление, а результат длительного развития, происходившего в каждом отдельном диалекте по своим

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 23—24.

внутренним законам. Также не случайно, что в финском литературном языке мы имеем *ahtas* „тесный“, а в карельском, в том же значении, *ahtas, ahas, ahash* — это тоже результат длительного развития, происходившего в каждом отдельном диалекте по своим внутренним законам. Примером результата длительного действия неодинаковых законов внутреннего развития является, хотя бы, форма глагола 2 л. множ. числа прошедшего времени изъявительного наклонения. Если для примера взять глагол „(вы) сказали“, то в карельском языке мы найдем по крайней мере семь разновидностей этой формы: 1) *sanoitta*, 2) *sanuit*, 3) *sanoitto*, 4) *sanuiite*, 5) *sanuiitto*, 6) *шапоја*.

Особенности карельских диалектов и говоров, имеющие за собой долгую историю своего развития, укрепившиеся среди отдельных групп населения, проявляют свою устойчивость в основном словарном фонде, а главным образом в грамматике. Фонетические особенности имеют большое значение. Они часто изменяют слово до неузнаваемости: *шаи — savvu* „дым“, *d'уошша — juosta* „бежать“, *aivoин — aijoi* „рано“, *pität — pitkät* „длинные“, *it'en — itken* „плачу“ и т. д. Эти особенности при обучении финскому языку необходимо учитывать.

Диалектные устойчивые особенности представляют собой в одних случаях прекрасный готовый материал при обучении детей-карел финскому языку и грамоте на финском языке, если слова и грамматические формы карельского языка полностью совпадают со словами и грамматическими формами финского языка. Опираясь на такой готовый материал, можно плодотворно строить учебную работу. В других случаях языковые особенности являются немалым препятствием, задерживающим дело обучения. Учитель в своей практической работе в школе на первых порах сталкивается и с теми, и с другими явлениями. Он видит, что в одних случаях ученики свободно понимают его, в других случаях совершенно не понимают, в третьих — понимают неправильно, не так, как следует; в одних случаях литературно правильно произносят слова, в других случаях неправильно и т. д. и т. п. Разбираясь в причинах такого явления, учитель приходит к неизменному выводу, что все дело заключается в особенностях местного говора. Отсюда он должен поставить перед собою первоочередную задачу — разобраться в этих особенностях. Ясность в этом вопросе поможет ему в дальнейшем правильно строить педагогическую работу, поможет избавить себя и учеников от лишних неприятных явлений. С этой точки зрения комплектование школ учителями — уроженцами данной местности было бы весьма целесообразно.

Из опыта в прошлом можно сказать, что лучшая успеваемость по финскому языку наблюдалась в тех школах, в которых учитель не проходил мимо особенностей языка детей и, учитывая эти особенности, разными способами старался делать так, чтобы дети понимали все, что говорится в школе. Такие учителя знали заранее, что нужно на уроке объяснять ученикам, что им понятно без каких-либо объяснений, что может быть понято неверно и т. д. Если в ходе урока предстоит иметь дело с выражениями *tyttö lukee* „девочка читает“, *koira haukkuu* „собака лает“, *talvi tuli* „зима пришла“ и пр., учитель обратит основное внимание на правильность произношения, зная, что эти выражения по значению детям понятны без особых объяснений. Если же предстоит иметь дело с выражениями *äiti nukkuu* „мать спит“, *mummo kutoo sukkia* „бабушка вяжет чулки“, *karhu ja kettu* „медведь и лиса“, учитель заранее знает, что слова *äiti, mummo,*

karhu детям (ливвикам) будут непонятны, что слово pikkuih дети поймут как „дремлет“, а не как финское „спит“, слово kettu дети поймут как „пенка, пленка на молоке“, а не как финское „лиса“. Исходя из этого, учитель планирует свой урок.

Иначе дело обстоит у учителей, мало считающихся с родным языком детей. Они не знают, с чем встретятся на уроке, и лишь в ходе урока обнаружив, что ученики не понимают учителя, начинают давать многословные объяснения. Однако от этого многословия пользы мало. Дело улучшится только тогда, когда учитель на практике убедится, что нужно изменить метод работы. И еще хорошо, если учитель скоро перестроит работу, иначе падает успеваемость, ухудшается дисциплина и пр.

Должно быть совершенно ясно, что к обучению детей-карел грамоте на финском языке нельзя подходить точно так, как можно и как следует подходить к обучению грамоте на родном для ученика языке, на том языке, на котором говорят в его семье, говорят соседи и все окружающее население, на котором до школы говорил ученик. Игнорировать родной язык ученика и вовсе не принимать его во внимание было бы неправильно, это тормозило бы школьную работу.

Карельский язык, при всем своем родстве с финским, имеет не только общие с ним языковые явления, но и различающиеся, а подчас и резко различающиеся или совершенно отличные.

Слова финского и карельского языков частично одинаковы по произношению и по значению. В другой своей части они более или менее отличаются по произношению, но имеют общее значение. И в несравненно большей части они являются словами совершенно различными. Например, мы видим много схожего между финским antaa и карельским antaa „дать“, между финским ottaa и карельским ottaa „взять“, между финским neljä и карельским nel'ei'i „четыре“, между финским jänis и карельским jänöl „заяц“, между финским varis и карельским varol „ворона“ и т. д. (примеры в основном везде приводятся из ливвиковского диалекта).

Неизвестными, чужими для карел-ливвиков будут финские слова äiti вместо кар. tата „мать, мама“, isä вместо кар. tata „отец, тятя“, mummo вместо кар. baba „бабушка“, aurinko вместо кар. päiväine „солнце“, pöytä вместо кар. stola „стол“, lasi вместо кар. st'oklu „стекло“, ovi вместо кар. uksi „дверь“, sika вместо кар. роччи „свинья“, karhu вместо кар. kondii „медведь“, susi вместо кар. hukku „волк“, aami вместо кар. huondes „утро“, iso вместо кар. suUri „большой“, uuni вместо кар. раччи „печка“, useasti или usein вместо кар. ruaksuh „часто“, sääski вместо кар. чакку „комар“ и т. д.

Финский и карельский языки имеют не только много общих слов, но также много общих грамматических форм и фонетических явлений. Однако между ними довольно много и различий. Так, карельский язык в большинстве говоров различает шипящие и свистящие звуки, знает глухие и звонкие согласные, знает мягкие согласные, а в финском языке шипящие и свистящие отсутствуют, не употребительны и мягкие согласные, весьма редки в употреблении звонкие согласные и т. д. В том и другом языке большинство согласных могут быть краткими и удвоенными. Дифтонги имеют место как в финском, так и в карельском языке, где они употребляются еще более широко. Деление слова на слоги, ударения, гармония гласных идут по одному

принципу. Встречаются общие явления в склонении имен и спряжении глаголов, но и различных моментов довольно много. Словообразование осуществляется по общим принципам, причем имеется ряд общих словообразовательных суффиксов и т. д.

Приведем в качестве образца некоторые слова, являющиеся общими для литературного финского и карельского языков:

ahven	„окунь“	liha	„мясо“
airo	„весло“	lohi	„лосось“
aleta	„понижаться, спускаться“	maha	„живот, брюхо“
armas	„дорогой, милый, любимый“	mennä	„идти (туда), отправиться“
arvata	„отгадать, разгадать“		и пр.
avain	„ключ“	meri	„море“
avata	„открыть“	mieli	„ум, разум, мысль“
erota	„отделиться, развестись“	minä	„я“
eräs	„некто, нечто, некоторый“	nenä	„нос“
eväs	„провизия (в дорогу)“	nuori	„молодой“
jauho	„мука“	nuorehko	„молодоватый, довольно молодой“
jouhi	„конский волос“	oja	„канавка, ров, ручей“
juon	„я пью“	olen	„я есть“
juot	„ты пьешь“	olla	„быть“
juuri	„корень“	oma	„свой“
järvi	„озеро“	paha	„нехороший, плохой“
kala	„рыба“	paikata	„наложить заплату“
kana	„курица“	paja	„кузница“
kaste	„роса“	paju	„ива“
kieli	„язык“	panna	„класть, положить“
kivi	„камень“	pino	„поленница (дров)“
kirves	„топор“	puikko	„заноза“
kuu	„месяц“	riihi	„рига“
kuuluu	„слышится, слышно“	sana	„слово“
lahti	„залив“	sinä	„ты“
lammas	„овца“	sormi	„палец (руки)“
lastu	„щепка“	sula	„талый“
lehti	„лист“	suu	„рот“
lapsi	„дитя, ребенок“	talvi	„зима“
leski	„вдова, вдовец“	terä	„лезвие“
		tuuli	„ветер“ и т. д.

В приведенных словах их фонетический состав, произношение и основное значение совершенно одинаковы для литературного финского и карельского языков (ливвиковский диалект). Это родные, известные детям слова, находящиеся у них в повседневном употреблении. Это тот готовый языковой материал, с которым ученик впервые приходит в школу, который должен служить опорой в учебной работе учителя, особенно в первый период учебы.

Известные трудности обучения детей представляет очень большая группа слов, имеющих в финском литературном и карельском языках одинаковое значение, но по звучанию различающихся в большей или меньшей степени. Различия касаются многих фонетических явлений: неодинаковое оформление конца слова в номинативе единственного числа, замена глухих согласных звонкими, твердых мягкими, неоди-

наковое произношение и различное употребление сложных гласных и пр. Приведем некоторые примеры:

финск. карельск.

aalto — aldo	„волна“
ahava — ahau	„весенний свежий ветер“
aika — algu	„время“
ainoa — ainavo	„единственный“
aisa — aižu	„оглобля“
aita — aidu	„забор, изгородь“
apu — abu	„помощь“
ajaa — ajua	„гнать, ехать“
antaa — andua	„дать“
apaja — abai	„тоня“
auttaa — avvuttua	„помогать“
elää — eliä	„жить“
emäntä — emändy	„хозяйка“
harmaa — harmai	„серый, седой“
jalka — jalgu	„нога“
jänis — jändi	„заяц“
karpalo — guarbalo	„клюква“
koira — koiru	„собака“
kaataa — kuadua	„валить“
korvo — korvoi	„ушат“
käki — kädgi	„кукушка“
kesä — kezä	„лето“
koura — kobru	„горсть“
kuiva — kuivu	„сухой“
laina — laihiu	„долг, заем“
lavitsa — lauuchu	„скамейка“
leppä — leppy	„ольха“
matala — madal	„неглубокий, низкий“
metso — mechoi	„глухарь“
mustikka — must'oi	„черника“
myynti — myöndy	„продажа“
nauraa — nagraua	„смеяться“
nauru — nagro	„смех“
paljas — pal'tas	„голый“
pokka — n'uokku	„клюв“
nokkia — n'uokkie	„клевать“
rampa — rambu	„хромой“
repo — reboi	„лиса“
saada — suaja	„получить“
selkä — selgy	„спина“
silmä — silmy	„глаз“
silta — sildu	„мост“
sokea — sogei	„слепой“
taakka — takku	„ноша“
teeri, tieri — tedri	„тетерев“
tikka — t'ikku	„дятел“
uni — un'i	„сон“
vaahlo — vuahti	„пена“
ääni — läni	„голос“
varis — varoi	„ворона“ и т. д.

В этом списке (его можно было бы продолжить) нет ни одного слова, произношение которого у ливвиков совпадало бы с литературным произношением на финском языке. Встречаясь с такого рода словами, учитель все внимание должен сосредоточить на изжитии диалектных особенностей речи учащихся и на внедрении правильного литературного произношения (от этого потом во многом будет зависеть орфография). Работа эта кропотливая, требующая времени и беспрепятственного внимания.

Учитель должен терпеливо исправлять речь учащихся, показывать образец правильного литературного произношения, не уставать требовать от учеников повторения и повторения. Вдумчивая, терпеливая настойчивость не замедлит принести хорошие результаты. Работа облегчается тем, что тут придется иметь дело со словами, похожими на родные и обозначающими знакомые понятия.

Из всех лексических расхождений между литературным финским языком и диалектом ливвиков наибольшего внимания к себе требуют случаи, когда одинаковые или близкие по звучанию слова имеют различное значение. Это слова такого порядка, как например: ehättää — финск. „спешить“, кар. ehättiä „перевезти“ (на лодке и пр.); по-карельски „спешить“ — kiirehtiä или huol'ittua; kaikesti — финск. „всегда“, кар. kaikesti — „всячески, всяко, на всякий лад“; по-карельски „всегда“ — ainos или aivon; kalma — финск. „смерть“, кар. kalmu „могила“; по-карельски „смерть“ — surmu и т. д. Как видно из приведенных примеров, значения слов в карельской и финской лексике разошлись. Перед учителем стоит серьезная задача — привить иное понимание слова. Вместо карельского значения ученику надо запомнить финское значение или известные слова заменить другими, имеющими иное значение словами. Ученик знает слово karku „ярка, неоятвившаяся молодая овца“. Теперь же ему нужно словом karku называть уже не „ярку“, а „бегство, побег“ и запомнить слово в этом значении. Изменение значения известных, привычных слов — дело не такое легкое и требует многократных, терпеливых повторений. Нужно, чтобы учитель особо занялся подбором таких слов, которые одинаково произносятся, но имеют разное значение. Вдобавок к приведенным выше словам дадим еще несколько, с которыми учитель неизбежно встретится: ankuri „якорь“, кар. „большой рыболовный крючок“, tuhma „глупый, бестолковый“, кар. „некрасивый“; pisto „укол, укус“, кар. „закол (забор в воде для ловли рыбы)“, haukku „лай, тьяканье“, кар. „ястреб“, hillo „варенье“, кар. „хлеб, крошенный в уху, суп, молоко и пр.“, karju „боров“, кар. „стадо“, „крупный“ (горох и пр.); kauhu „ужас, страх“, кар. „ковш“; hako „хвойная ветка“, кар. hago „гнилое дерево“, ruskea „коричневый“, кар. ruskei „красный“, nukkuu „спать“, кар. nukkuo „дремать“; poltin „горелка“, кар. „полтинник“, toga „ссора, перебранка“, кар. „драка“; tapella „драться, биться“, кар. „убивать“; työntää „толкать“, кар. työntää „отпустить, выпустить, послать“; uska „кашель“, кар. usku „охапка“ и т. д.

Большого внимания к себе требуют случаи, когда знакомое, привычное для ученика слово приходится заменять новым, незнакомым ему словом. Например, кар. räiväine, финск. aurinko „солнце“, кар. huondes финск. aamu „утро“, кар. mama, muamo, финск. äiti „мать, мама“; кар. tata, tuatto, финск. isä „отец“; кар. d'ad'a, d'iad'o, финск. setä, eno „дядя“, кар. huovi(s), финск. halpa „дешевый“, кар. oraine, финск.

naskali „шило“; кар. syöttö, финск. liego „дождевой червь“; кар. ehty, финск. ilta „вечер“; кар. kazvain, финск. syylä „бородавка“; кар. куп'н'ys, финск. kōnkäs „порог“, кар. oigei, финск. suoga „прямой“; кар. salvat, финск. sulkea „закрывать“ и пр.; кар. p'ielus, финск. туупу „подушка“; кар. kurgitchi, финск. kesakko „веснушка“; кар. шiiloi, финск. pokkopen „крапива“; кар. äiju, финск. paljo „много“ и т. д.

Здесь речь идет тоже об изменении словаря учащихся, но дело облегчается тем, что тут нет путаницы привычных, знакомых слов и понятий. От ученика требуется, чтобы он запомнил новое слово (для него иноязычное) и заменил им свое, привычное. Здесь не нужно будет применять особой методики, чтобы он в дальнейшем „охапку“ не называл „кашлем“, „ковшиком“ — „страхом“ и т. д.

С первых же дней обучения в школе учителю придется заняться расширением словаря учащихся неизвестными словами, обозначающими новые для учеников понятия. Имеется в виду, главным образом, всякая терминология, и в первую очередь грамматическая, как tavu, lause, viiva, kerake, ääntiö и т. д. и т. п. Карельский язык, как бесписьменный, не имел и не имеет своей грамматической, научной и другой терминологии, и ученик в первую очередь должен усвоить необходимые термины. Кроме того, карельский язык с давних пор впитывал в себя и продолжает впитывать русские слова. Таких заимствований из русского языка очень много. В финском же языке вместо этих слов бытуют свои, выработанные внутри своего языка, средствами и на материале своего языка. Таким образом, объем работы по расширению запаса слов учащихся возрастет. Ясно, что такая работа не может проходить только от случая к случаю, не может быть кратковременной — это планомерно построенный, рассчитанный на ряд лет серьезный труд, проводимый с применением различных методов.

В карельском языке не совсем ясно положение с согласными после согласных внутри слова. Например: pertt'i — pert'i „изба“, т. е. после *r—tt'* или *t'*; parkk'i или parki „дубильная кора“, т. е. после *r—kk'* или *k*; palkku или palku „плата, оклад“, т. е. после *l—kk* или *k* и т. д. В произношении одних карел в таких случаях совершенно ясно выступают одиночные *t*, *k* и др., а в произношении других наблюдаются колебания: то как будто это одиночные, то как будто более или менее усиленные, приближающиеся к двойным. Об этом приходится говорить особо, так как с этим связан довольно тяжелый для наших школ вопрос о правописании подобных слов с двойными согласными. В значительной части школ это место школьной программы было камнем преткновения, гнездом орфографических ошибок. Вполне естественно, что учителя уже давно обратили внимание на такое трудное место программы, обсуждали вопрос и предлагали некоторые способы преодоления трудности. Предложения главным образом сводятся к тому, что нужно вводить больше упражнений на эти случаи, противопоставляя слова с двойными согласными словам с одним согласным (aita — aitta и пр.).

Нужно прежде всего сказать, что ошибки на двойные согласные бывают двух родов: двойные согласные после гласного (sukka „чулок“, ottaa „вязать“ и т. д.) и двойные согласные после согласного (parkki „дубильная кора“, pirtti „изба“ и т. д.). Часто эти два случая смешивают, считая, что это одно и то же. А это далеко не так. Двойные согласные после гласного в карельском языке широко бытуют (как и в финском), часто различаются от одиночных и в произноше-

нии и на слух. Карельский ребенок сравнительно легко определит, что в *kukka* после *и* двойное *k*, а в *kuika* — одно *k*, и ему не представляет большого труда научиться правильно писать подобные слова. Здесь требуется, чтобы ученику было знакомо слово, чтобы он понимал его и правильно произносил; правильно произнося, он будет и правильно писать. Если же ученик не понимает значения слова, не знает правильного его произношения, то ошибки при письме вполне естественны. Борьба с ошибками или, правильнее, — борьба за предупреждение ошибок в употреблении двойных согласных после гласного должна начинаться с устной работы над словом: во-первых, чтобы учащиеся понимали слово и, во-вторых, чтобы правильно произносили его, не ошибались в произношении. Если эта работа будет закреплена некоторым количеством упражнений (*laki — lakki, mato — matto, tuki — tukki, lauta — lautta, aita — aitta* и т. д.), то не будет ошибок и в письменных работах учеников.

Рассмотрение ошибок на двойные согласные показывает, что действительно нельзя путать два таких случая, как *tukki* и *parkki*, что ошибки в основном падают на случаи, подобные *parkki* (т. е. когда двойной согласный приходится после согласного, а не после гласного). Если для детей-карел написание слов *sukka, tyttö, seppä, katto, pallo, tukki* и пр. совпадает с их привычным произношением и потому ошибки в таких словах — явление случайное, а не массовое, протекающее не от незнания, а от невнимательности, то совершенно иначе дело обстоит со словами *talkkuna* „толокно“, *lamppu* „лампа“, *sirppi* „серп“ и пр. Здесь привычное произношение не совпадает с требованиями правописания, слух не подсказывает ученику, что нужно писать *lkk, mpp, rpp* и пр. Наоборот, слух и произношение подсказывают, что нужно писать *talkuna* (кар. *talkun*), *lampu*, *sirpi* (кар. *širpi*) и пр.

Вот почему ошибки в правописании двойных согласных, выступающих после согласного, являются массовыми, трудно изживаемыми. Они имеют питательную почву в глубине диалектов или говора ученика.

Для изжития ошибок некоторые учителя предлагают проводить больше упражнений с сопоставлением слов с одним согласным и с двойными согласными; например: *kanta* „каблук, основание“, *kartta* „карта“, *kampa* „гребень“, *kamppailla* „бороться“, *kalke* „стук“, *kalkki* „известь“, *särki* „плотва“, *särkkä* „отмель“ и т. д. Такие сопоставления, по сути дела, дают очень мало пользы для правописания, а в определенных случаях приносят прямой вред. Ведь никакое количество сопоставлений не подскажет ученику, почему же все-таки в *rimppu* „насос“ пишется два *p*, а в *rimpulli* „хлопок, вата“ — одно *p*; *korppi* „ворон“ — два *p*, *korpi* „глухой лес“ — одно *p*; *kansa* „народ“ — одно *s*, *kanssa* „с, со“ — два *s* и т. д. и т. п.

Работу, на наш взгляд, надо строить иначе. Следует начинать с устной работы над словом. Речь идет не только о словах, в которых выступают двойные согласные после согласного. Нужно, чтобы ученики прежде всего знали значение слова, чтобы правильно его произносили. Следует заметить, что очень многие из таких слов детям неизвестны. Необходимо, чтобы они утвердились в знании значения слова и не путали его с другими словами. После этого ученикам совсем нетрудно определить, что они имеют дело именно с двойным согласным. Затем это слово следует записать в особую таблицу. Нам кажется, что не является антипедагогическим и антиметодическим,

если в карельской школе ученики будут записывать, запоминать и заучивать слова с двойными согласными после согласного в середине слова. Постепенно составятся таблицы, которые ученики всегда должны иметь при себе. Следовало бы иметь и стенные таблицы. К этим словам следует постоянно возвращаться, повторять, пока в этом будет необходимость.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Из морфологических особенностей укажем лишь на некоторые. Нет ни одного карельского диалекта, в котором склонение имен и спряжение глаголов совпадали бы со склонением и спряжением финского литературного языка. Вопрос прежде всего касается местных падежей — внутренне-местных и внешне-местных. Они представляют особые трудности для учителя. У ливвиков, например, положение следующее: внутренне-местные падежи инессив и элатив формально не различаются, они объединены в один падеж с окончанием *-s* (вместо финск. *kalassa, silmistä* и пр. у ливвиков *kalas, silmäs* и пр.). Для различения значений этих падежей при элативе употребляется послелог *päi*, иллатив имеет окончание *-h*, присоединяемое к основе (вместо *taloon, suohon, teihin* и пр. у ливвиков *taloh, suoh, teih* и пр.). Внешне-местные падежи адессив и аблатив тоже не различаются, они объединены в один падеж с окончанием *-l* (вместо финск. *kaivolla, kivellä* и пр. у ливвиков *kaivol, kivel* и пр.). Для различения значения этих падежей при аблативе также употребляется послелог *päi*. Аллатив имеет окончание *-le* (вместо финск. *-lle*), но употребляется он не у всех ливвиков, и тогда все три внешне-местных падежа, где аллатив не употребляется, объединены в один с окончанием *-l*.

Партитив у ливвиков имеет целый ряд окончаний, эссив вместо финск. *-na (-nä)* оканчивается на *-nnu (-nnu)*, транслатив вместо финск. *-ksi* оканчивается на *-kse*, абессив вместо финск. *-tta (-ttä)* оканчивается на *-ta (-tä)* и *-ttah (-ttäh)*.

У людиков и собственно-карел особенности в склонении имен другие.

Учащиеся обычно без особого труда усваивают новые для них падежи и падежные формы. Учителя с самого начала учебы, с первых дней школьной работы, обращают внимание на падежные формы, стараются разъяснить их, довести до сознания детей содержание падежей. Правда, в это время еще не даются названия падежей, не разъясняют, что такое падеж и проч., но дети уже начинают понимать разницу между *kaarissa, kaarista, kaarilla* и т. д.

К такой работе вынуждает учителя учет особенностей языка учащихся. Учитель видит, что если он с первых же шагов не займется этим делом, ученики в очень многом не поймут его.

Надо сказать несколько слов о собственно-карелах. У них имеется два внешне-местных падежа: адессив на *-lla (-llä)* и аблатив на *-lda (-ldä)*; аллатива на *-lle* нет, его функции несет на себе адессив. В части школ с трудом идет освоение аллатива, т. е. выделение этого незнакомого детям падежа из состава привычного, знакомого адессива. Нередко ошибки в употреблении аллатива и адессива удерживались не только до 4-го, но даже и до 7-го класса. Причина в том, что в школе своевременно не учли эту особенность местного диалекта, не обратили на нее должного внимания, а затем к делу отнеслись

формально, стали количественно увеличивать упражнения по правилу: если слово отвечает на вопрос *milla?*, то его надо ставить в адессиве с окончанием *-lla* (*-llä*), а если отвечает на вопрос *mille?*, то его надо ставить в аллативе с окончанием *-lle*. Но беда здесь в том, что хотя правило это ученики затвердили и знают, они не знают главного — когда ставится вопрос *milla?*, когда *mille?*, что означает *milla?*, что означает *mille?* В языке учащихся нет понятия *mille?*, оно сливается с *milla?*, целиком заменяется *milla?* Задача заключается не в количестве упражнений, а в том, чтобы ученики четко различали *milla?* и *mille?* (если предмет лежит на чем-либо, то это *milla?*, а если предмет кладется на что-либо, то это *mille?*).

Из спряжения глаголов следует указать на расхождение в повелительном наклонении (3 лицо): финское окончание — *-koon* (*-kōön*), карельское — *-kkah* (*-kkäh*), *-gah* (*-gäh*), *-ttaheze* (*-ttäheze*), *-daheze* (*-däheze*) — *otakkah*, *syögäh*, *otettahaze*, *syödäheze*.

Затем требуют упоминания окончания глаголов 1, 2 и 3 лица множественного числа: вместо финских *-mme*, *-tte*, *-vat* (*-vät*) у ливвиков выступают *-mmo* (*-mmō*), *-tto* (*-ttō*), *-tah* (*-täh*): *otammo*, *otatto*, *otetah* и пр., а в прошедшем времени (3 лицо) — *-ttih*, *-dih* (*otettih*, *syödih*).

В неопределенно-личной форме глагола (в пассиве) у ливвиков окончанием является окончание 3 лица множественного числа, действительного залога (актива), т. е. форма пассива и форма актива совпадают (*otetah*, *annetah* и пр.). В финском же языке пассив имеет свою особую форму, которая образуется из удлиненного конечного гласного основы пассива плюс окончание пассива *-n* (суффикс пассива *-tta* или *-ta*): *otetaan*, *annetaan* и пр.

При разработке вопроса о притяжательной суффиксации следует учитывать, что у ливвиков эти суффиксы употребляются не широко, как в финском литературном языке, а очень ограниченно — лишь в отношении близких родственников. Суффикс 2 лица *-s*: *tuamas* „твоя мать“, *veiles* „твой брат“ и пр., суффикс 3 лица *-h*: *tuattah* „его отец“, *t'outah* „его тятя“ и пр. Сохранились лишь следы суффикса 1 лица *-n'i*, который без ласкательно-уменьшительного суффикса не употребляется (*tuamozen'i*, *tuamoizen'i* „маменька моя“ и пр.). В финском языке мы имеем:

1 л. <i>laukkuni</i>	„моя сумка“	<i>laukkumme</i>	„наша сумка“
2 л. <i>laukkusi</i>	„твоя сумка“	<i>laukkunne</i>	„ваша сумка“
3 л. <i>laukkunsa</i>	„его сумка“	<i>laukkunsa</i>	„их сумка“

Из синтаксических вопросов наибольшее внимание обращает на себя неодинаковое употребление генитива. Для ливвиков чуждо такое построение предложений, как *apnoin rojan uida* „разрешил (я) мальчику купаться“, *minun on kylmä* „мне холодно“, *sinun täytyy mennä* „тебе надо идти“. Ливвики подобные предложения строят по русскому образцу: *minul on vilu* „мне холодно“, *sinul (e) pidäy mennä* „тебе надо идти“ и т. д. Вместо генитива в финском языке у ливвиков — объединенный внешне-местный падеж.

ВЫВОДЫ

Здесь были затронуты только некоторые вопросы сходства и различия между финским литературным и карельским языками. Их можно значительно расширить. Сравнения делались с одним говором ливви-

ковского диалекта (коткозерским), а не со всем диалектом в целом. Из незатронутых говоров этого диалекта заслуживает внимания говор, распространенный на небольшой территории, охватывающей Видлицы, Большие Горы, Погран-Кондуши и другие пункты Олонецкого района; Пульчейлу, Колатсельгу и другие пункты Ведлозерского района, где в отношении долготы гласных дело обстоит очень близко к литературному финскому языку (таа „земля“, ään'i „голос“, andaа „дать“ и пр.). Мало затронут собственно-карельский диалект и вовсе не затронут людиковский.

Однако материал все же приведен достаточный для того, чтобы показать, что обучение финскому литературному языку и грамоте на финском языке детей-карел представляет известные трудности. От учителя требуется знание не только финского литературного языка, но и знание хотя бы основных особенностей языка своих учеников. От учителя требуется продуманная, планомерная, настойчивая работа над словарным составом, над правильным литературным произношением, над усвоением грамматики, над орфографией. Требуется правильная дозировка времени на подачу нового материала, на закрепление пройденного материала, на систематическое, повседневное повторение. О терпеливом исправлении речи учащихся нельзя забывать ни на одну минуту.

На одном из совещаний в Министерстве просвещения республики была отмечена одна характернейшая черта в работе многих наших школ: указывалось, что в ряде школ речь учащихся пестрит диалектизмами. Это, надо думать, прямое следствие недоучета значения родного языка учащихся, недоучета того, что язык устойчиво держится своих грамматических правил (писанных или неписанных), своего основного словарного фонда. И если только упустить это из виду, ученики, незаметно для себя, будут вплетать в речь свои привычные слова, свои привычные формы и пр. Нельзя не учитывать того, что обучать карел финскому литературному языку — значит изменять в той или иной мере привычные нормы грамматики карельского языка, изменять словарный состав языка, т. е. в короткий срок учебы в школе переделать речь, на которой ребенок говорит и на которой говорит все окружающее население. Многие считают, что карельский бесписьменный язык не может оказать влияния на установившийся литературный финский язык. Но факты показывают, что это не так, если после семи лет учебы на финском языке мы наблюдаем многочисленные диалектизмы.

Диалектизмы в речи учащихся говорят, очевидно, и о том, что кое-где существует недооценка требований к улучшению преподавания финского языка и недооценка важного значения овладения нашей молодежью правильной устной и письменной литературной речью.

Учитывать сходства и различия между литературным финским и карельским языками вовсе не означает, что эти сходства и различия, а также вытекающие отсюда трудности должны найти место в школьных программах и учебниках финского языка. Если поместить их в программы и учебники, то это будет означать, что мы делаем этот материал предметом изучения в школе. Это будет означать, что в северной Карелии нужно изучать ливвиковские и людиковские явления, совершенно неизвестные северным карелам, ливвики должны изучать людиковские и собственно-карельские явления, тоже неизвестные им, а людики должны изучать незнакомые им явления языка

ливвиков и собственно-карел — получилось бы нечто похожее на сравнительную грамматику. Ясно, что такая постановка вопроса принесла бы только большой вред. Нужно лишь учитывать при преподавании финского литературного языка местные говоры, их особенности и в этом плане строить и методику уроков.

Что же касается методических пособий для учителя, то в них, по нашему мнению, следует указать на сходства и различия, на трудности, проистекающие отсюда, давать указания на то, как использовать в учебной работе эти сходства и различия, давать примеры преодоления отдельных трудностей и т. д.

В учебниках финского языка небесполезно будет несколько расширить упражнения на случаи, представляющие наибольшие трудности и являющиеся общими для всех карел (например, отдельные случаи чередования ступеней согласных, склонения имен, спряжения глаголов и пр.).

Сектор языкознания Института языка, литературы и истории Карело-Финского филиала АН СССР закончил составление диалектологического атласа карельского языка. В нем будут отражены особенности всех карельских диалектов и говоров республики. Атлас будет служить важным подспорьем в работе учителя с детьми-карелами.

А. А. Беляков

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ОВЛАДЕНИИ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАРЕЛАМИ И ФИННАМИ

Великий русский ученый и прекрасный знаток русского языка М. В. Ломоносов видел в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того — богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков.

В наши дни, когда в СССР небывало выросли экономика и культура, техника и наука, — вырос и развился и могучий русский язык.

Ведь язык и его развитие, его рост и все языковое богатство нераздельно связаны с самим народом — носителем этого языка, с его развитием и его историей, поэтому правильно будет сказать, что своим богатством язык отображает богатство всех сторон жизни народа. Великий и мощный язык присущ великому народу.

О великом русском народе И. В. Сталин в Кремле на приеме командующих войсками Советской Армии 24 мая 1945 года высказался следующим образом: „Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и, прежде всего, русского народа... за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза... за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. ...за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение“.

Язык великого русского народа достоин того, чтобы его изучали все народы Советского Союза.

На русском языке написаны произведения талантливых представителей классической русской литературы. Красоту поэзии А. С. Пушкина можно полностью почувствовать только тогда, когда читаешь ее на русском языке.

Богатейшая советская художественная, политическая, техническая и научная литература по всем отраслям знаний в основном написана на русском языке. Все выдающиеся произведения, написанные на языках различных национальностей нашего Союза, могут стать достоянием всего советского народа только тогда, когда они будут переведены на русский язык, ибо русский язык является тем центром, вокруг которого объединяются все языки многонационального Советского государства.

Каждый гражданин Советского Союза не может знать все языки, на каких выходит у нас художественная и научная литература. Но представитель любой национальности Советского Союза может и должен, кроме своего языка, овладеть также русским языком. Только тогда он сможет свободно пользоваться всеми богатствами и достижениями науки, техники и культуры.

Вся общесоюзная и международная жизнь в первую очередь освещается центральным радио и центральной прессой. Поэтому, чтобы знать повседневную жизнь нашей страны — нашей великой Родины — и важнейшие события международной жизни, необходимо знать русский язык.

На строительствах крупных предприятий и гидростанций, на великих стройках, где работают люди со всех концов нашей страны, представители всех национальностей, населяющих Советский Союз, свободное общение возможно только на одном общем языке, ибо всех языков, на которых говорят в нашей великой стране, невозможно знать. Таким общим языком является русский язык: он удовлетворяет всех, он служит лучшим средством общения и обмена мыслями. „Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества, — стало быть, невозможно само существование общественного производства“.¹

Создатель Коммунистической партии и Советского государства, наш учитель и вождь В. И. Ленин писал свои произведения и говорил с народом на русском языке. Его верный ученик и последователь И. В. Сталин писал свои произведения и говорил с народом на русском языке.

Можно ли народам Советской страны не знать русского языка? Нам кажется, что в овладении русским языком у всех имеется большая потребность, которая приводит к необходимости изучения русского языка.

Иначе и быть не может. Единые общегосударственные планы, единые хозяйственные задачи, осуществление единой идеи построения коммунистического общества в нашей стране выдвигают потребность в овладении единым языком, понятным для всех межнациональным средством общения, орудием развития и борьбы. Поэтому двуязычие становится обычным явлением. Пользующихся двумя языками становится все больше, особенно среди представителей малых наций и народностей. Русский язык ни для кого из нас не кажется чужим языком; он является как бы вторым родным языком, необходимым в общей жизни страны.

В последние годы как финская, так и вообще вся советская школа пострадала от господства марровского „нового учения о языке“ и его представителей — марристов, которые игнорировали фонетику и морфологию, недооценивали правила орфографии.

„В свете гениальных работ товарища Сталина в программах и методике преподавания языков в средней школе обнаружены крупнейшие недостатки. Застой и теоретическая путаница в языкознании, как

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 22—23.

результат антинаучных, немарксистских установок Н. Я. Марра и его учеников и несвойственного передовой советской науке аракчеевского режима, самым отрицательным образом влияли на методику и практику школьного изучения языков. Вместо того, чтобы давать учащимся основы научного знания о грамматическом строе и о словарном составе изучаемого языка, последователи Н. Я. Марра в области изучения языков (Е. П. Петрова, В. И. Лебедева и др.) с фанатическим упорством внедряли в преподавание языков антинаучные прожектерские „идеи“, ведущие к снижению роли грамматики, прежде всего морфологии, в преподавании языка. Последователи Марра в методике преподавания языка допускали грубейшие ошибки: пытались установить непосредственную связь между грамматическими формами и идейным содержанием текста, отрывали работу по лексике от грамматики и литературного чтения, занимались „гнездованием“ слов, выдвигали на первый план синтаксис в ущерб морфологии и в связи с этим пренебрегали развитием прочных орфографических навыков¹.

Все это привело к тому, что в настоящее время знание русского языка нерусским населением Карело-Финской ССР стоит еще на недостаточном уровне. Не говоря уже об ошибках в произношении звуков русского языка финнами и карелами, многие финны не понимают иногда даже слов и оборотов русской речи. Тем большие затруднения представляет передача своих мыслей финнами и карелами на русском языке: им трудно говорить по-русски из-за недостаточного запаса русских слов, из-за незнания русских оборотов речи, незнания грамматических норм. У нас имеются даже преподаватели русского языка в национальной школе, которые владеют русским языком не в полной мере.

Чтобы возможно скорее выправить это положение, следует сосредоточить усилия в двух направлениях одновременно: нужно, чтобы учитель овладел русским языком полностью, и, вместе с тем, нужно улучшить преподавание русского языка в школе.

У нас имеются хорошие методисты, у нас есть преподаватели с большим стажем и большими знаниями предмета и методов преподавания, есть учителя с большим практическим опытом, которые могут оказать большую помощь в деле преподавания русского языка. Они могут поделиться опытом своей работы. Их помощь в этом деле необходима для более молодых учителей.

Русский язык является языком иной системы, чем финский и карельский; он имеет совершенно другую грамматическую структуру, много своих особенностей, несвойственных ни финскому, ни карельскому языкам. Эти особенности, поскольку они являются для учащихся совершенно новыми, требуют более подробного объяснения.

Однако учитель связан программой в распределении времени по разделам. Значит, следует пересмотреть и учебные программы, почасовую сетку. Но даже не выходя за рамки количества часов, отведенных программой на русский язык, можно изменить распределение часов так, чтобы на прохождение трудных разделов было больше времени, чем сейчас. Для этого следует сократить до минимума время на

¹ Из постановления объединенной сессии отделения литературы и языка Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР по вопросам преподавания языков в школе. Известия АН СССР, отд. литературы и языка, том X, выпуск 1, 1951 г., стр. 88—89.

прохождение тех разделов грамматики русского языка, которые имеют параллели в родном языке.

Правда, нельзя совершенно устранять параллельные языковые моменты. Например, категория имени существительного свойственна русскому языку так же, как и финскому и карельскому языкам, но упускать общее объяснение этой части речи нельзя, ибо если мы о ней ничего не скажем, то у учащихся останется недоумение и неуверенность в отношении значения имени существительного. Чтобы этого не случилось, нужно лишь вкратце отметить, что имя существительное в русском языке обозначает то же самое, что и в финском и в карельском. Для этого добавочного времени почти не понадобится, но у учащихся уже будет уверенность в правильном понимании значения существительного. Между тем особенности грамматической категории рода, свойственной русскому языку, и прочие несовпадающие моменты потребуют большего времени на объяснение и закрепление усвоенного.

Выявленные особенности требуют иного построения учебных программ и иных методов, следовательно, иных методических пособий по русскому языку в национальных школах республики. В этом отношении Министерством просвещения сделано еще очень мало. Нужно в кратчайшие сроки сделать все возможное, чтобы школа получила действенную помощь.

При составлении любого методического пособия по русскому языку обязательно нужно знать и учитывать грамматическую структуру и языка учащихся. Без знания грамматической структуры и фонетической системы языка учащихся невозможно выявить особенности русского языка.

Но не только составитель методических пособий должен знать грамматическую структуру языка учащихся. Фонетическую систему, грамматическую структуру и какую-то часть основного словарного фонда обязательно должен знать и преподаватель русского языка в национальной школе. Он должен постоянно учитывать те возможные трудности, которые встретятся на уроке, предугадать, предвидеть возможные ошибки и предупреждать их. Такая работа не потребует дополнительного времени и даст очень хорошие плоды.

Но если учащиеся допустили ошибку и она не была сразу замечена, дети воспринимают неправильное написание и произношение, и исправить такую ошибку уже весьма трудно. А многие ошибки могут остаться и вообще незамеченными.

Методистами эти особенности давно учитывались и имелись в виду, поэтому в ноябре 1950 года на объединенной научной сессии Академии педагогических наук РСФСР и отделения литературы и языка Академии наук СССР отмечалась необходимость знания языка учащихся учителями — преподавателями русского языка в национальной школе.

В рамках статьи мы не можем входить в подробности и ограничимся лишь рассмотрением основных особенностей.

Обратив внимание на языковые особенности, на необходимость предупреждения возможных ошибок, на лучшее распределение времени по разделам программы, мы повысим инициативу преподавателей в овладении основным словарным фондом языка учащихся, в изыскании лучших методов преподавания и т. д.

Трудными для усвоения русского языка нерусским контингентом учащихся являются многие фонетические и морфологические явления. Рассмотрим некоторые из них.

Например, фонемный состав русского языка не соответствует фонемному составу финского языка и языка северных карел. То обстоятельство, что в финском и карельском языках имеются гласные переднего ряда (ä, ö, у), которые отсутствуют в русском, не вносит затруднения при обучении русскому языку, но те звуки, которые есть в русском, а в финском и карельском (севернокарельские говоры) отсутствуют, весьма долго не усваиваются. Такими звуками являются звонкие согласные русского языка: б, г, д, ж, з.

Согласные б, г, д в литературном финском языке употребляются настолько редко, особенно в начале слова, что даже в больших финских словарях на эти буквы имеется лишь по несколько десятков слов. Все эти слова являются заимствованными, и в речи они участвуют исключительно редко.

Согласные ж и з совершенно неизвестны финскому языку: в заимствованных словах они произносятся, как s.

Звуком s финны передают и ш, а иногда и ч и щ, поэтому русские слова, произносимые финнами, понимать весьма трудно, а иные слова совершенно теряют свое русское значение; например: русское *очень* произносится *осень*; *бочка* — *поска*; *сила* — *сила*; *шуба* — *суна*; *жена* — *сена*; *жало* — *сало*; *глаз* — *клас*; *зуб* — *суп*; *щука* — *тсука*; *щипать* — *тсипать* и т. д.

Если дети (финны и северные карелы) приходят в школу, не владея фонемным составом русского языка, то для их уха не будет никакой разницы в звучании между с, ш, з, ж и даже ч, ш и ц. Недаром ш они называют kolmekeppinen ässä, т. е. трёхпалочное эс, ж — hämähäkki ässä, т. е. паук — паучное эс, щ — kolmekeppinen ässä häppän kanssa, т. е. трёхпалочное с хвостиком эс и т. п.

Исходя из этого, каждому учителю с первого же года обучения детей русскому языку нужно не только познакомить их с фонемным составом русского языка, но так натренировать их ухо, чтобы они чувствовали разницу, отличали tavallinen ässä от kolmekeppinen ässä и hämähäkki ässä, т. е. обычное свистящее с от шипящих ш и ж и др.

В то же время нужно научить их произносить эти необычные для них звуки правильно и четко. Нельзя допускать, чтобы они путали произношение, чтобы у них ш и з, и ж, и другие указанные звуки произносились одинаково — как s. Методические пособия должны дать указание — как добиться правильного произношения этих звуков.

Карелы средней и южной Карелии и вепсы в усвоении фонемного состава русского языка затруднений не видят. В их языке наличествуют все фонемы, какие имеются в русском языке. Добавочного времени на усвоение произношения звуков русского языка здесь не потребуется.

Довольно большую трудность для детей — финнов и карел представляет собой ударение в русском языке.

В финском и карельском языке любое слово имеет ударение на первом слоге. Этот закон соблюдается без всяких исключений, независимо от того, меняется форма слова или нет.

В русском языке дело обстоит совершенно иначе: ударяемым слогом может быть любой слог слова. Так, в слове *сани* ударение делается

на первом слоге, в слове *заря* — на втором, в слове *санитар* — на третьем, в слове *капитализм* — на четвертом, *кораблекрушение* — на пятом и т. д.

Но в то же время по законам русского языка во многих словах ударение может переноситься на другой слог слова при изменении его морфологической формы. Например, если в словах, образованных от слова *земляника*, ударение всегда будет оставаться на третьем слоге (*земляничные, земляничкой, о землянике, земляничный*), то в словах, образованных от *рыбак, санитар, вода* и др., место ударения будет меняться: в слове *рыбак* — на втором слоге, *рыбаки* — уже на третьем слоге; *санитар* — на третьем слоге, *санитария* — на четвертом; *вода* — на втором, а *водянистый* — на третьем и т. д.

Многие русские слова — графические омонимы — отличаются друг от друга только положением ударения. Например, если мы ударение делаем на втором слоге слова *замок*, то это — предмет для замыкания дверей. Если ударение в этом же слове перенесем на первый слог, то получим — *замок*, т. е. крепость феодала, дворец владетельного рода и др. Также: *мука* — *мука, село* — *село, вина* — *вина* и т. д.

Усвоение этого вопроса затрудняется тем, что не имеется внешних показателей, по которым можно было бы знать, где делать ударение. Нет таких правил, которые подсказывали бы место ударения. Чтобы знать, где, на каком слоге делать ударение, нужно запомнить каждое слово, и при этом в разных формах. Поэтому ударение, не затрудняющее русского ученика, является весьма сложным для финна и карела.

Работа по усвоению правильного овладения ударением русского языка требует не только объяснения, но и запоминания каждого русского слова на протяжении всего времени овладения русской лексикой и русской речью, поскольку в разных формах одного и того же слова ударение может переходить на разные слоги.

Для запоминания места ударения в слове весьма полезно заучивать наизусть стихотворения. Стихотворение может быть правильно и ритмично прочитано, если будут правильно выделены ударяемые слоги слов: сама ритмика стихотворения подсказывает ударяемые слоги. Совершенно незнакомые слова в стихотворении будут прочитаны правильно.

Большую трудность представляет наличие грамматического рода в русском языке и его отсутствие в финском, карельском и вепском языках. Этот раздел нужно так разъяснить, чтобы учащиеся с самого начала изучения русского языка поняли его особенность. Мышление учащихся финнов, карел и вепсов трудно воспринимает эту совершенно неизвестную им языковую особенность. Можно понять, что *мальчик* — существительное мужского рода, а *девочка* — женского рода. Но как объяснить, что *песок* — мужского рода, а *глина* — женского рода? Только по окончанию: логика здесь не поможет. Разъяснить, что *женщина* ж. р., а *мужчина* м. р., *тётя* ж. р., а *дядя* м. р. можно по естественному полу, здесь уже не помогут окончания. Трудностей очень много: — *Петр Иванович* — *врач* и *Елена Петровна* — *врач*? Какого рода *кондуктор, тракторист, агроном* и т. д.? Почему *пень* м. р., *кипень* ж. р.; *плетень* м. р., *плесень* ж. р.; *трутень* м. р., *супонь* ж. р.; *руль* м. р., *роль* ж. р.; *штемпель* м. р., *карамель* ж. р.; *лунь* м. р., *лень* ж. р.; *кошель* м. р., *пищаль* ж. р.; *ноль* м. р., *мозоль* ж. р.; *толь* м. р., *соль* ж. р.; *пляж* м. р., *сушь* ж. р.; *плюш*

м. р., *плешь* ж. р.; *кряж* м. р., *рожь* ж. р.; *локоть* м. р., *копоть* ж. р.; *лось* м. р., *ось* ж. р.; *портфель* м. р., *оттепель* ж. р. и т. д.

Те слова, у которых легко определяется грамматический род по окончанию или естественному полу, могут быть легко усвоены. Но когда ни окончание (на мягкий согласный), ни естественный пол грамматического рода не подсказывают, слова следует просто запоминать. Для этого весьма полезно составлять словарики на эти слова и, конечно, необходимо составить методическое пособие по теме „Грамматический род в русском языке“, где были бы рассмотрены все особенности этой категории глубже и полнее, чем это дано в школьных грамматиках. Это методическое пособие оказало бы большую пользу преподавателям русского языка, а также послужило бы справочником для взрослых финнов и карел, которые, довольно хорошо владея русским языком, допускают ошибки в употреблении грамматического рода.

Весьма важным моментом при овладении русским литературным языком является усвоение чередования согласных. Несмотря на то, что и в финском и в карельском языке явление чередования ступеней согласных имеется, чередование согласных литературного русского языка представляет большую трудность. Тем более, что среди самого русского населения употребление чередующихся согласных часто не согласуется с нормами литературного языка. Часто можно слышать и от русских (в диалектах): *ляжу спать* вместо „лягу спать“, *бежат по дороге* вместо „бегут по дороге“, *пекёт пироги* вместо „печёт“, *сейчас осветю дорогу* вместо „освещу“, *сидю на скамейке* вместо „сажу“, *гладю платье* вместо „глажу“; снизить — *снизю*, украсить — *украсю* и т. д.

Для финна и карела чередование согласных русского литературного языка является отличным от чередования в их языках; слова с чередующимися согласными приходится запоминать. Но само по себе явление чередования согласных им понятно по примеру своего родного языка, — понятна сама категория чередования согласных: как *kastua* — *kassun*, так и *носить* — *ношу*; как *mado* — *mavon*, так и *веду* — *вели* — *везти*; как *regi* — *rejen*, так и *рог* — *рожок* и т. д.

Также совершенно понятно явление чередования гласных в русском языке, потому что это явление имеется в финском, карельском и вепсском языках. Сама по себе категория понятна, и если учитель приведет несколько примеров из родного языка учащихся, для сравнения с этим же явлением в русском языке, то недоумения не возникнет ни у одного из учащихся. Но какие гласные с какими чередуются — это опять-таки придется запоминать.

То же следует сказать и о беглых гласных. Их отличие от чередующихся гласных только в том, что они совсем выпадают, т. е. чередуются с нулем, например: *сон* — *сна*, *день* — *дня* и т. д.

При объяснении беглых гласных в русском языке весьма уместно здесь же привести параллели супплетивных форм русского языка с финскими и карельскими. Супплетивные — это такие слова, которые при разных грамматических формах производятся от разных корней, например: *я* — *меня*, *иду* — *шел*, *хорошо* — *лучше*. Такие формы имеются и в финском, и в карельском, например *huvā* — *paras*.

Особенно много трудностей для национала, говорящего на русском языке, представляет правильное употребление падежей и предлогов. Не только потому, что финский и карельский языки почти не

знают предлогов, а в русском языке их много, но и потому, что употребление предлогов в русском языке шире, чем употребление в финском и карельском языках послелогов, несущих те же функции, что и предлоги.

Для точного выяснения отношения предмета к предмету иногда недостаточно одних падежных средств. Например, в форме *столом* хотя слово *стол* и оформлено в определенном падеже — творительном, но отношение *стола* к другим предметам не ясно. Здесь на помощь приходят предлоги: они расширяют круг отношений предмета к другим предметам. Прибегнув к помощи предлогов, мы можем сказать: *за столом, над столом, под столом, со столом*.

Если бы каждый падеж, сам по себе или с предлогом, выполнял в основном только одну функцию, тогда усвоение падежей и предлогов не представляло бы трудности для финна и карела. Но, поскольку один падеж, т. е. слово при одном и том же падежном оформлении, может обозначать различные понятия, как например, *стола* в сочетаниях *нет стола, два стола, купленного стола* и т. д., а с предлогом может иметь и еще больше значений, как *со стола, из-за стола, у стола, около стола, от стола, мимо стола* и т. д., то финну и карелу эти понятия даются весьма трудно. Они легко усваивают основное значение падежа и часто это основное значение употребляют вместо неосновного. Особенно же сильно затрудняет их употребление предлогов. Финн и карел, зная достаточное количество русских слов, свою привычную финскую или карельскую форму передают соответствующей русской формой, например, *lumella* — *снегом*, но можно перевести и *на снегу*, это так же правильно, как и *снегом*. Естественно, что данное лицо может сказать правильно предложение: *снегом залепило окно*, но так же легко может сказать и *на снегу залепило окно*. Ведь и *снегом* и *на снегу* одинаково *lumella*. Тоже *piäh* соответствует русскому *на голову* и *в голову*; поэтому нет ничего удивительного, если услышишь предложение: *положи шапку в голову*, вместо *надень шапку на голову*; или: *мне пришла на голову мысль*, вместо *мне пришла в голову мысль*; *дерево рубили на топоре*, вместо *дерево рубили топором*; *самовар стоит в соле*, вместо *самовар стоит на столе*. Также *из стола* вместо *со стола*, *из меня* вместо *от меня* и т. д.

При прохождении темы „Склонение“ нужно разъяснить все функции каждого падежа и обязательно в связи с предлогами, исходя из многообразия значений, придаваемых разными предлогами. При этом необходимо учитывать все функции каждого падежа для финнов финского и карел карельского языков и все значения, придаваемые любому падежу послелогами этих языков.

Нужно ли говорить, что преподавателю русского языка в национальной школе необходимо самому знать эти особенности языка учащихся. Иначе он пройдет мимо и карельских и финских особенностей и связанных с ними русских особенностей. Нужно учесть, что функцию некоторых русских предлогов в финском и карельском языках выполняет падежи. Например, *еду в город* — по-фински *ajan kaupunkiin*, *живу в городе* — *asun kaupungissa*, *положи на стол* — *pane pöydälle* и т. д.

Глагольные времена представляют меньше затруднений для их усвоения, но отличия между всеми рассматриваемыми языками большие. Поэтому преподавателю русского языка в национальной школе

нужно знать, что, например, в карельском языке глагол имеет лишь два времени, прошедшее и настояще-будущее. Простого будущего времени глагол формально не указывает: *tulen* означает как „иду“, так и „приду“. Действие в будущем времени чаще указывается только составным глаголом. Если по-русски мы можем сказать: *я писал, я пишу, я напишу*, то по-карельски *mie kirjutiin — я писал, а mie kirjutan — я пишу и я напишу*.

В финском языке глагол различает тоже только два простых времени: прошедшее и настояще-будущее. Но весьма употребительны и составные времена: прошедшее совершенное и давнопрошедшее. В карельском языке эти составные формы являются пережитками и употребляются очень редко.

Весьма трудным для финнов, карел и вепсов является усвоение правильного употребления глагольных видов русского языка. В употреблении видов у финнов, карел и вепсов всегда наблюдается большая путаница. Это и понятно: ни в финском, ни в карельском, ни в вепсском языках не различаются глагольные виды. Если мы скажем по-русски: *я ел* (несовершенный вид) и *я съел* (совершенный вид), то по-фински или по-карельски будет: *minä (mie) söin я ел и я съел*; или *я покупал* (несовершенный вид) и *я купил* (совершенный вид), по-фински или по-карельски: *minä ostin, (mie) ossiin я купил*. Понятия *я покупал* это уже не означает. Если нужно сказать *я покупал*, то употребляется уже не видовая категория, а категория многократности — *minä ostelin, mie osteliin*. В первом случае *minä ostin, mie ossiin* образовано от основы *osta-*, а во втором случае — *minä ostelin, mie osteliin* образовано от основы *ostele-*.

Не понимая видовых различий русского языка, но зная его словарный состав, финны и карелы часто употребляют вместо глагола совершенного вида глагол несовершенного вида и наоборот. Они не чувствуют ошибки, если говорят: „Все время *вынимал* бумажник из кармана и опять *положил* на место“, потому что слова *вынимал* и *положил* имеют одну форму по звучанию окончания, хотя они и совершенно различных глагольных видов: *вынимал* является глаголом несовершенного вида, а *положил* — глаголом совершенного вида.

Начиная различать такое несоответствие, говорящий старается избежать его, т. е. исправить видовое несогласие. Но в данном предложении, желая привести оба глагола к одному виду, он опять ошибается, потому что образует несовершенный вид от такого глагола, который при этом меняет свой смысл, становится не тем словом. Он говорит: „Все время *вынимал* бумажник из кармана и опять *полагал* на место“. Как видим, удалось привести второй глагол к несовершенному виду, т. е. уничтожить видовое несоответствие в предложении, но слово получилось такое, которое в данном контексте в русском языке не употребляется (употреблено в смысле *класть — клал*).

Таких ошибок в речи финнов и карел довольно много, поэтому при обучении детей русскому языку на категорию вида нужно обратить самое серьезное внимание.

Не входя в рассмотрение других категорий русского языка, имеющих свои особенности в сопоставлении с финским и карельским языками, следует сказать, что такие же трудности, как и глагольные виды, представляет для финнов и карел овладение категориями причастий и деепричастий русского языка. Особенности эти весьма

сходны с особенностями категории глагольного вида, поэтому их рассмотрение мы опускаем.

Несколько слов следует сказать относительно лексики, т. е. об овладении финнами и карелами словарным составом русского языка.

Поскольку никакая грамматическая категория не может рассматриваться вне лексики, вне слов, то при рассмотрении выше грамматических категорий нам уже пришлось затронуть фонетическую и морфологическую структуру слов, входящих в ту или иную грамматическую категорию. Остановимся еще на следующих двух вопросах: 1) многозначность слова и 2) словообразование, принципы словообразования.

Ряд русских слов имеет одно значение. Такие слова при их изучении труда не представляют. Но большинство слов, кроме своего основного значения, имеют еще разные дополнительные значения. Например, слово *поверить* как глагол совершенного вида соответствует глаголу несовершенного вида *верить*. В этом случае можно сказать: *я тебе поверю, если докажешь*. Но если нужно сказать: *я тебе поверю свою тайну*, то, не зная различных значений слова *поверить*, придется сказать: *я тебе скажу свою тайну*, ибо слово *поверить* неизвестно учащемуся как соответствующее глаголу несовершенного вида *поверять*. А ведь выражения *я тебе поверю свою тайну* и *я тебе скажу свою тайну* отличаются по значению.

Другой пример — русское слово *класть*. Основное его значение — помещать в лежащем положении. По-фински или по-карельски ему соответствует *раппа*. Но если нужно сказать русскими словами финское или карельское предложение *класть печку*, т. е. *складывать печку*, то и финн и карел могут сказать *положить печку*, вместо *сложить печку*; *курица положила яйцо*, вместо *курица снесла яйцо*; *положить столб*, вместо *поставить столб*; *положить шапку*, вместо *надеть шапку* и т. д. Такие ошибки в речи финнов и карел весьма часты.

Подобные ошибки происходят и от незнания переносного значения русских слов и выражений. Поэтому при изучении русского языка необходимо возможно полнее раскрывать значение слов, а не ограничиваться рамками краткого словаря.

Вопрос словообразования в преподавании русского языка важен потому, что, зная его принципы, зная, как при помощи суффиксов и префиксов можно образовать новые слова, легко составить обширный словарь от незначительного количества известных основных слов. Небольшое количество известных слов основного словарного фонда русского языка дает возможность с помощью словообразовательных суффиксов и словосложения произвести весьма значительное количество производных слов.

С другой стороны, знание определенного количества основных слов русского языка дает возможность понимать без затруднения весьма широкий круг русской лексики. Например, если мы знаем слово *вода*, то при знании словообразовательных аффиксов можем узнать или образовать множество слов; например: *водица, водник, водный, водянка, водяной, водянистый, надводный, подводный, подводник, водичка* и т. д. А сколько слов можно образовать с помощью префиксов и суффиксов, например, от слова *ход*?

Словосложение дает также большое количество образований; например, от того же слова *вода* можно образовать: *водовоз, водогрейка, водоем, водокачка, водонос, водосбор, водоход* и т. д.

Ясно, что знание принципов словообразования весьма полезно при изучении русского языка. Следовательно, этой теме нужно уделить и соответственное внимание и время, как в преподавании, так и в программах.

Итак, русский язык для учащегося финна и карела является языком иной системы, с иной грамматической структурой, для финна к тому же и с иной фонетической системой, и следует признать, что возникают значительные трудности при овладении многими явлениями русского языка.

Для облегчения усвоения русского языка нужны специальные методические пособия, учитывающие все особенности русского языка, не свойственные финскому и карельскому языкам.

Но для того, чтобы преподаватель лучше мог вникнуть в эти особенности, чтобы он их видел полнее, глубже мог войти в языковые тонкости — преподавателю русского языка необходимо знать и структуру того языка, на котором говорят обучаемые им дети.

Учитель должен иметь пособие, дающее описание грамматического строя языка учащихся, и словарь их языка. Конечно, еще лучше, если бы учитель имел в своем распоряжении сопоставительную грамматику русского-финского-карельского языков. Только при наличии этих пособий и специальных методических указаний по особенностям языков можно добиться правильного, полного и более легкого овладения русским языком финнами, карелами и вепсами.

A. J. Flinkman

SANASTOTYÖ KOULUSSA

Sanastotyön tehtäviin kuuluu oppilaan sanavaraston laajentaminen ja täsmentäminen. Mitä erikoispiirteitä on oppilaan sanastossa? Lapset usein käyttävät sanoja tiedottomasti, mekaanisesti. Siksi he saattavat käyttää niitä väärin, tietämättä käyttämiensä sanojen ja sanontojen oikeata merkitystä. (Oli *helteinen* tammikuun päivä).

Sitäpaitsi lasten kieleen ympäristöstä joutuu paljon vääriä, puhekielessä käytettyjä, paikallisen merkityksen omaavia tai vierasperäisiä sanoja ja sanontoja (jemtti, meinata).

Nykyään metodiikka erikoisesti tähdentää oppilaan aktiivisen sanaston merkitystä.

Tästä johtuu toinen tehtävä: vähitellen saattaa oppilas käyttämään tuntemiaan sanoja.

Tov. Stalinin lausunnot kielen merkityksestä, sen tärkeydestä velvoittavat meitä kiinnittämään suurta huomiota kielen opetukseen koulussa. Hänen lausuntojensa valossa käyvät selviksi ne metodologiset ja metodiset virheet, joita meillä viime vuosien aikana on esiintynyt kielen opetuksen alalla. Koska sanasto muodostaa „rakennusaineen kieltä varten“, ei sen tutkimisen välttämättömyyttä ole aliarvioitava koulussa-kaan. Kielen sanasto on yhtä tärkeä kuin sen kieliopillinen järjestelmäkin. Siksi tulee alinomaa rikastuttaa ja laajentaa oppilaiden sanavarastoa. Oppilaiden on käytännöllisesti omaksuttava suomen kirjakielen sanasto.

Kieli, sanat ovat välittömässä yhteydessä ajattelun kanssa. Ajattelu voi syntyä ja olla olemassa vain kieliaineiston perustalla. Kielellä, sen sanastolla on valtavan suuri merkitys ihmisyyhteiskunnan kehityksessä. „Historia ei tunne ainoatakaan ihmisyyhteiskuntaa, kaikkein takapajuisinta-kaan, jolla ei olisi ollut omaa äännekieltään“¹, — sanoo tov. Stalin. Juuri siksi koulumme edessä kielen opetuksen alalla on mitä suurin ja vastuunalaisin tehtävä.

Sanastotyötä on opettajan suoritettava kaikkien aineiden yhteydessä, luokan ulkopuolisessa työssä ja jokapäiväisessä välittömässä kosketuksessa oppilaitten kanssa.

Poikkeuksellisen tärkeä merkitys kieliopin opetuksessa on teemalla „Sanan rakenne“. Tämän teeman käsittelyn tuloksena oppilaiden tulee saada tiedot ei ainoastaan sanan kokoonpanosta, vaan

niiden muotojen johtamisessa. Oppilaiden tulee saada alkeellisia tietoja sanojen monimerkityksellisyydestä, niiden suoranaisesta ja kuvaannollisesta merkityksestä, homonyymeista, vanhoista ja uusista sanoista, lainasanoista.

Tulee opettaa ymmärtämään suomen kielen sanojen muodostuminen johtamisen ja yhdistämisen tietä.

Koulussa suoritettavan sanastotyön tarkoituksena on laajentaa ja rikastuttaa oppilaan sanavarastoa, opettaa hänet valikoimaan sanat voidakseen oikein ilmaista ajatuksensa, opettaa hänet puheessaan käyttämään täsmällistä sanastoa.

Mikäli oppilaan sanavarasto on niukkaa, epätarkkaa, sanojen merkityksen ymmärtäminen monasti virheellistä, se velvoittaa opettajaa täydentämään oppilaan sanavarastoa ja oikaisemaan siinä esiintyviä virheellisyyskielen vaatimuksia vastaavasti. Se velvoittaa kehittämään aktiivista sanavarastoa.

Tarkastelkaamme konkreettisen aineiston perusteella sitä, miten tapahtuu sanastotyö kielen tunneilla.

Kielen rikkauten pohjana on sen sanaston rikkaus. Vanhoja sanoja katoaa ja uusia yhä syntyy. Uutta sanastoa meillä syntyy ja tulee yhä enemmän kielenkäyttöömme tieteen ja tekniikan kehityksen yhteydessä, poliittisen ja yhteiskunnallisen elämän, sosialistisen rakennustyön kehityksessä.

Kielen sanaston rikkauten mittapuuna pidämme ei ainoastaan sen määrällistä paljoutta, vaan sanojen merkityksen monipuolisuutta, niiden moninaisia merkitysvivahteita, *synonymien paljoutta*. Sanoilla saattaa olla runsaasti synonyymeja.

Esim. *Aava*, aukea, avoin, avonainen, lakea, laaja, avara, aukinainen; *Loppumaton*, ainainen, alituinen, iäinen, ikuinen, loputon, lakkaamaton, päättymätön, ehtymätön, ääretön, rajaton, herkeämätön, höltymätön, keskeytymätön, mittaamaton, määrätön, suunnaton, tavaton;

Ääntää, puhua, lausua, virkkaa, sanoa, haastaa, jutella, pajattaa, pärpättää, ärjyä, kirkua, kiljua, äristä, murista, jокелtaa, sammaltaa jne. (lähes 100 sanaa);

Urhoollinen, miehekäs, miehuullinen, rohkea, urhea, uskalias, peloton, uljas, sankarillinen, urhokas;

Talo, asumus, asunto, maja, pirtti, mökki, pöksä, linna, palatsi, hökkel, kartano, tölö;

Välkkyä, loistaa, hohtaa, kimaltaa, helottaa, ki

Sanojen monimerkityksellisyyttä ei pidä sekoittaa homonyymeihin. Nämä ovat sellaisia sanoja, jotka ääntymisensä puolesta ovat samanlaisia, mutta merkityksensä puolesta eriäviä. Esim. *kuusi* (puu, luku); *poro* (sohju, eläin); *raita* (juova, kasvi); *ripsi* (kangas, silmän); *viini* (juoma, nuolikontti) jne.

Homonyymit usein syntyvät siten, että lainattu sekä omakielinen sana ääntyvät samoin (ripsi, viini).

Paitsi synonyymeja ja homonyymeja on kielessä myös antonyymeja, vastakkaisen merkityksen omaavia sanoja: *nuori* — *vanha*; *kuuma* — *kylmä*; *rakkaus* — *viha*; *ahkeroida* — *laiskotella*; *lähellä* — *kaukana* jne.

Antonyymit esiintyvät mainiona vastakkaisten käsitteiden ilmaisemisen tyyliällisenä keinona.

Suomen kieli rikastuu myös siten, että sillä on käytettävissään laajat mahdollisuudet johtaa sanoja kantasanoista. Esim. sanasta *kuori* voidaan johtaa: *kuorellinen*, *kuoreton*, *kuorettua*, *kuorettuminen*, *kuoria*, *kuoriainen*, *kuorimaton*, *kuoriminen*, *kuorinta*, *kuoriutua*; sama sana yhdistettynä muihin sanoihin ilmaisee vielä käsitteitä: *kuorimaito*, *kuorimakone*, *kuorinkauha*, *kuorimismenetelmä* jne.; sanasta *loistaa*: *loistava*, *loistavasti*, *loiste*, *loistelias*, *loistella*, *loisto*, *loistoisa*; *loistoaika*, *loistojuna*, *loistokohta*, *loistokausi*, *loistonumero*, *loistoteos*, *loistopainos* jne.

Kieli ei pysy muuttumattomana. Toveri Stalin opettaa, että „kieli... on useiden aikakausien tuote, joiden kuluessa se muovautuu, rikastuu, kehittyy ja hioutuu“¹, ja että kielen sanasto „on miltei herkeämättömän muuttumisen tilassa“². Se on välittömässä yhteydessä ihmisen tuotannolliseen toimintaan sekä „kaikkein muuhunkin ihmisen toimintaan“³. Se „heijastaa tuotannossa tapahtuvia muutoksia“⁴ ja muuttuu itsekin.

Oppilaille tulee näyttää kielen tämä ominaisuus. Tulee näyttää, ettei sanasto jää muuttumattomaksi, että silläkin on historiansa.

Tov. Stalin sanoo, että... „kielen sanasto, kaikkein herkeämättömän muuttumisen tilassa... kielen sanastosta tavallisesti jää pois jokin määrä vanhentuneita sanoja, siihen tulee lisää paljon uusia sanoja“⁵. Me emme enää yleisesti käytä sellaisia sanoja kuin *ylkä*, *haarniska* jne.

Voidaksemme ymmärtää sanastossa tapahtuvat muutokset tulee lähtökohtanamme pitää tov

sista ajoista asti ja elävät meidänkin päivinämmen. Perussanasto kehittyy ja täydentyy.

Suomenkielen sanasto muuttuu herkeämättä. Tekniikan kehittyessä monet työvälineet, tarpeet, yhteiskunnallisen talouden tarvikkeet joutuvat pois käytännöstä tai vaihtuvat toisiin, täydellisempiin. Esimerkiksi sellaiset liikennevälineet kuin hevosraitiotievaunu, kuomuvaunut ym. ovat jääneet pois ja niiden mukana niitä ilmaisevat sanatkin alkavat joutua pois yleisestä käytännöstä, joutuvat arkaismien, vanhentuneiden sanojen joukkoon. Samoista syistä yleisestä käytännöstä ovat joutuneet pois sellaiset sanat kuin *viini* (nuolikontti), *haarniska* (sotilaan rinnan ja selän metallilevy-suoja), *pertuska* (pisto- ja lyöntiase) ja monet muut. Tällaisia esimerkkejä on paljon.

Lokakuun vallankumouksen jälkeen meillä ovat käyneet vanhoiksi sellaiset käsitteet ja niitä merkinneet sanat kuin *kauppias*, *poliisi* ym.

Mutta vaikka sanoja joutuukin pois yleisestä käytännöstä, niin kielen sanasto ei kuitenkaan vähene, vaan laajenee rinnan yhteiskunnan kehityksen kanssa, rinnan tieteen ja tekniikan sekä kulttuurielämän kehityksen kanssa.

Niinpä Lokakuun vallankumouksen jälkeen kieleen on tullut uusia käsitteitä ja sanoja. Tulivat sellaiset sanat kuin stahanovilainen, iskuri, liukutyö, viisivuotissuunnitelma, kolhoosi jne.

Millä tavalla suomen kirjakielen sanasto uudistuu ja kasvaa? Se täydentyy pääasiallisesti kahta tietä, nimittäin sanojen johdon ja yhdistyksen kautta. Perustana tällaiselle uusien sanojen muodostumiselle on perussanasto, „johon kuuluvat myöskin kaikki kantasanat sen ydinosana“. (21).

Kirjakielen sanasto täydentyy myös siten, että siihen tulee sanoja paikallismurteista. Se, mikä murteissa on arvokkainta, tulee kirjakieleen, vakiintuu siinä ja muodostuu yleiseksi.

Eräänä kirjakielen uudistumisen keinona on vanhojen sanojen käyttö uudessa merkityksessä.

Vanhoja sanoja uusien käsitteiden ilmaisemiseksi käytetään siten, että esineen, ilmiön nimitys siirtyy toiselle. Esimerkiksi sana *kynä* on merkinnyt sulkaa. Aikoinaan on kirjoitettu sulalla. Myöhemmin *kynäksi* alettiin nimittää muitakin kirjoitusvälineitä, vaikkeivät ne olleetkaan sulasta tehtyjä.

Yleisiä ovat myös tapaukset, jolloin nimitykset siirtyvät toisiaan muistuttaville käsitteille. Niinpä sana *kuormitus* merkitsee myös työn määrää eikä

(kaunis, lasi, vaunu, tuomari ym.). Niitä on tullut monista kielistä (kreikasta, latinasta, saksasta, ruotsista, venäjistä: fonetiikka, aritmetiikka, geometria, subjekti, kollektiivi, kommuuni, inspehtori, komissio, professori, lasi, viikonpäivien nimet, prikaati, pataljoona, invalidi, baletti, avanssi, serviisi, kombaini, standartti, klubi, leninki, lysti, vihuri, leipä, saapas).

Suomen kielessä on myös kansainvälistä sanastoa (proletariaatti, sosialismi, kommunismi, radio).

Lokakuun vallankumouksen jälkeen on venäjän kieli antanut erittäin paljon sanastoa, jota on omaksuttu sekä venäjän kielisenä että käännoisinä: kolhoosilainen, stahanovilainen; sosialistinen kilpailu, neuvostolainen jne.

Akateemikko Vinogradov puhuessaan venäjän kielestä, että se käyttää hyväkseen sekä lainasanoja että omia kansallisia kielivarojaan, mainitsee, että englannin kieli tavattoman helposti täydentää varastoaan tavallisesta lahteestaan — latinasta ja muista kielistä, että se elää enemmän vierailta kuin omilla varoillaan. Ranskan kielestä hän käyttää Vendryesin sanoja: se omaksuu ahkerasti uusia sanoja, vaikka entisetkin olisivat vielä täysin kelvollisia, se on karkäs muodille ja uutuuksille. Saksan kielestä hän osoittaa, että se natsionalistisesti vieroksuu lainoja ja ammentaa sanastoa murteistaan ja että sen sanasto kasvaa yhdyssanojen laskuun.¹

Suomen kieli täydentää sanavarastoaan pääasiassa omista kielivaroistaan.

Muutamia metodisia ohjeita opettajille. Käsittällessä teemaa „Sanan rakenne“ on hyvä yhdistää tähän sanastotyökin.

Teeman käsittely koulussa aletaan tutustumalla suomen kielen sanaston tärkeimpiin ominaisuuksiin (sanojen monimerkityksellisyyteen, homonyymeihin, synonyymeihin, antonyymeihin). Sen jälkeen tutustutaan sanaston rikastumiskeinoihin (johto ja yhdistys). Täten annetaan oppilaille kaikkein alkeellisimpia tietoja sanojen kokoonpanosta. Myöhemmin, kun oppilas joutuu tutustumaan äännevaihteluihin, hänen tietonsa sanojen ja sanamuotojen muodostumisesta tulevat täydellisemmiksi. Yhdyssanojen käsittelyyn liittyy myöskin niiden oikeinkirjoitus. Opettaja alkaa teeman käsittelyn lyhyellä johtavalla keskustelulla, jossa korostaa kielen sanaston rikkautta. Sen jälkeen oppilaat tutustutetaan käsitteeseen *sana* ja annetaan käsite sanain monimerkityksellisyydestä. Tässä tarkoituksessa analys

rittaa kirjallisuuden lukemisen yhteydessä (esim. annetaan haettavaksi tekstistä sanat, joita siinä käytetään siirtomerkityksessä).

Seuraavilla tunneilla vakiinnutetaan käsiteltyä aineistoa ja tutustutaan homonyymeihin, synonyymeihin ja antonyymeihin. Haetaan synonyymeja ja antonyymeja opettajan osoittamille sanoille.

Kaunokirjallisen aineiston perusteella näytetään oppilaille, miten synonyymeja käytetään tyylillisissä tarkoituksissa. Esimerkkejä (kuten: kiitivät, porhalsivat, juoksivat) tähän saa miltei kaikista kaunokirjallisista tuotteista. Oppilaille annetaan muodostettavaksi lauseita. Tehdyt havainnot vakiinnutetaan aine- ja mukaelmakirjoituksissa.

Edelleen tutustutetaan oppilaat sanastossa tapahtuviin muutoksiin, niihin syihin, joista muutokset johtuvat.

Tämän kohdan käsittely vaatii opettajalta huolellista metodista valmistusta. On tärkeää, ettei mennä liian yksityiskohtaisiin seikkoihin, vaan käsitellään kyseessäolevan ilmiön pääasia yksinkertaisessa, oppilaille ymmärrettävässä muodossa.

Työn voi järjestää seuraavasti. Keskustelun muodossa annetaan tiedot sanaston muuttumisesta kielen historiallisen kehityskauden aikana ja osoitetaan muuttumisen syyt. Opettaja kirjoittaa taululle muutamia sanoja, joita muinoin käytettiin, mutta jotka nykyään ovat joutuneet pois käytännöstä. Esim. *sotisopa*, *haarniska*, *viini*, *peitsi* ym. Sanat luetaan. Oletettavasti oppilaat eivät niitä ymmärrä, tai ainakaan enemmistö ei ymmärrä (tietysti he ovat voineet niitä tavata historiassa, lukukirjoissa). Asetetaan kysymyksiä, missä he ovat tavanneet näitä sanoja, miten saaneet tietää niiden merkityksen, käytetäänkö niitä nykykielessä. Saadaan selville, että näitä sanoja tavataan nykyään harvoin, tavataan vain historiassa, muinaisen kirjallisuuden muistomerkeissä, historiallisissa romaaneissa. Muinoin niillä oli laaja käyttö. Tapaamme niitä myös „Kalevalassa“. Selitetään näiden sanojen merkitys.

Lopuksi asetetaan kysymys: miksi nämä sanat ovat jääneet pois käytännöstä? Kysytään, käyttävätkö Neuvostoarmeijan sotilaat tällaisia varusteita. Osoitetaan, että sankarillinen Neuvostoarmeija löi fasistiset sotajoukot käyttäen hyväkseen uusinta aseistusta, uusimpia varusteita — kiväärejä, konekiväärejä, kuularuiskuja. Siis sellaiset esineet kuin peitset, säilät, pertuskat, haarniskat ovat j

kaisesta muinaisuudesta asti (isä, emo, poika, maa, kala). Niitä on paljon. Tällaiset sanat muodostavat kielen perussanaston.

Tärkeimpänä sanaston rikastuttamiskeinona on uusien sanojen johtaminen entisistä. Tämä kohta käsitellään eri teemana.

Samoin on yhdyssanojen muodostamisen laita.

Erittäin mielenkiintoista ja tuloksellista on sanastotyö myös kirjallisuuden lukemisen ja kirjallisuuden käsittelyn yhteydessä. Oppitunneilla, luokan ulkopuolisessa työssä sekä välittömässä kosketuksessa opettajan kanssa lapset oppivat käyttämään kirjakielen sanoja ja sanontoja, jotka heijastavat ajatusta oikein ja joiden tulee saada paikkansa kulttuuri-ihmisen kielenkäytössä.

Oppilaat omaksuvat uusia sanoja, ja aikaisemmin tunnetut sanat saavat uutta, syvällisempää sisältöä. Lasten eteen aukeaa kielen uusia puolia. He oppivat näkemään kielen rikkauden, sen voiman ja ilmeikkyyden.

Opettaja auttaa oppilasta ymmärtämään saman sanan erilaisia merkitysvivahduksia, näyttää, miten samaa esinettä, samaa ilmiötä voidaan kuvata eri sanoin riippuen ajatuksen erilaisista vivahduksista.

Lukutunneilla suoritettavan sanastotyön myöskin tulee palvella kahta päämäärää. Oppilaan sanavaraston laajentamisen ja sanaston täsmentämisen ohessa hänet on johdettava ymmärtämään lukemansa tekstin sisältöä yleensä. Toisaalta sanastotyön tehtäviin kuuluu kielen kehittäminen ohjelman asettamien vaatimusten puitteissa.

Valikoitaessa aineistoa kaunokirjallisen tuotteen lukutunnilla suoritettavaa sanastotyötä varten on huomioitava, missä määrin tämä aineisto vastaa mainittuja tarkoituksia. Sanastotyö tulee järjestää siten, että se auttaisi oppilasta ymmärtämään luettavan tuotteen sisällön ja että sitä myöhemmin voitaisiin käyttää hyväksi kielenkehitystarkoituksissa.

Lukutunnilla suoritettua sanastotyötä voidaan vakiinnuttaa seuraavilla kielenkehitystunneilla ja kielenkehitystunneilla saatua aineistoa käytetään hyväksi lukutunneilla.

Jollakin seuraavista tunneista kuvan mukaan laaditaan kertomus, joka on kokoonpantu lyhyistä lauseista, peruslauseista. Teksti annetaan oppilaille

kertomusten lukemisen yhteydessä, on oppilaille annettava jo ennen niiden lukemista täydellinen kuva näistä eläimistä, niiden koosta, oleskelupaikoista. Tämä on parasta tehdä kertomalla näistä eläimistä ja näytämällä niiden kuvia.

Jos tällaiset sanat esiintyvät toisenlaisissa kertomuksissa, vain ohimennen, kun kertomuksen juonena on jokin muu tapahtuma, niin sanat eivät kaipaa näin täydellistä selitystä.

Otamme toisen tapauksen. Oppilas ei ymmärrä sanaa siksi, että tuntee vain osittain sen ilmaisevan esineen tai ymmärtää sanan kannan merkityksen, muttei ymmärrä johdannaista, esim. *istukas*.

Tällöin selitämme sanan merkityksen: *istukkaaksi* nimitetään kesän kasvanutta juurikasvin yksilöä, joka otetaan talteen siemenen saantia varten (säilytetään talven yli kellarissa tai maakuopassa). Lisäksi sanojen kokoonpanoonkin voidaan kiinnittää huomiota.

Kolmas tapaus. Oppilas ei ymmärrä sanaa siksi, että tuntee saman esineen toisella nimellä (hansikas — sormikas, hunaja — mesi, röijy — pusero, uksi — ovi, luokki — vemmeli).

Tällaisessa tapauksessa tuntematon sana vaihdetaan yleisesti tunnettuun ja vanhemmilla luokilla joskus osoitetaan, missä, milloin, miksi esiinestä käytetään erilaisia nimityksiä.

Neljäs tapaus. Oppilas ymmärtää sanan, muttei ymmärrä sen merkitysvivahdusta (*älynvälähdys*, *neronleimaus* ironisesti käytettyinä). Näiden sanojen merkitysvivahdus selitetään äänenpainon avulla, lukemalla ironisesti.

Vaikeita ymmärtää ovat siirtomerkityksessä käytettävät sanat. Metaforain selitys vaatii erikoista työtä.

Vieläkin vaikeampia ovat abstraktisia käsitteitä ilmaisevat sanat. Näitä käsiteltäessä on käytettävä hyväksi lause- tai tekstiaineistoa ja selitettävä sanan merkitys lauseen tai tekstin merkityksen pohjalla. Uusi käsite on selitettävä sikäli, mikäli lukukappaleen sisältö sitä vaatii. Jos sanalla on muita merkityksiä, niistä puhutaan silloin, kun niitä tarvitaan. Ettei tekstiä luettaessa tarvitsisi poiketa kauas syrjään, on abstraktisen merkityksen omaavien sanojen käsittely suoritettava vasta sitten, kun lukukappaleen sisällön ymmärtämistä auttava työ on suoritettu.

Selittäessään sanan merkitystä kyseessäolevassa tapauksessa opettajat usein selittävät tämän sanan muutkin merkitykset. Tätä ei sovi tehdä, sillä se johtaa oppilaan kauas siitä kuvasta, jonka kirjailija on luonut, ja rikkoo kokonaisvaikutelman.

Tietyt oppilaan tulee tietää samojen sanojen erilainen merkitys eri tapauksissa. Kielen arvokkaisiin ominaisuuksiin kuuluu sanojen monimerkityksellisyys. Ja tämä erikoisuus oppilaiden tulee vähitellen oppia ymmärtämään.

Kuitenkaan eri sanojen kaikkia merkityksiä ei voida tutkia kirjallisuuden lukemisen tunneilla. Sitä työtä suoritetaan kieliopin ja kielen kehityksen tunneilla.

Kieliopin tunnilla käsiteltyjen sanain (painaa, painoinen, painos, painostaa, painostus, paini, painija, painiskella, paino, painua, painava, painajainen, painautua, painatus, paine, painella) kannan määrittely ja samankantaisten sanain hakeminen auttaa oppilaita ymmärtämään niiden käyttöä tekstissä.

Osa kaunokirjallisten tuotteiden lukemisen yhteydessä tarvittavasta sanastotyöstä suoritetaan joko kieliopin tunneilla (sanan rakenne, sanaluokat ja niiden merkitys) tai kielen kehityksen ohessa sekä alkeisluokilla maantieteellisen, historian alan ja luonnontieteellisen aineiston lukutunneilla (käsitteiden omaksuminen, sanojen ryhmittely merkityksen mukaan).

Täydentäen ja täsmentäen sanavarastoaan näillä tunneilla oppilaat helpommin ymmärtävät kaunokirjallisia tuotteita.

Osan lukutunneilla selitetyistä sanoista täytyy pysyvästi vakiintua oppilaan sanastoon.

Siksi kielen opetuksessa täytyy olla sijansa kirjallisilla tehtävillä (mukaelmat ja ainekirjoitukset), joiden tarkoituksena on vakiinnuttaa lukutunneilla saatua sanastoaineistoa.

Sanastotyössä tulee pyrkiä oppilaan aktiivisen sanavaraston kehittämiseen.

Kaiken koulussa tapahtuvan sanastotyön tulee pyrkiä rikkaan ja monipuolisen sanaston kehittämiseen oppilaan kielenkäytössä.

А. И. Флинкман

РАБОТА НАД СЛОВАРНЫМ СОСТАВОМ В ШКОЛЕ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
М. М. Гухман, В. А. Звегинцев, П. С. Кузнецов, Б. А. Серебrenников. Внутренние законы развития языка (итоги и перспективы разработки проблемы)	3
П. А. Аристэ. О некоторых грамматических вопросах финского языка	26
М. М. Хямяляйнен. Проблемы грамматики финского языка	35
М. Э. Куусинен. К вопросу об активных причастиях незаконченного действия в финском языке	44
Н. И. Богданов. Лексика как источник истории народа	60
А. А. Беляков. Морфологическая система собственно-карельского диалекта (калининское наречие)	68
М. М. Хямяляйнен. К вопросу о чередовании ступеней согласных в прошлом вепсского языка	98
Н. А. Анисимов. Некоторые особенности в обучении детей-карел финскому языку	109
А. А. Беляков. Основные особенности в овладении русским языком карелами и финнами	122
А. И. Флинкман. Работа над словарным составом в школе	133

Редактор Издательства А. Иванова
Технический редактор Т. Евсеева
Корректор О. Дрозжак

Сдано в набор 30/VI-54 г. Подписано к печати
23 XII-54 г. Е—01211. 9 печатн. листов. 49894 знака
в печати. листе. 11,23 уч.-изд. листа. Тираж 610 экз.
Госиздат КФССР № 154. Заказ № 795. Бумага
70×108¹/₁₆—4,5 бумаги.—12,33 печатн. листа.
Цена 7 руб. 90 коп.

Книжная типография Полиграфиздата
Министерства культуры КФССР
г. Сортавала, Карельская, 32.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
62	24 сверху	sööda	sööma
62	25 "	joda	jooma
62	26 "	mienema	minema
91	15 "	val'iautua	val'tautua
92	10 снизу	aydu	audu
95	15 "	l'ämmit'it'ä	l'ämmit'tiä
116	4 сверху	salvat	salvata